

Быть может

Роман в стихах

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing under a glowing umbrella. They are standing in a shower of golden sparks or rain that fills the air. The scene is illuminated from below, creating a warm, golden glow. The background is dark, making the sparks and the couple stand out.

18+

Вячеслав Губанов

Вячеслав Михайлович Губанов

БЫТЬ МОЖЕТ. Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745392

SelfPub; 2021

Аннотация

Ленинград 1978 года. Виталий молод, красив и умен, и неудивительно, что девушки без ума от него. Но у Виталия разбегаются глаза, и он никак не может сделать свой выбор. Он начинает понимать, что красота и ум противоречат друг другу. Что же выбрать в итоге: ум или красоту? А может, выбрать любовь? Но как человеку, ещё не испытавшему любви, понять, что это именно она, любовь? Виталий прошёл нелёгкий путь, который привёл его к желанной цели, и он готов поделиться своим опытом с каждым желающим.

Содержание

Книга 1	5
Предисловие	6
Глава 1. Студент	10
Глава 2. Меланхолия	17
Глава 3. Исцеление	23
Глава 4. Осознание красоты	35
Глава 5. Нина	44
Глава 6. Разрыв с Ниной	55
Глава 7. Знакомство с Алиной	69
Глава 8. Танцы	81
Глава 9. Сомнения Алины	97
Глава 10. Седьмое ноября	106
Глава 11. Вечеринка	112
Глава 12. Чёрная суббота	126
Глава 13. Ошибка Алины	136
Глава 14. Проводы брата	147
Глава 15. Броня и Соня	157
Глава 16. Новый год с сослуживцами	164
Глава 17. Новый год с Алиной	173
Книга 2	181
Глава 18. Лекарство от красоты	181
Глава 19. Свежее дыхание юности	194
Глава 20. Замужняя женщина	208

Глава 21. День рождения Аллы	215
Глава 22. Отчаяние Алины	227
Глава 23. Признание ошибок	232
Глава 24. Вагина	248
Глава 25. Весы любви	265
Глава 26. Раскаяние	276
Глава 27. Примирение	287
Глава 28. Воскрешение	296
Глава 29. Сближение	306
Глава 30. Первый раз	314
Эпилог	325
Примечания	335

Вячеслав Губанов

БЫТЬ МОЖЕТ.

Роман в стихах

Книга 1

*Посвящается моему покойному другу
Виктору Сухоручкину.*

*Когда встретишь своего человека, поймёшь,
почему с другими не получалось.*

Фридрих Ницше

Предисловие

*Нет, я не дорожжу мятеежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, висясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!*
А. Пушкин

«Я жертвой был родительских запретов,
Нам запрещающих говорить «про это».
Умел я лишь заглядывать под юбки,
А девочки смешно кривили губки.

Но кто же из мужчин не раздевал
Красивых женщин жадными глазами?
Я был среди них... Теперь мой час настал,
И раздевать я буду их руками.

Красавица всё видит, понимает,
Зачем мужчина взглядом раздевает,
Как чемпион привык к своим наградам,
Она давно привыкла к этим взглядам.

Ты позвала... И я меняю Бога —
Теперь я гимны Эросу пою,
У прежде запрещённого порога
Я с сердцем замирающим стою!

Мне прятаться за робость надоело
И чувством платоническим терзать
Желанием измученное тело —
Как в творчестве, в любви хочу дерзать!

Ты соком наполняешься любовным
И ничего не ведаешь о том,
Как чувства выдаёшь своим греховным,
Таким манящим к поцелую ртом!

Невинности божественные краски
Смиренно уступают царский трон,
Восходит на него Любовь, чьи ласки
Готовы к возложению корон.

Твои глаза... Я их не узнаю —
Они сияют незнакомым светом,
Читая просьбу тайную мою...
Но медлишь ты с желаемым ответом.

И преисполнен тайны каждый шаг,
Кольша грудь и волосы густые
И превращая у мужчин-зевак
В горящие угли глаза пустые.

Наступит день, потом наступит час,
Когда конец настанет ожиданью,
Мы, повинувась нашему желанью,
Пойдём к тому, что ожидает нас!

Дрожанье рук... Во тьме чуть слышный шёпот...
Потом шуршанье платья... Слабый крик...
Движенья... Стоны... Наслажденья пик!..
Каков он, первый сексуальный опыт?»

О! Что за мысли были в голове
Трясущегося в душном «скотовозе»
Виталия! Ему была внове
Творящаяся с ним метаморфоза.

Он ощутил внезапно приближенье
Далёких и неведомых земель,
А душу потревожило броженье
И сил, и чувств, неведомых досель.

Ему казалось: он уже вступил

В пору любви... Но страхи и сомненья
Его любовный сдерживали пыл,
Хотя имел в избытке самомненья.

Глава 1. Студент

*Я из вечера в вечер замуравывался в своей
клетушке как не вполне нормальный анахорет.
К такой жизни меня вынуждала необходимость –
не только потому, что у меня не было денег на
развлечения, но и потому, что, недавно приехав
в метрополию, я держался замкнуто – не столько
из застенчивости, сколько из гордости, – и не было
у меня ни возможности, ни умения заводить друзей.
У. Стайрон. Выбор Софи*

Дожил до лета семьдесят восьмой,
И стал тот год событиями богатым:
Намеревался сделать выбор свой
Краснов Виталий, парень неженатый.

Приехал в Ленинград издалека,
Работал – и учился в институте,
Чтоб не позволить людям свысока
Помыслить даже, что Виталий – трутень.

Оставил он вдали свою семью,
И было одиноко в этом мире —

Как будто у Вселенной на краю...
Жил в общежитьи, грезил о квартире.

Но то была далёкая мечта —
Не первая в намеченных по списку:
Он был из тех, чья кличка – «лимита»,
И ждал он постоянную прописку.

Зарплата небольшая – 100 рублей,
Технологом работал на заводе...
Но на причёску денег не жалел —
Под Джо Дассена, это было в моде.

Играл в футбол, зимой играл в хоккей,
Поддерживал всегда в спортивной форме
Свою фигуру и следил за ней,
Ходил в «клёшах» и в туфлях на «платформе».

И часто по дороге в институт
Мечтал любить он женщин всех на свете,
Но, не имея времени на блуд,
По женской части был лишь теоретик.

Наверное, неправильно сказать,
Что девушки его не волновали.
Они его... не очень привечали,

И он старался тем же отвечать.

Нет, он пытался завести знакомство...

К примеру, со студенткою одной:
Не мог он не заметить то упорство,
С которым та вертела головой

И на него смотрела непрестанно,
Как будто что-то хочет сообщить.
Она красива... и чуть-чуть жеманна —
Способна хоть кого растормошить!

Но при попытке сблизиться с ней — Алла,
В ответ ему ни слова не сказав,
Вдруг от него испуганно сбежала...
Как будто перед ней тираннозавр.

А тут ещё научный коммунизм...
Его преподавательница сразу
Вдруг стала излучать антагонизм
К Виталию: его любую фразу

Старалась игнорировать всегда.
Какая чёрствость в юные года!
Почувствовав тогда сопротивление,
Он расценил его, как небрежение,

И, избегать стараясь женских пут,
Берёг досуг для главных увлечений:
«Неплохо бы закончить институт,
Потом придёт черёд и развлечений».

Запрет на женщин соблюдал легко —
Не потому, что был в душе отшельник:
Чтоб проявить потенциал мужской,
Он не имел ни времени, ни денег.

Да, на колени девушек сажал!..
Когда в колхоз автобус вёз их, полный,
Но вёл себя, как будто он беспольный,
И свой успех никак не продолжал.

Его любовью главной были книги,
Читал он их запоем и давно,
Хватая при любом свободном миге,
А главным развлечением – кино.

И музыкой он тоже увлекался,
Она была душе его близка,
Купил магнитофон он и старался
Быть в курсе новостей «издалека».

Чтоб знать новинки в музыкальной моде
И этим выделяться среди людей,
Знакомство свёл с «фарцовщиком» Володей,
Известным всем по прозвищу Халдей.

Он в «Прибалтийской» был официантом,
Куда попал, затратив много сил,
Чтоб обеспечить доступ к иностранцам,
И через них приобретать «винил».

Таланты наши нам исправно служат...
Халдей всегда любил поговорить,
Виталий же умел смиренно слушать,
И он Халдея стал боготворить,

Когда узнал о всех его талантах:
Владел литературным языком
И был осведомлён о музыкантах,
А кое с кем он лично был знаком;

Он рисовал, писал портреты маслом;
Притом в одежде был неприхотлив;
Всегда был в настроении прекрасном,
Слегка насмешлив, очень терпелив.

Он с братом жил в квартире коммунальной.
Когда Виталий в гости приходил,
То сцены был свидетелем скандальной:
Сосед жену до одури бранил —

За то, что сын родился инвалидом,
За то, что жизнь испортила ему...
Соседство с беспокойным индивидом
Всех веселило, судя по всему.

Пластинка для Халдея – это «диск»,
Она рождает трепетное чувство,
И каждая из них – «последний писк»,
Что издаёт на Западе искусство.

Виталий у него просил «попсу» —
Всё то, чем увлечён культурный Запад,
А тот назло (что видно по лицу)
Его знакомил с «Yes» и Фрэнком Заппой.

И вот уже наметился прогресс:
Виталий перестал сопротивляться,
Он вскоре мог спокойно слушать «Yes»
И в музыку иную углубляться.

За записи цена была одна,

И платой это назовёшь едва ли:
Он приносил бутылочку вина,
Они её с Халдеем распивали.

Глава 2. Меланхолия

*Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Е. Баратынский*

Он был у меланхолии в плену...
За ним такой грешок давно водился:
Он будто ощущал свою вину
За то, что он на белый свет родился.

Когда период зимний наступал,
Неся с собою мрачность и холодность,
То он от меланхолии страдал...
В груди была тоска и безысходность...

Иметь опасно с жизнью нелады...
Искал он, но не находил причины
Слепого ожидания беды
И ум его опутавшей кручины.

Казалось бы, всё шло, как он желал...

Но ум его всё красил мрачным цветом,
И только о плохом он вспоминал,
Все мысли о хорошем – под запретом.

Когда же ненадолго ум светлел,
Он смутно ощущал, что жизнь прекрасна...
Но вскоре об иллюзиях жалел:
Зачем стараться, если всё напрасно?

В тетрадь для лекций как-то записал
Заметки о бессмысленности жизни,
Потом тетрадь кому-то он отдал —
Для списыванья лекций... о трагизме.

Пытался он идти простым путём:
Когда тоска клещами грудь сжимала,
Старался думать только лишь о том,
Что впереди хорошего немало.

Себя он в это верить заставлял...
Но это ненадолго помогало,
И хитрый ход его не исцелял —
Всё потому, что веры было мало...

И мнительный был (что ж греха таить?):
Хоть демобилизован был, – казалось,

Что снова призовут его служить,
Не верил он, что в прошлом всё осталось.

Он сетовал, что скучно он живёт,
Что у людей к талантам безразличье,
И что, когда из жизни он уйдёт,
Не смогут оценить его величье.

Как только новый кризис наступал,
Он думал, что его все презирают,
Лез на рожон и нервы всем трепал...
Таких людей в друзья не выбирают.

И он, уйдя в себя, стал к людям глух,
Надолго задержался в странной фазе:
Обманы чувства, угнетённый дух,
Обилие несбыточных фантазий.

Когда директор (царствие ему!..)
Скоропостижно вдруг почил во гробе,
Решил Виталий: судя по всему,
Завод возглавить только он способен,

Не повредит ему карьерный рост...
Виталий был весьма разочарован,
Узнав о назначении на пост

Ширшова, председателя профкома.

Виталий в эти дни, как мог, гадал,

Что состоянье это означало:

Ведь аппетит при этом не страдал,

И тело так же свежестью дышало.

Исток недуга в книгах стал искать —

И с цепкостью, достойной детектива.

Тому, что стал он больше всех читать,

Способствовала смена коллектива.

Поскольку аттестата не имел,

Свою карьеру начал как рабочий,

В профессии он мало что умел —

Пришлось стучать кувалдой что есть мочи.

В огромном цехе, в грохоте, в аду

Учился он по-новому сморкаться:

В одну ноздрю свистел он, как в дуду,

Ноздрю другую зажимая пальцем.

Простые нравы и тяжёлый труд

Накладывают грустный отпечаток,

Когда в «сосиску» все гурьбой идут

И в пьянстве завершают дня остаток.

И в «Балтику» ходили – в ресторан,
После зарплаты, дружно выпивали.
Их не манил загадочный экран,
Кинотеатра «Балтика» не знали.

Виталий не был заводилой тут,
Поскольку человек он не отсталый:
После работы ездил в институт —
Три дня в неделю, сонный и усталый.

Наевшись замечательных котлет
(Которым в наше время равных нет —
Мясистых, сочных, очень натуральных!),
Учиться шёл в условиях экстремальных.

Он, не лентясь, все лекции писал...
Но бодрость ему часто изменяла:
На лекциях Виталий засыпал —
Так много сил кувалда отнимала.

Виталий целый год тот ад терпел...
Когда возникли сложности с учёбой,
Он перешёл технологом в отдел,
Надел костюм, простившись с грязной робой.

Остались в прошлом пиво и вино,
«Бригаденфюрер», в ресторан зовущий.
Не так, как в цехе, здесь заведено:
В отделе лишь один коллега пьющий.

Виталий изменил культурный фон:
Коллеги – молодые инженеры,
Наметился в общении нужный тон,
И он сумел преодолеть барьеры.

Конечно, перейдя тогда в отдел,
Он потерял значительно в окладе...
Но интеллект – до облаков взлетел!
И не был он поэтому в накладе.

Впервые он услышал слово «секс»,
И рад был откровению такому:
Не нов для понимания процесс,
Но раньше назывался по-другому.

Открыл он для себя и имя Фрейд,
Узнал про «Ветви персика» и йогу,
И в голове его царящий бред
Сменяться стал порядком понемногу.

Глава 3. Исцеление

*Дурное настроение сродни лени, оно,
Собственно, одна из её разновидностей.
И. Гёте. Страдания юного Вертера*

Путь к исцелению долог был, тяжёл,
Упорство всё же к цели приближало —
Он в «Повести о разуме» нашёл
Причину зла, что жить ему мешало:

«Я лишь существование влачил,
Недоставало к жизни интереса...
Но к разуму я доступ получил —
И с глаз упала тёмная завеса.

Подвёл я свой безрадостный итог:
Ведь жил я – от зарплаты до зарплаты,
И в том, что был я беден и убог,
Мои затмения были виноваты.

Моё унынье как рукой сняло,
Я начал верить в то, что жизнь прекрасна,
Вокруг всё засияло, ожило,

И я живу на свете не напрасно.

В чём жизни смысл?.. Не всё ли мне равно?

Ведь каждый день мне доставляет радость.

Есть у меня и книги, и кино...

А вскоре и любви познаю сладость.

И мне себя не надо убеждать —

Я просто знаю: что бы ни случилось —

Всё к лучшему, и надо просто ждать,

Когда судьба заменит гнев на милость.

Я счастлив, словно круглый год – весна,

Которая лишь от меня зависит.

Причина этой радости ясна,

Как божий день: я научился мыслить!

Я сам себя как будто превзошёл —

Так всё легко и просто мне даётся...

Кто к «Повести о разуме» пришёл,

Тот с разумом уже не расстается.

Сейчас я вижу то, что видят все,

Но я хотел бы знать гораздо больше:

Увидеть жизнь во всей её красе,

И чувствами владеть полнее, тоньше.

Не кажет мне тоска своих гримас,
Я каждый день в хорошем настроенье
И радостью наполнен всякий раз,
Когда ко мне приходит откровенье.

Причину бед теперь ищу в себе:
Как только начинает мне казаться,
Что кто-то провоцирует к борьбе,
Сперва с собой стараюсь разобратся.

Я, как другие, жил день ото дня
И делал то, что для других нормально:
Всё, что случалось в жизни у меня,
Воспринимал я эмоционально.

Привычным делом было горевать...
Но мысли возникают с чувством вместе,
Я дал возможность мыслям созреть,
И чувства больше не на первом месте.

И если накрывает, как волной,
Недолгое от жизни отрешенье,
То вовсе не уныние виной,
А дар волшебный – мысли напряженье.

Я стал своею жизнью дорожить,
Когда сумел на деле убедиться,
Что можно без уныния прожить...
А я уж было начал им гордиться.

Что ж изменило так судьбу мою
И прекратило жизни угасанье?
Казалось, мелочь: вдруг я узнаю,
Что есть такая вещь, как подсознание.

Я в мире не один... Познать всю суть
Событий и явлений очень сложно,
От их числа охватывает жуть,
И я всё истолковываю ложно...

Какой у бессознательного вид?..
Оно, как космос, тёмно и огромно...
Мне кажется, оно за мной следит,
Но проявляется к познанию скромно.

Сам человек похож на червячка,
Покорного, лишённого желаний,
Которого давно, издалека
Несёт поток его переживаний.

Возможно ли в одну соединить
Две истины: и жизни быстротечность,
Которая мой разум леденит,
И этого потока бесконечность?

Когда всё началось?.. Каким я был?..
Когда я осознал себя впервые?
И было ль мыслью то, что я забыл?
Чем стали ощущенья болевые?

Хочу я знать, в каком из тайников,
В каком из закоулков подсознания
Лежит воспоминание о том,
Как начал я свой скорбный путь изгнания,

Когда уют околоплодных вод
Был вынужден покинуть поневоле
В утробе материнской зревший плод
И двинуться своей навстречу доле?

То был уж я?.. Или всего лишь плод,
Бесчувственный пока, себя не зная,
Неумолимо двинулся вперёд,
Своей макушкой бёдра раздвигая?

Насколько был испуг его велик,

Когда он слышал материнский крик?
Что ощущал он, не имея взора,
Скользя по влажным стенкам коридора?

Чуть шею не сломал ему злодей...
Всё в этом мире было незнакомо,
И голоса негромкие людей
Воспринимал он, как раскаты грома.

Колючий холод тело остудил,
А в душу вместо сна ворвался хаос...
И я с тех пор в себя не приходил,
И на покой надежды не осталось.

Когда вошёл я в этот страшный мир,
Казалось мне, что здесь меня не любят:
Порой сосок, дающий сладкий пир,
Напиток выдавал, что сводит губы.

Когда я в первый раз узнал про смерть?
И что в моей душе тогда творилось?
Возможно ль смерть из памяти стереть?
Нет, это до сих пор не испарилось,

Как спрашивал я: «Мама, я умру?» —
Когда вдруг осознал, что смертны люди,

Представил, как в глубокую дыру
Положат, закопают... Что же будет?..

Природа – очень сложный механизм:
Жизнь человека – следствие рожденья...
Причиной смерти тоже будет жизнь,
Когда от жизни нужно пробужденье.

Жизнь – это книга, и любой из нас
Про смерть свою, взглянув в концовку, знает...
Но новую страницу каждый раз
Он с интересом новым открывает.

Конечно же, на кладбище ведут
Всей нашей жизни главные дороги,
И главной целью жизни назовут
Смерть все поборники законов строгих.

Какой для жизни мне отмерен срок,
О коем возвестит последний зуммер?
Возникнет над могилой бугорок...
А может, я тогда, родившись, умер?

Жить счастливо возможно, лишь поняв,
Что жизни срок – не более столетья,
Иначе превратится жизнь моя

В борьбу за обретение бессмертья.

Зачем мы рвёмся в этот мир?.. Зачем,
Когда с рожденья нам конец известен?
Одна из самых неприятных тем...
Такой вопрос при жизни неуместен.

И всё же я хочу его задать —
Себе дороже в этот раз стесняться:
Зачем с рожденья смерти ожидать?..
Чтоб научиться смерти не бояться?

Болезни наши, вопреки молве,
Не плоть спервоначала истязают,
Живут болезни наши в голове,
Оттуда же, как змеи, выползают.

Мой господин незримый – детский страх,
Достоинства мои свергая в прах,
Меня он разъедает из утробы...
В кошмарных снах, где мертвецы и гробы,

Мне снилось, что плевали мне в лицо,
Брезгливо руку мне не подавали,
Напрасно обзывали подлецом,

В сомнительных грехах подозревали.

Мы, люди, против тёмных сил слабы,
И я, не обретя ещё скрижали,
Готов был предложить себя в рабы,
Лишь только бы меня не унижали.

Здесь с новой силой начал я болеть,
Я не во сне, и страх не иллюзорный.
Моя задача – страх преодолеть:
Страх смерти – страх животный, страх позорный.

Ребёнком я боялся темноты,
И каждый шорох мне казался страшным...
Теперь же я далёк от той черты...
Так стоит ли пугаться днём вчерашним?

Гораздо раньше, чем в текущий год,
Я должен был задать вопросы эти,
Я ж неуклонно следовал вперёд
И признавал вопросы лишь в анкете.

Любое отклонение с пути
Несло в моё сознание гибель, смуту...
Тогда не мог я сил в себе найти,
Чтоб даже оглянуться... На минуту.

Итог печален: я вообразил,
Жить не начав, что песня жизни спета,
Хотя здоров я, молод, полон сил...
Пришла пора осмыслить мне всё это.

Приехав в этот город среди болот,
В мороз ужасный, равносильный злобе,
Стеснён я вновь, как недозревший плод, —
Уже в духовной, мысленной утробе.

У всех у нас похожая судьба,
Приехавших сюда, в холодный город,
И тот изгонит из себя раба,
Кто жаждет утолить духовный голод.

Теперь живём мы в каменных домах,
Приехав из села, где были избы,
И не во всех крестьянских головах
Прижиться могут эти катаклизмы.

Здесь давит на сознание новичка
Непостижимый уровень культуры,
И смотрят на беднягу свысока
Исаакий, Столп и ангел с верхотуры.

Величьем подавляет Эрмитаж,
Сверкает золотом царское жилище...
Хоть говорят: музей теперь он наш —
Но в нём себя ты ощущаешь нищим.

Культура здесь – не деревенский клуб,
Здесь каждый день театры, представленья,
Огромные дворцы взамен халуп —
И открываешь рот от удивленья!

А в Петропавловке лежат цари —
И среди них лежит сам Пётр Великий!
Кадыт – в социализме! – алтари...
Всем подавляет город многоликий.

Не лишне молодым мужчинам знать:
Когда, возвращён под материнским оком,
Он вынужденно покидает мать —
Становится вмиг слабым, одиноким.

Осознаёт он это или нет,
Но он везде идёт тропой избитой:
Чтобы, как в детстве, был одет и сыт,
Чтоб был всегда под маминой защитой.

Суровый здешний климат – злая мать,
Она дитя вовек не приголубит,
Перестает ребёнок понимать,
За что его родная мать не любит.

Вокруг меня гранит... Как саркофаг...
Довольно! Не пора ли пробудиться?
Чтоб доказать, что свой я, не чужак,
Я здесь обязан заново родиться.

В местах, где довелось нам вырастать,
Единственной культурой было пьянство.
Культуру надо новую впитать,
Чтобы в великом городе остаться.

Не получаю больше я извне
Тепла, любви – царит здесь беспристрастность,
И находить я вынужден в себе
И матери любовь, и безопасность.

Достаточно всего лишь осознать
Всё то, что в наших головах творится,
Чтоб помраченье из голов изгнать,
И к нам, уйдя, оно не возвратится.

Глава 4. Осознание красоты

Он никогда не казался грустным или меланхоличным. Другие молодые люди его возраста считали его дерзким и забавным проказником. Он мог корчить рожи, вспрыгивать на столы и диваны, прикидываться к шеем дам и делать вид, что хнычет. Он смеялся над собой и над другими и заставлял людей смеяться до слез. С. Витале. Тайна Дантеса или пуговица Пушкина

Виталий вдруг по-новому взглянул
На странности общенья с женским полом...
С вопросом этим раньше он тянул —
Ведь путь к образованию был тяжёлым.

Но избранной судьбы не миновать:
Привычка думать разум бередила —
Он поневоле стал осознавать
Всё, что вокруг него происходило.

И в том, что раньше он воспринимал
Как женское к нему пренебреженье,
Он без труда теперь уже узнал
Невольное симпатий выраженье.

И даже аспирантка, что у них
Научный коммунизм преподавала,
Довольно симпатичных глаз своих
Подолгу от него не отрывала.

А уж студентки... Что там говорить!
Он чувствовал себя, как на витрине, —
Его готовы все боготворить!
Тут есть о чём задуматься мужчине.

Виталий понял вдруг, что он красив:
Из гадкого утёнка вырос лебедь,
И тяготил уже былой пассив,
И с красотой надо что-то делать.

Однажды у Халдея он застал
Двух девушек – раскованных, красивых,
И сразу интерес он прочитал
Во взглядах на него красноречивых.

Они решили с ним пофлиртовать —
И он от их улыбок ободрялся.
Потом вопросы стали задавать...
И тут Виталий сразу растерялся.

Вести непринуждённый разговор
И глупость говорить с учёным видом
Виталий не умел – потупив взор,
Замкнулся он и волю дал обидам.

А девушки забыли про него,
И интереса вовсе не осталось.
И внешность не решила ничего:
«Красивый, но дурак!» – в глазах читалось.

Виталий был серьёзно удручён,
Его задело это невниманье:
Ведь в институте был он обречён
На тайное студенток обожанье.

И в гости звали все наперебой,
И время уж подумать о зазнобе...
Он мог бы закрутить роман с любой...
Но надо, надо помнить об учёбе!

К студенткам он давно уже привык,
Как на работе к членам коллектива...
Но в случае досадных закавык
Нужна другая инициатива!

«Застенчивость моя всему виной!
Я сразу начинаю волноваться...
Но как преодолеть? – вопрос иной,
И надо им серьёзно заниматься.

Дефектов у меня особых нет,
И речь мою развило книг прочтенье...
Мешает мне – родительский запрет,
Что был наложен ими на общенье.

Они старались (честь им и хвала!)
Не приучать ребёнка к разгильдяйству,
Влиянье их заботы и тепла
Я ощутил... в работах по хозяйству.

Неопытность моя – и смех и грех:
За волосы принять парик студентки!
Ещё не скоро ждёт меня успех,
Коль отношусь я к женщинам по-детски.

Мои познания в сексе – «zero»... «ноль»,
И спутать «Камасутру» с харакири
Неопытным юнцам не мудрено.
Мне кажется, один такой я в мире...

Признаться надо: женщин я боюсь,
От них я прячусь в уголках укромных,
И если с кем-то я разговарюсь,
То с пассиями лишь парней знакомых.

Пора уже свой опыт мне копить,
Его не заменить в делах сердечных,
И к девушкам без страха подходить,
Играть в слова, что из разряда вечных.

Меня ещё смущает женский взгляд...
Но взгляду так легко найти причину:
Любой из нас сейчас друг другу рад,
Я женщину ищу, она – мужчину.

Чтоб с девушкой знакомиться легко,
Я должен быть в игривом настроении,
Купаясь в обаянии мужском
И в лёгких фраз изысканном течении.

Но я всегда в раздумья погружён,
Игривости тут неоткуда взяться,
Поэтому в знакомствах напряжён...
Пожалуй, мне пора переродиться.

Я должен быть приветливым всегда —

Вот что определит мою успешность!
Не принесёт, надеюсь, мне вреда
Моя всегда улыбочивая внешность.

Что толку от того, что я красив?
От красоты неумной пользы мало:
Все думали о том, что я спесив...
Но мненье их меня не занимало,

И слыл я за красивого глупца —
На похвалы уму все люди скупы.
Мне б проще быть, снять маску гордеца...
Но нужен ум, чтобы казаться глупым».

Настало лето. Сессию он сдал,
Потом в колхозе месяц отработал,
В июле он билет на поезд взял —
И вот он, отпуск... Отдыхай, забота!

И ехали с Виталием в купе
Две девушки... Казалось бы, везенье?!
Он был готов их пригласить к себе...
Но что ни слово – в нём сквозит презренье,

Да так, как позволяет женский пыл, —

Не только лишь к нему, ко всем мужчинам.
Он растерялся, мнение изменил
При их напоре – слишком агрессивном.

За то, что он знакомству не был рад,
Виталию девицы отомстили:
Его любимый фотоаппарат
Они «случайно» с полки уронили.

Стеснительность, стеснительность... Опять
Она сыграла с Витей злую шутку.
Решил он твёрдо зло искоренять,
Не забывать о нём ни на минутку.

И вот приехал он в родимый дом.
Там ждал его двоюродный брат Сеня,
Не скучно с детства было им вдвоём,
И начались у братьев похождения.

Для тех, кто был учёбой поглощён,
Одно лишь лето – время для знакомства,
И к девушкам их разум обращён...
Но без проблем... Не заводя потомства!

Они как будто проходили курс:
Знакомились – и тут же расставались,

Копили опыт, но, входя во вкус,
Продлить знакомства даже не пытались.

Себя Виталий силой заставляя
Знакомиться, и при поддержке брата
Своё стеснение преодолевал...
Оно прошло – и нет к нему возврата!

Он творчески к знакомству подходил:
Старался предугадывать желанья,
Не брезговал цитатами, шутил,
Используя полученные знания.

Для тех, кто не захочет пренебречь
Ученьем, не проходят годы даром:
Такой пустяк, как правильная речь,
Вдруг станет очень выгодным товаром.

Виталий это чувствовал нутром
И полностью от сленга отказался,
Ему платили девушки добром:
Он верхом совершенства им казался,

Им чудилось, что он аристократ,
И не беда, что он не в той одежде...
Красивой сказке кто из нас не рад?

И принца на коне все ждут, как прежде.

Ах, лето, лето! Лучшая пора!..

Прекрасен отпуск, да ещё на море..

Но кончилась любовная игра,

Условились, что брат приедет вскоре,

И в Ленинграде, где девчонок тьма,

Они свои продолжают упражненья,

И будет больше пищи для ума,

И будут впечатлять их достижения.

Глава 5. Нина

Сидя в майских сумерках в Клубе и резиденции университетов и наблюдая за невиданно огромным тараканом, который полз по моему тому Полного собрания поэзии и прозы Джона Донна, я вдруг увидел лик одиночества и решил, что это самый безжалостный и самый отвратительный лик.

У. Стайрон. Выбор Софи

Виталий, возвратившись в Ленинград,
Был приглашён на свадьбу Николая,
Меняющего жизненный уклад:
Наскучила ему жизнь холостая.

Виталий собирался не спеша...
Красивая мелодия играла...
И ощущала в этот миг душа
Грусть лёгкую, и сердце замирало.

«Отныне с Колей мы – из разных сфер...
Жизнь изменилась от его решения,
И у него есть женщина теперь,
Их завтра ждут иные отношенья.

Как интересно: свадьба не моя,
Я посторонний здесь... Но мне сдаётся,
Что к новому в судьбе приду и я,
Что свадьба эта и меня коснётся.

Казалось мне до нынешнего дня,
Что обделён навек в благоволеньи:
Эмоций бури – всё не для меня,
И жизнь проходит – где-то в отдаленьи.

Я восхищаюсь музыкой чужой,
Чужие книги лечат мои страхи,
Я ж отделён от творчества межой,
Не по плечу подобные размахи.

Так кто же я? И в чём я вижу благо?
И с кем я без конца веду борьбу?..
А я никто! Я чистый лист бумаги,
На нём я напишу свою судьбу.

Быть серым, незаметным я устал,
Хочу быть человеком знаменитым!
А я пока никем ещё не стал:
Ни женщины, ни денег – всё с лимитом».

И что-то вдруг в душе произошло...
Ещё не зная, что тому причиной,
Он вдруг подумал: «Вот оно, пришло!» —
Почувствовал себя уже мужчиной.

Что юность беззаботная его
Уже ушла, и больше не вернётся,
И главное желанье таково:
Он поисками женщины займётся!

О ней он думал, как о естестве,
Что укрепляет дух в здоровом теле:
Ведь то, что возникает в голове,
Потом реализуется на деле.

Виталий зорче стал смотреть вокруг,
И в ЗАГСе, обречённом к многолюдью,
Среди невесты множества подруг
Блондинку увидал... С красивой грудью...

Она ему понравилась... Хотя:
«У девушек красивых всё серьёзно —
Небось, о свадьбе грезит, и шутя
Поладить с нею будет очень сложно...

Допустим, приударю я за ней...
Она решит, что я хочу жениться...
Не время мне жениться – хоть убей!
Ведь через месяц снова мне учиться».

Решив: блондинка – не его стезя,
Виталий выбрал девушку попроче:
Курносый носик, чёрные глаза,
И волосы темнее и короче.

Он с Валею пару раз потанцевал,
Подумал, что путём идёт он верным...
Разговорившись с нею, он узнал:
Она студентка, тоже на вечернем.

Во все глаза смотрела на него,
Она ему доступною казалась...
Но лишь обнял – исчезло душ родство!
И даже танцевать с ним отказалась.

С таким явленьем будучи знаком,
Не осуждал он недотрогу грозно —
Так девушки доступным языком
Дают понять: «Со мною всё серьёзно!»

Виталий и не думал горевать,

Когда вокруг веселье продолжалось.
Он огляделся: с кем потанцевать?
И тут блондинка рядом оказалась.

Виталий был раскован, возбуждён,
Растаяли в вине былые страхи:
«А почему бы нет? – подумал он. —
Что сделается мне, свободной птахе?»

Он руку ей для танца протянул...
Её груди коснулся он... Случайно!
В глаза, чтоб извиниться, он взглянул —
И был он удивлён необычайно:

Она, наоборот, своим локтём
Ещё сильней к груди её прижала!
Подруги, взгляды – всё ей нипочём...
Как много эта вольность означала!

Потом он только с Ниной танцевал —
Она была всех симпатичней в зале
(Он даже кой к кому приревновал!),
Не учится она, подруга Вали.

Он предложил ей выйти, погулять
(В тот день была жара, и в зале душно),

Да воздухом немного подышать,
И Нина согласилась с ним послушно.

Гулять приятно было и без слов
По улицам посёлка незнакомым,
Потом, зайдя в хозяйство без жильцов,
Сидеть, обнявшись, на ступеньках дома.

Когда они вернулись в душный зал,
Где были все в значительном подпитьи,
То с Вале́й Макс, болтая, танцевал —
Сосед по комнатухе в общежитьи.

Случайно ль, нет, но в семьдесят восьмом,
Когда он с меланхолией расстался,
В той комнате, где жили вчетвером,
Состав его соседей поменялся.

Сначала контингент их был таков:
Спал у окна Григорьев Афанасий,
Напротив спал Валерий Бутаков,
Виталий – у двери, напротив – Вася.

У Маркина Василия был друг,
Звать Шурик, чуть не каждый день встречались,

Их лепет нецензурный резал слух,
Когда они портвейна напивались.

Приехавшие строить коммунизм,
Строители его зачем-то спились.
Их встретил столь суровый реализм,
Что с курса предначертанного сбились.

Высокая культура, не секрет,
Всегда растёт из самоуваженья.
Но если уваженья к себе нет —
Высокими не будут достиженья.

Хотя... у пьяниц достиженья есть,
Стремленья могут быть довольно пылки...
Но ценностей – по пальцам перечесть,
И всё вокруг стакана да бутылки.

Работник Шурик был не заводской —
На кладбище могильщиком трудился,
Клал плиты из бетона день-деньской,
И он своей профессией гордился.

Пятьсот рублей он в месяц получал —
Для заводчан немислимые деньги!
Виталий одного такого знал:

Герой Труда и человек-легенда.

Такой почёт даётся нелегко,
Он не чета зависимым от пьянства,
Которым до героев далеко:
И деньги есть, да только нет богатства.

Масштабы пьянства были велики:
Все деньги пропивали, как гусары,
Пустых бутылок целые мешки
Сдавали в пункт приёма стеклотары.

Другие люди в тех очередях
Порой ловили жадными ушами
Почти легенду – «Сказ о двух парнях,
Сдающих тару целыми мешками».

Бутылками уставлен целый стол,
Как скандинавы, пили без закуски,
Синдром похмельный был у них тяжёл.
Они чудили – но уже по-русски.

Пошёл однажды Шурик в туалет..
И вдруг пропал... Как будто испарился...
Проходит час, а Шурика всё нет...
И вот он, наконец-то, появился —

И тут же остроумием блеснул,
Поведав всем, что было с ним на деле:
Упал за унитаз он – и уснул...
Проснувшись, еле выбрался из щели.

По-новому чудили каждый раз,
И в общежитии слава их гремела,
Усиленная чарами прикрас.
Любовь у них оттенок свой имела.

Напротив, через улицу от них,
Был дом, в нём коммунальные квартиры.
С одной из живших в доме том ткачих
Завёл знакомство Вася, парень сирий.

Он пару раз к ней в гости приходил,
Но с нею вёл себя Василий робко.
За эту робость друг его стыдил,
И было перед Шуриком неловко.

Василия не раз тот уверял,
Что женщина отдаться – только рада.
Напившись, он терпенье потерял
И другу показать решил, как надо.

Пошёл он в гости к ней... А через час,
Что стало перерывом в их разгуле,
Вернувшись, начал Шурик свой рассказ,
Как отдалась она ему – на стуле! —

Стараясь всех рассказом поразить.
А Маркин... Он смотрел, как друг кривлялся,
И, ничего не смея возразить,
Лишь пьяно ртом беззубым улыбался.

Валера с Афанасием не так,
Как Вася с Шуриком, но выпивали,
И каждый в этом деле был мастак...
Виталия порою угощали.

Однажды с ними пил «Navana Club»,
Но опыт неудачей обернулся:
Как пьяница, он был довольно слаб,
И вечером на пустыре очнулся.

Им не желал плохого ничего...
Но... будто бы прошёл он испытанье —
И пьяницы покинули его,
Пришли на смену Коля, Макс и Ваня.

Был Николай серьёзный человек:

Не стал себя он выпивкой порочить,
И женщину нашёл не для утех —
Чтоб завести семью и быт упрочить.

В отличие от Коли, Ваня был
Простым и незатейливым парнишкой,
Он никому с рожденья не грубил,
И с Ваней церемонились не слишком.

Но ближе всех Виталию был Макс,
Как музыки ценитель строгий, тонкий,
Имел аппаратуру – высший класс:
Проигрыватель, мощные колонки.

На музыку Макс денег не жалел,
И покупал он «диски» у Халдея:
Их свёл Виталий – Макс повеселел,
Знать то была хорошая идея.

Глава 6. Разрыв с Ниной

*О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле!*
А. Пушкин

«Решил я срочно женщину искать —
И вот явилась Нина с тайным знаком!
Мне надо к новой роли привыкать...
Себя не утруждая ранним браком!

Жениться надо позже – в тридцать лет,
Пока мечты не обернулись крахом,
И повидать немного белый свет...
До тридцати не проживёшь монахом...

Настанет время заводить семью —
Я стану идеальным Дон Жуаном,

С любой, с какой хочу, судьбу свою
Свяжу, став для неё родным, желанным.

С единственной, неповторимой?.. Блажь!
Как любят все бросаться фразой звонкой...
Неважно, кому сердце ты отдашь,
Была бы лишь «хорошая девчонка» —

И лепишь из неё свой идеал.
Такую мысль мне подсказала тётя,
Да я и сам таких людей видал,
И слышу эти речи на работе.

Мужчина создаёт себе жену,
Как Бог, создавший из ребра Адама
Готовую для мужа ко всему.
Не быть жене строптивой и упрямой!

Мне кажется, что так у всех людей,
Подобным бракам гимны распевают:
«Живут нормально, дружно, без затей...» —
И о любви привычно забывают.

Мне кажется, напрасно я боюсь,
Что девушка начнёт в меня влюбляться.
От главной цели чтоб не отвлекаться,

Я с Ниной очень правильно держусь:

Я ей дарю дешёвые конфеты,
Болтаю чушь, подобно «звонарю»,
В надежде обойти её запреты...
Вот только о любви не говорю.

Она сама вольна отождествить
Свои желанья и мою браваду —
Прозрачные намёки о любви
Похожи удивительно на правду.

Я ж, не тая желанья своего,
К соитию веду, в любовь играя,
Настойчиво и смело, ничего
Не спрашивая и не обещая.

Красавица всё видит, понимает,
Зачем мужчина взглядом раздевает,
Как чемпион привык к своим наградам,
Она давно привыкла к этим взглядам.

Не для неё мой тонкий интеллект,
Не для неё душевные богатства.
Я знаю, что она не скажет «нет»,
Лишь для приличья хочет поломаться».

За Вале́й стал ухаживать Макси́м,
Пока Вита́лий занимался Ниной,
Их связывало многое, засим
И отдыхали группо́ю единой.

Воспользовавшись летних дней длиной,
Они по вечерам в кино ходили,
А в наступивший вскоре выходной
На базу отдыха подруг возили.

Играли на площадке в волейбол,
По озеру на лодке их катали,
Нашли грибы и ими слабый пол,
Довольные, пожарив, угощали.

Однажды в выходной, сходя в кино,
Они пошли гулять и задержались.
Ребята звали в гости – всё равно
Им не успеть в метро... Те отказались.

И тут черёд Вита́лия пришёл:
Он ощутил бывшее вдохнове́нье,
Слова для убеждения нашёл —
И их уговорил в одно мгнове́нье.

Но чтит мораль их строгая Страна!
Не ждали их, объятая распростёрши:
В ту ночь несла дежурство Сатана,
И в мире строже не было вахтёрши!

Расстроились подруги, скис и Макс...
А у Виталия огонь во взоре:
Он убеждал людей не в первый раз —
В тот отпуск, проведённый им на море.

Он научился в нужный миг бывать
Раскованным, балованным ребёнком,
И в то же время жертве не давать
Расслабиться своим напором тонким.

Навязчив был, как выпивший слегка,
Который все приличья соблюдает...
Желаешь отвязаться на века?
Так лучше дай ему, что он желает!

И вот уже Виталий, в кураже,
Крамолу на лице её читает:
«Впустить их, что ли?.. Поздно ведь уже...
Подумаешь... Никто же не узнает!»

Всё позади, вот холостяцкий кров.
Они включили музыку вначале —
Чтоб заработать призовых очков,
За чаем очень мило поболтали.

Спать захотели так, что мочи нет...
Хозяева своих гостей в итоге
Сводили в джентльменский туалет,
А сами сторожили на пороге.

Вот, наконец, по парам улеглись...
Конечно, спать легли они в одежде,
Поскольку все приличия блюлись...
Разврата нет... Но всё не так, как прежде.

Они в одежде... Не наедине...
Но их тела уже близки друг к дружке,
И волосы подруги – не во сне! —
Лежат впервые на его подушке.

Что с женщиной провёл он эту ночь,
Мог рассказать теперь Макс – и Виталий
(Уж если хвастовство не превозмочь!),
Хоть повод так сказать был лишь формальный.

Коснулись напоследок ерунды,

Беседа постепенно угасала...

«Сюда, ко мне под крылышко иди!» —

Так Валя вдруг Виталию сказала.

Виталий тут же в шутку обратил

Её слова, обидные Максиму,

А сам при этом тонко ощутил,

Что стало ей в тот миг невыносимо.

Любовь к нему ей не даёт заснуть,

О том своём капризе пожалела,

Хотела бы обратно всё вернуть,

И на него так жалобно смотрела.

Но ты напрасно чувства ворошишь —

Твоя ведь это личная «заслуга»:

Всего одну ошибку совершишь —

И вот уже с любимым спит подруга!

«Да девушке для счастья много ль надо,

Когда моё оружие – красота?

В трамвае покатал – она и рада...

И трогаешь её за все места.

О, сколько раз я женщину ласкал!..

Но только лишь во сне... В воображеньи...
И вот мой сон сегодня явью стал,
Я – главный автор в этом достиженьи!

Настойчиво я к этой цели шёл,
Нахально, ничего не объясняя,
Она терпела нежный произвол,
Своим молчаньем ласки одобряя...

И вот впервые мы наедине,
И вся она в моём распоряженьи...
И я её ласкаю – не во сне,
И не в своём больном воображеньи...

И девушка в постели – мне под стать:
Она робка, целуется неважно,
Мужского тела тяжесть испытать,
Скрывая стыд, пытается отважно.

Я целовал её большую грудь,
И жар сосков мне придавал надежду,
Убрать себе позволил я дерзнуть
Последнее препятствие, одежду —

И нежные волосики лобка,
Отметив вскользь природы безупречность,

Уже ласкаю с видом знатока...
О, растянуть бы этот миг на вечность!

Всё это я уже как будто знал,
Когда на свадьбу Коли собирался...
Из Космоса получен был сигнал?..
А вдруг из неосознанного взялся?..»

Родителям была послушна дочь,
И «этого» она не захотела:
Он трижды стал мужчиной в эту ночь,
Но женщиной её так и не сделал.

Он весь от нетерпения дрожал
И всё ещё в любовном был угаре.
Он был уверен: это не финал,
Атака на гимен ещё в разгаре.

Он нового свиданья ожидал,
Которое вернёт в любви обитель...
Нет, поражение он не признавал,
И в мыслях он уже был победитель:

«Гляжу на мир с вершины покоренной,
Признавшей власть мою, и в тишине,

Любовью изнурённой, обнажённой,
Лежащей подо мною на спине.

Она сверкала льдом, как «мира крыша»,
Казалась неприступной... Но сейчас
Она покорена, устало дышит
Распухшим ртом, не открывая глаз...

Итак, она не женщина... Пока...
Ведь плод запретный потому и сладок,
Что ум, не зная мненья языка,
В плену воображаемых догадок.

Я должен рассуждать примерно так:
Та ночь – совсем не главное событие
(Ведь с Ниной я бы мог попасть впросак),
Причина же всего – моё наитье.

Оно продиктовало точный план,
Позволивший мне сбросить груз стеснения,
И вёл себя я с Ниной, как мужлан:
Нахально, смело и без объяснения.

И это у меня уже в крови,
И никуда не денется, надеюсь.
Я должен навсегда отождествить

Удачу и проявленную смелость.

Ни дня без женщин! – это мой девиз,
И он моё изменит поведение.

Ни дня без женщин! – это не каприз,
А грозное природное явление,

Которое я должен изучать
Не в стиле откровенных разговоров,
А думать, наблюдать и заключать
Не только на основе женских взоров.

Ведь невозможно женщину понять,
Вопросами наивными пытая:
«Позволишь ли ты мне тебя обнять? —
Как будто бы перед тобой святая. —

Не хочешь ли остаться ночевать?..
А можно я потом тебя раздену
И буду очень нежно целовать?..
Нет?.. Почему?.. Не скажешь ли причину?..»

Как это глупо!.. Даже не смешно...
Я должен сам судьбой распоряжаться,
Поэтому отныне решено:
До откровений впредь не унижаться —

То мелко для возвышенных умов.
Красивому мужчине только рады!»
Вдруг на страницах «Комсомольской правды»
Двух девушек читает он письмо:

«Понравился один нам очень парень,
Как Солнце, он светился среди нас,
Поскольку – уж поверьте! – без прикрас
Он дивно был красив и лучезарен.

Когда же он узнал, что он красив,
Испортился наш парень безвозвратно:
Он стал высокомерен и спесив,
И от него наплакались девчата».

«Как глуп тот парень! Что ж зазря сиять? —
Решил Виталий. – Мог бы притвориться,
Ведь против красоты не устоять:
Отдались бы ему те две девицы!»

Сентябрь неумолимо наступал,
А с ним и напряжённая учёба.
Виталий вскоре с горечью узнал,
Что стала недоступною зазноба.

Свой летний дачный завершив сезон,
Её семья вернулась в город споро.
Для этой спешки важный был резон:
Сестрѐнке младшей Нины в школу скоро.

«Теперь остаться с ней наедине,
Без посторонних стало невозможно.
Знакомиться с родителями?.. Нет!
Потом расстаться будет очень сложно...

Мы можем отношенья продолжать:
Гулять, ходить в кино, шутить, смеяться...
Но с ней я буду только лишь скучать,
Она не может наравне общаться.

Когда я к цели рвался напролом,
Ценилось молчаливое смирение,
Сейчас я – гусь с подрезанным крылом:
Её молчанье – как неодобренье.

За что девицу можно полюбить?
За то, что пригодится в жизни личной:
Она должна – хоть это сложно! – быть
Неглупой, а не только симпатичной».

Решил Виталий Бога не гневить
(Хоть был он атеистом беспартийным)
И с Ниной отношения завершить,
Предаться достижениям спортивным.

Глава 7. Знакомство с Алиной

*«Чего же хочешь ты?» – «Я?.. славен быть хочу». –
«Но чем?» – «Как чем? – умом, делами,
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще?»
К. Батюшков. Странствователь и домосед*

В отделе было двадцать человек.
Начальник, заместитель – чин по чину.
От общего количества коллег
Мужское составляло половину.

Из молодёжи были среди них:
Пиляев Савва, инженер ведущий;
Кирилл, Олег, Виталий – из простых;
И был ещё Владлен... Тот самый... Пьющий...

Большая редкость – пьющий инженер,
И всяк его талантливым считает.
О нём молва: умён, как Люцифер,
И от ума большого он страдает.

Недюжинный имел он интеллект

И съеденные кариесом зубы.
Он шутками производил эффект,
И были те порой довольно грубы.

В обед любили в теннис поиграть,
Их стол стоял на первом, в вестибюле,
Возле лифтов... Но стали вдруг мешать,
И их оттуда вежливо... турнули.

Нашли местечко дальше от невзгод,
Где не было лифтов, в просторном зале.
Там в типографию был главный вход,
И типографские не возражали.

Долг инженера – новое внедрять,
Они собрание провели с повесткой:
«Мы можем типографским доверять?» —
И стали оставлять ракетки с сеткой.

Однажды, забирая инвентарь,
Виталий позвонил в дверь к типографским.
Дверь девушка открыла – как дикарь,
Был поражён очарованьем дамским!

Изящества исполнен стройный стан;

Взгляд синих глаз – открытый, безмятежный;
Каштановых густых волос Сессон;
Рисунок губ – затейливый и нежный.

К лицу и туфли, дорогой текстиль —
Подобрана одежда безупречно...
Отметил он, что у неё есть стиль.
Всё это уважал он бесконечно.

Виталий восхитился: «Какова!
Красива и изящна – совокупно.
Но это, к сожалению, лишь слова:
Мне с ней не быть – уж слишком недоступна!

Она напоминает тех девиц,
Что ехали со мной в купе на море...
Мне до сих пор не позабыть их лиц:
Яд на устах, презрение во взоре...

Она в вещах красивых знает толк...
Но явно избалована деньгами —
И смотрит свысока на наш пинг-понг...
Как тело инородное меж нами».

А девушка добавила свой штрих:

И впрямь на теннисистов не глядела...
Но часто проходила мимо них,
И это сильно изменило дело.

Оценивая прелести её
В мужской спортивной, жаркой атмосфере,
Высказывали мнение своё —
Порой в пренебрежительной манере:

«Эх, на неё б в купальнике взглянуть!» —
«А ты раздень!» — «Пожалуй, не рискну я...» —
«А губы так и просят поцелуя!» —
«Фигурка – класс!» — «Но маленькая грудь...»

Не все у нас – избранники удачи,
Безвольным – бесконечно долго ждать,
И мы порой презрительно судачим
О том, чем не способны обладать.

Она вела себя предельно строго.
Виталий, недовольный, стал ворчать:
«Какого чёрта эта недотрога
Пытается меня не замечать?»

И он, своей привычке новой верный,
Чтоб в «межсезонье» навык не терять, —

Нисколько не смущаясь, начал первый
Здороваться, вопросы задавать.

Она сначала сухо отвечала
На признаки вниманья... Но потом
В общении приветливом, простом
Его среди теннисистов отличала.

Разрушена молчания стена,
Гордячка вдруг болтушкой оказалась,
От всех знакомых девушек она
Открытою улыбкой отличалась.

Зовут Алина, в Ленинграде год,
Живёт, как и Виталий, в общежитьи.
Не учится, зато мечтой живёт
В квартире жить, сама же на «лимите».

Её Виталий пичкал болтовнёй
В те дни, когда в пинг-понг они играли,
И безобидной увлеклись игрой,
И стали закадычными друзьями.

Она пыталась в теннис поиграть...
Виталий показал, как это делать, —
Пришлось ей неудобства испытать

Разгорячённого игрою тела.

Она ребят пыталась пожалеть,
Что нет у них возможности... «подмыться»...
И тут же Аля начала краснеть,
Что ей случилось так оговориться.

Увидев перстень на её руке,
Он взял за руку, к перстню прикоснулся,
Чтоб рассмотреть его невдалеке,
И похвалил – так перстень приглянулся...

И вдруг Алина стала приглашать
Виталия к себе «на чашку чая»...
Он вынужден был ей пообещать,
Но с оговоркой: занятость большая.

Он начал посещать последний курс,
Через полгода – отпуск преддипломный,
И начал он уже входить во вкус
Учёбы в тот период переломный.

Но девушка настойчива была —
Ведь от визита он не отказался! —
И в гости каждый раз его звала...
Виталий, наконец, засомневался...

Он вдруг подумал: «Может быть, сходить?..
А вдруг, как Нина, девушка доступна,
Коль продолжает «приходи» твердить?..
Отказываться было бы преступно!»

К девицам в общежитие попасть,
Как и к мужчинам, было делом сложным,
В котором у вахтерши строгой власть
Закреть дорогу лицам ненадёжным.

Сначала к ней был должен подойти —
В приёмный час! – любой из ленинградцев
И процедуру строго соблюсти...
Простую, если глубже разобраться.

Виталий у вахтёрши попросил,
Чтоб вызвали Алину, из двадцатой.
Поскольку он был скромн, не дерзил,
Ответила вахтёрша той же платой:

Остановила девушку она,
Идущую из душа с полотенцем,
Использовала в роли бегуна,
Что сообщает радость даме сердца.

И вскоре вниз спускается сама
Алина, просит пропустить к ней гостя.
Коль общежитье вовсе не тюрьма —
Входи, оставь лишь пропуск. Здесь всё просто...

«Да ради бога!» – лезет он за ним...
И вдруг краснеет Витя, как калина:
Забыл он дома пропуск!.. И Алина
Идёт наверх за пропуском своим.

Виталий удивлённо отмечает,
Что девушка слегка раздражена:
«Ну, пропуск я забыл... С кем не бывает!?
Она мне не невеста, не жена...»

Пока метал он молнии и громы
(В душе, конечно) – чуть повеселев,
Пришла она, оставив на столе
Свой пропуск, повела его в «хоромы».

В их комнате Виталия ждала
Такая же простая обстановка,
Как у него: кровати, два стола —
Всё скромно... И за девушек неловко...

Но было и отличие одно:

Почувствовал он запах незнакомый...

Таинственный... Пьянящий, как вино...

И он, тем дивным запахом влекомый,

Сумел подумать только об одном:

«Пускай же запах женщины разбудит

Мой уютный холостяцкий дом,

Пускай же он всегда со мною будет!»

Его волшебный запах поразил

И ни на что на свете не похожий!

Виталий с удивлением спросил:

«Чудесный запах! Что это?» – «Быть может...».

Они и в самом деле пили чай —

Его Алина быстро заварила.

Подумал вдруг Виталий невзначай:

«Подруг она уйти уговорила».

Беседа протекала нелегко,

Возникшее мешало напряженье,

Ему казалось: очень далеко

Ушло их беззаботное общенье.

Его тревожил внутренний разлад...
Но даже зная психики устройство,
Свой склонный к неосознанному склад,
Не мог понять причину беспокойства.

Он про свою учёбу рассказал
(Пусть знает, что он – времени заложник!),
Что любит посещать он кинозал,
Планирует раскрыться как художник.

Сказал Алине, что его сосед
Имеет очень модные пластинки.
Она была в восторге, и в ответ
Он пригласил её на вечеринку.

Не обошлось в тот день без хвастовства:
Он сообщил, что очень любит книги,
Но мало в них он видит мастерства,
И эти он готов надеть вериги:

«Уж если в книгах нечего читать,
Придётся стать писателем маститым,
Упущенное срочно наверстать». —
«Ну, не забудь меня, став знаменитым».

В ответе он почувствовал подвох,

Стал хвастаться Алине, что знакома
(Для хвастовства сомнительный предлог)
Ему давно Галина из профкома.

О «Повести о разуме» спросил...
Она её, конечно, не читала...
Своё он превосходство ощутил,
Она ж в глазах Виталия упала.

Алина поддержала этот тон —
И словно подхватила эстафету,
Ввязавшись в бесполезный марафон...
Как будто тем приятных больше нету.

Она ему решила подсказать,
Что, как должно в одежде сочетаться,
И, чтоб себя виной не истязать,
Пришлось ему пред нею оправдаться.

Когда твердил, в чём хочет преуспеть,
Слова его сомнению подвергала:
«Но это невозможно всё успеть —
Для этого тебе трёх жизней мало!»

Порой она болтала ерунду:
«Вино?.. Да мне и пять бутылок мало!..»

Три года без мужчин – имей в виду!» —
И очень заразительно смеялась.

Потом она спохватывалась вдруг,
Что в болтовне своей дошла до края,
Набрав себе сомнительных заслуг:
«Ты мне не верь, я вовсе не такая!»

И вот настало время уходить.
Расстались, недовольные друг другом...
Ещё чуть-чуть – и начала б претить
Беседа, проходившая с натугой.

Глава 8. Танцы

*Так на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
А. Пушкин. Сцена из Фауста*

Виталий на работе не горел,
Привыкший к разным мелким порученьям,
Поэтому он целый день сидел
И предавался важным размышленьям.

На перекур он выходил всегда —
Святая передышка от работы,
Где все подряд «травили» анекдоты.
Сам он курил – нетрезвым... Иногда...

Известно: люди курят от безделья,
А после начинают привыкать.
Не склонный злой привычке потакать,
Виталий дым терпел из-за веселья.

Но нынче он отрёкся от всего —
Хотел понять причину беспокойства,

Что заставляло хвастаться его
И проявлять ненужное геройство.

Сперва спокойно мыслить он не мог,
Им полностью владело недовольство:
Алина превзошла всех недотрог...
А как настырно зазывала в гости!

Решил он, что она не так умна...
Или умна не так, как бы хотелось...
Хотя её живая болтовня
Теплом в его душе запечатлелась:

«Она была открыта и честна,
Своих стремлений вовсе не скрывала
К замужеству, и не её вина,
Что мне от слов подобных толку мало.

Причина беспокойства не секрет —
Нарушил я свой собственный запрет:
«О женщинах до лета забываю!»
А почему нарушил, сам не знаю...

Мы сразу взяли слишком вольный тон
Уже в начале наших отношений,
И оттого пошло всё кувырком,

Мы оба стали жертвой искушений.

Я с пропуском, конечно, был неправ:
Ей оставлять свой пропуск – неприлично,
Должно быть – и неважно, что за нрав! —
Всё чисто в репутации девичьей.

На роль доступной женщины она —
И это очевидно! – не годится.
Алина для общенья создана,
В беседе с ней мне хочется раскрыться.

Приятно с ней болтать о пустяках,
И ни о чём не думаешь при этом:
Есть прелесть и в обыденных словах...
И польза есть... Таким, как я, аскетам.

Мы до сих пор общались как друзья,
Теперь иные примеряем роли —
Привыкнуть сразу к этому нельзя,
И это нас стесняет поневоле.

Чтоб наши отношения продолжать,
Мне надо заслужить её доверье:
Всё делать осторожно, не спеша —
Откроются тогда иные двери.

Я запасусь терпением, буду ждать.
Коль девушки к вниманию охочи,
Порой с работы буду провожать...
И мне это приятно, между прочим.

Ухаживать придётся на бегу —
Нет у меня ни времени, ни денег!..
Но кое-что я всё-таки могу:
Сводить в кино... за двадцать пять копеек».

Его смущала маленькая грудь
У девушки с изящною фигурой:
«Ну, с грудью разберёмся как-нибудь...
Вот только бы не оказалась дурой».

Виталий ничего не понимал:
Чем больше он с Алиною общался,
Тем внешности прекрасный идеал
Скорее и вернее разрушался.

Зато его всё больше привлекал
Характер – независимый, весёлый,
Виталия он часто развлекал,
Стеснённого учёбою тяжёлой.

Но цели он своей не оставлял —
Избавиться от робости остатков,
И женщину по-прежнему желал
Доступную найти... Пусть без задатков.

«От женской красоты, я знаю, есть
Оружие достойное – общенье!
Лишь пара слов – и с них слетает спесь,
И исчезают чары обольщенья.

Теперь она такая же, как все,
Она обыкновенная, их много...
Кто стал привычен к девичьей красе,
Тому к успеху ровная дорога».

Он ждал приезда брата, чтобы с ним
Ходить на танцы, цели добиваться...
Но тот не ехал... Истекали дни...
И он ходить с Валерой стал на танцы.

Валера вызывал его восторг:
Он был смазлив, в весёлом настроенье,
И в женщинах доступных ведал толк,
Он их определял в одно мгновенье.

Виталий был на танцах, и не раз,
Когда знакомства были под запретом,
Мог ограничиться десятком фраз,
Потанцевать с девицей – и с приветом!

Теперь уже настрой совсем другой,
Есть на кого, флиртуя, опереться...
И всё ж, хоть всё и было под рукой,
Решил вначале просто осмотреться.

Теперь он очутился в той среде,
Где секс без обязательств – не проблема;
Свободная трактовка о стыде;
И контингент – уж точно не богема.

По бёдрам гладким вниз стекает юбка,
Каблук высокий удлиняет стан.
Прекрасен вид, но суть довольно жутка:
Возможно, здесь скрывается обман!

Он сразу растерялся: все вокруг
Курили – от танцпола до балкона,
От дыма воздух в зале спёрт, упруг...
А он стоит, как белая ворона!

Неужто самому начать курить?

Он был воспитан в рамках строгих правил
И норм моральных, их не изменить
Ему так быстро... Эту мысль оставил.

Осматриваться долго не пришлось:
Валера флиртовал с девицей смуглой,
Виталий, чтоб домой не ехать врозь,
Знакомство завязал с её подругой.

Татьяна не понравилась ему —
Тем, что была как будто недовольна,
И хмурое лицо её, в дыму,
Отталкивало от себя невольно.

Знакомилась покорно... Как на казнь...
И было совершенно непонятно:
К нему она питает неприязнь -
Или симпатию?.. Довольно неприятно...

Танцую с ней, Виталий рассмотрел
Лицо своей партнёрши неучливой —
И, удивлённый, будто бы прозрел:
Ведь девушка могла бы быть красивой!

Ей не к лицу пустой, унылый взгляд,
Усталый, постоянно настороже;

Ответы через силу, невпопад;
Куренье не на пользу её коже.

Ведь был же здесь красавиц целый рой:
Бездумно сигаретой не пыхтели,
У них он вызвал интерес живой,
И на него во все глаза смотрели.

«Зачем я здесь?.. Зачем мне этот дым
И женщина, которой я не нравлюсь?..
Я следовал за другом молодым —
И выбрал ту, легко с которой справлюсь.

Я совершил насилие над собой —
Заставила меня к Валере зависть,
Который может нравиться любой...
А я хочу любить одних красавиц.

Красивыми считаю тех девиц,
Которых от соперниц отличает
Не только красота фигур и лиц,
А ум живой, что в их глазах блистает, —

Владелицу лица неброских черт
Он делает богинею античной...
Красотку же, ума в которой нет,

Я даже не считаю симпатичной».

Потанцевав и в гости пригласив,
Считал Валера дело завершённым,
Виталий тоже, Таню прихватив,
На выход шёл за другом искушённым.

Зато на вахте начал вдруг сникать
Валера – он бессильным оказался:
Вахтёрша отказалась их впускать,
Как ловелас искусный ни старался.

И тут настал Виталия черёд
Проверить на старушке дар природный:
Прекрасно понимая, что он врёт,
Впустила... Разрешив грех первородный...

Виталий в свою комнату привёл
Татьяну, благо нет Ивана с Максом.
Не мог привыкнуть к Таниным гримасам,
И разговор поэтому не шёл.

В подобной непонятной обстановке
Всегда себя он чувствовал неловко.
Что толку на родителей кивать?
Неловкость надо преодолевать,

И он изрёк банально: «Спать пора...»
Татьяна раздеваться отказалась,
Не допустив до своего «добра», —
Зато как бесподобно целовалась!

Он вспомнил Нины робкий поцелуй...
Она, конечно, так не целовалась;
Развязной, как её ни дрессируй,
Быть не могла; нисколько не кривлялась;

Она была невинна и чиста;
И хорошо, что был он неуклюжим
И применять насилие не стал...
На радость её будущему мужу.

С Татьяной он не больше преуспел —
Всю ночь одни лишь только поцелуи...
И странно: он нисколько не жалел,
Что не пролились плотской страсти струи.

Он утром проводил её домой —
В такое же большое общежитье.
Они поднялись на этаж восьмой,
Соседкам сообщили о прибытье.

Виталия их вид не удивил —
Такие же вульгарные, как Таня,
И в каждой через сизый дым сквозил
Огромный недостаток воспитания.

Людмила тоже им была под стать -
Потом сказал Валера по секрету:
Хотя всю ночь пришлось ему не спать,
Он так и не «вкусил» девицу эту!

И снова погрузился, как всегда,
Виталий на работе в размышленье —
Уже о том, как разная среда
Влияет на девичье поведение:

«Ведь девушке, когда она чиста,
В прокуренной, вульгарной обстановке,
Жизнь начиная с чистого листа,
Вороной белой жить всегда неловко.

Чтоб выглядеть такими же, как все,
Все надевают маски безразличья
И следуют по узкой полосе,
Где не в чести любовь и честь девичья.

И каждая, как может, бережёт
Свою мечту счастливой быть, любимой,
Невинность и набор своих «красот»
Скрывая под распушенностью мнимой.

Курение – вот главный атрибут
Для женщины, достаточно вульгарной,
По сигаретам их и узнают,
Да по тому, как мал запас словарный.

Они для виду ездят «по гостям»,
В «свидетели» беря своих подружек,
А что у них происходило там —
Лишь домыслы, вдали от глаз и ушек».

В курилке он подробно рассказал,
Как принято в компании мужичьей,
О выводах, что складно увязал
С недавним приключеньем в жизни личной.

Владлен его догадки развенчал:
«Я дольше вас хожу по белу свету,
Таких девиц я много повстречал,
Не попадись хоть ты в ловушку эту!»

Он рассказал похабный анекдот,

«Невинности» пример разоблаченья,
И, доведя «незрелых» до икот,
Продолжил так свои нравоученья:

«Вульгарность – незавидная черта,
Но больше от характера зависит,
Нет от неё особого вреда,
Хотя её хозяйку не возвысит.

С умением целоваться всё сложнее:
Со знанием дела страстные объятья —
Все признаки привычного занятия...
Никак не обошлось здесь без парней...

Любовь, как говорят у нас на флоте, —
Простите, если я немного груб, —
Живёт не только в складках крайней плоти
И между лепестками малых губ!»

И тут Кирилл с Олегом рассказали,
Не выдвигая разных теорем,
Что «девушек» недавно приглашали,
И с ними вовсе не было проблем.

За стенкой жили братья-близнецы,

И девушки к ним часто приходили.
Те парни – настоящие самцы,
И выходки их души бередили.

Однажды пригласили усачи
Смазливую девицу с грудью пышной,
Чем занималась троица в ночи —
Виталию с друзьями было слышно.

А поутру – нарочно ль, невзначай —
Но близнецы куда-то отлучались.
Виталий и ребята пили чай,
И к ним девица эта постучалась.

Она вошла. Оттягивала грудь
Футболку беззастенчиво сосками.
Спросила, улыбаясь: «Есть курнуть?» —
Ребят дразнила пышными боками

И приближалась к каждому из них
Так близко, что его касалась грудью...
Намёк, чтоб их оставили одних?..
Или в любви привыкла к многолюдью?..

Обычно вид доступных пышных тел
И не таких мужчин склоняет сдаться...

Но из ребят никто не захотел
Наедине с ней в комнате остаться.

Возненавидел Витя срамоту:
«Есть девушка, с которой мне... неплохо...
Но я пошёл искать свою мечту
Туда, где лишь невежество и похоть!

Пусть удивят мужчину новизной
И женщины раздвинутые ноги,
И это тело с яркой белизной...
Оно прекрасно, но доступно многим...

Большой любви, красавица, не жди
От связей беспорядочных, случайных.
Сейчас беспечна ты, но впереди
Раскаянье грядёт в своих деяньях.

Вся женственность у женщины – в душе.
А Похоть – ненадёжная опора,
Не много силы в этом фетише,
И чувство прогорает очень скоро.

Нет, женщины такие не по мне,
Которые со мной не наравне...
И, кажется, они об этом знают:

Презреньё к ним в моих глазах читают.

Не спорю: у меня проблем не счесть,
И рассуждения порой наивны...
Но я был поражён, насколько здесь
Царящие законы примитивны!

Как оказалось (кто ж об этом знал?) —
Всеядность в связях у меня не в моде.
Я получил отчётливый сигнал,
Что с Похотью в обнимку Глупость ходит».

Подобных опасался он проказ —
Ведь разные болезни есть на свете:
Не только грипп, но трихомониаз...
Виталий сам за жизнь свою в ответе!

И всё же кое-что он приобрёл
Полезное, когда ходил на танцы.
Однажды неожиданно забрёл
Он в Горный институт, там африканцы —

Виталия их танец в дрожь вгонял.
Увидев африканскую пластичность,
Виталий их манеру перенял,
И этим он свою украсил личность.

Глава 9. Сомнения Алины

*Я ещё такая ничейная —
Как земля на войне.
Р. Казакова. Не ходи за мной*

Когда у входа появился стол,
И стало в вестибюле многолюдно,
Алина заприметила его —
Такого парня не заметить трудно.

Он наделён был редкой красотой,
Смотрел он вызывающе, победно,
Но взгляд вполне осмыслен, не пустой.
Одет был очень скромно... Даже бедно.

За этим парнем нужен был уход:
Его костюм был из дешёвой ткани,
А туфли – примитивный «Скороход»...
Зато причёска – тут без нареканий.

И на неё тот парень посмотрел,
Ей показалось, тоже с интересом,
И каждый раз, когда её он зрел,

Глаза горели неподдельным блеском.

Присматривался он к её ногам,
Оценивал и грудь, лицо, фигуру,
А также отдал должное серьгам...
А ей хотелось знать его натуру.

Она приличья строго соблюла,
Когда он, применив приём избитый,
Знакомился, и скоро поняла:
Он человек общительный, открытый.

Об этом важном качестве его
Широкая улыбка говорила:
Когда в глазах светилось озорство,
Не просто грела – чудеса творила.

Работает и учится, а там
Диплом получит – и ему открыты
Дороги и к деньгам, и к должностям.
Живёт он – к сожаленью! – в общежитии.

Виталий так красиво говорил!
Он завораживал своею речью,
При этом замечательно шутил,
И вёл себя с ней просто и сердечно.

Не только это нравилось в нём ей:
Хотя Виталий скромно одевался,
Спортивную фигурую своей
Среди парней заметно выделялся.

Движения его всегда точны,
И он играл уверенно и смело,
А под одеждой мускулы видны
И силою наполненное тело.

Интуитивно Аля поняла:
Виталий был доверчивый и добрый
(Хоть доброта и спрятана была),
Для жизни человек вполне удобный.

Знакомство с Алей стало означать:
Виталий овладел законным правом
Сдавать их инвентарь и получать,
И в этом деле стал он самым главным.

Воспользовавшись «должностью» своей,
Довольно часто с нею он общался,
И в этих лёгких разговорах с ней
Всё больше он смелел, раскрепощался.

С ним было интересно говорить,
Ум с юмором в глазах его сквозили...
Но в отношениях что-то изменить
Не прилагал он никаких усилий.

Однажды, получая инвентарь,
Виталий увидал у Али перстень.
Он взял галантно руку, будто встарь,
И похвалил, но искренне, без лести.

Когда её впервые он коснулся
И руку лишь мгновенье подержал,
В её груди как будто жар проснулся...
Он жил своею жизнью, он дышал.

Хотелось ей узнать его поближе...
И, чтоб характер парня раскусить,
Она, слегка пожертвовав престижем,
Его решила в гости пригласить.

Прийти Виталий чуть ли не поклялся,
Лицо его при этом расцвело...
Но, приняв приглашение тепло,
На занятость огромную сослался:

«Три дня в неделю езжу в институт;
Да и дела другие тоже ждут,
За что, не знаешь, первым делом взяться;
А в выходные надо заниматься...»

Алина продолжала приглашать,
И снова он на занятость ссылался...
Но разве можно женщин обижать?
Виталий, в гости, наконец, собрался.

Когда Виталий в гости приходил,
Была Алина очень недовольна,
Обиделась, что пропуск он забыл:
Ведь первое свиданье... Слишком вольно!

Виталий к ней пришёл совсем иным,
Чем тот, что с ней общался на работе:
Был дух пренебреженья ощутим
Почти в любой сомнительной остроте.

Себе он словно цену набивал
Количеством способностей различных:
Свою фигуру спортом развивал —
Играл в футбол, в хоккей... вполне прилично;

Умеет он неплохо рисовать,
Но времени пока на это мало;
После диплома будет развивать
Всё то, что в нём пока ещё дремало.

Среди всего потока хвастовства
Сказал, что он с соседом – меломаны,
Аппаратура – класс!.. Без баловства,
И в этом щепетильны, как гурманы.

Он этим пробудил в ней интерес:
Алина музыку любила тоже,
И он тогда, спустившийся с небес,
Послушать пригласил... но только позже.

Он много говорил про институт,
Про то, что напряжённая учёба...
Желающие без труда поймут:
Лукавство он скрывает не особо.

Алина сомневалась... Но не в том,
Что в нём сокрыты эти все таланты:
Закончит институт, а что потом?
Поднять всё это могут лишь атланты.

Нет, не осилить это одному!

Плачевным будет результат конечный.
В придачу к обаянью своему
Виталий очень щедрый... и беспечный.

Он будто бы куда-то всё спешил
И планы все заранее составил.
Быть может, он всё правильно решил...
Но для неё он места не оставил!

Алину в нём немного злило то,
Что времени на спорт имел в достатке,
А для неё он выделить готов
Лишь то, что получается в остатке.

Зато Алина сразу поняла,
Что он её как женщину желает,
Вот потому и речь его смела,
И взгляд его поэтому пылает.

Поэтому её он пригласил
К себе домой, чтоб музыку послушать...
Сдержатъ его напор найдётся сил,
Как дальше быть – тому пусть жизнь научит.

Но время шло, а он не пригашал,

Чтоб музыкой хорошей насладиться.
Такой подход его не украшал,
И у неё был повод, чтоб сердиться.

Да и подруги... тоже хороши!
Не очень-то стараются утешить,
Когда мужчина – хоть портрет пиши,
А человек любой с рожденья грешен.

Она узнала от своих подруг:
Он от неё тайком ходил на танцы! —
А сам твердил: забыл я про досуг!..
Но оставались призрачные шансы,

Что всё ж её Виталий пригласит,
Чтоб с глазу на глаз музыку послушать,
И, может быть, она его простит,
А музыка сближению послужит.

Виталий к ней как будто охладел:
На теннисе по-прежнему встречались,
Но равнодушно на неё глядел,
Желанием глаза не освещались.

Он иногда с работы провожал,
Но только лишь до двери общежитья,

На занятость сославшись, уезжал.
Стал для Алины недоступным Витя.

Ей нужен в отношениях прогресс,
Но всё идёт не так, как ей хотелось —
Виталий потерял к ней интерес.
Ей нужно было срочно что-то делать!

И к маме на 7 Ноября
Поехала за новыми вещами
В родной Ростов, всего лишь на три дня.
Она, к тому ж, соскучилась по маме.

Глава 10. Седьмое ноября

*Ради бога! Умоляю вас, без вчерашних сцен! –
сказала мне Лотта. – Ваша весёлость страшна.
И. Гёте. Страдания юного Вертера*

В преддверие 7 Ноября
Алина в гости к маме уезжала.
Виталий про себя сказал: «Ура!» —
И проводил подругу до вокзала.

Алину он хотел поцеловать,
Чтобы прощанье выглядело мило...
«Не обнимай меня!» – начав кричать,
Виталия Алина удивила.

И вдруг приехал долгожданный брат —
Оформили ему командировку.
Приезду Сени был Виталий рад:
Он будто угадал, приехал к сроку —

Виталий был друзьями приглашён
Отметить праздник весело... на даче...
С девицами. Чтоб был вопрос решён,

Явились на смотрины – не иначе.

То были деревенские девицы:
Простые, незатейливые лица —
Таким совсем недавно был он сам,
Завидуя столичным чудесам.

Виталию свою досаду скрыть
Никак не удавалось в этот вечер:
Красавиц нет, чьи головы вскружить
Он мог бы, – и не рад был этой встрече.

Он вёл себя развязно, словно пил
До встречи: видел – разница огромна
Во внешности, поэтому шутил
Довольно вызывающе, нескромно.

И хоть себя девицы привели
К смотрам в подобающий порядок —
Накрасились и тени навели —
Но всё равно оставили осадок:

Не скрасил неумелый макияж
Невзрачность их, что в памяти осталась.
Виталий всё воспринимал как блажь...
Из всех одна лишь Зина выделялась,

Её-то для себя он и избрал
Пригодной к предстоящему веселью.
Он уточнил прибытие на вокзал,
Затем покончил с этой канителью.

На дачу все приехали гурьбой.
Сначала приготовили закуску,
Определяя втайне выбор свой
Партнёра, после выпили по-русски.

Виталий Зину сразу пригласил
На танец – пусть оценит эту милость! —
И развлекал, не тратя много сил...
И вдруг всё как на свадьбе получилось!

Один лишь танец танцевал он с ней...
Потом его как будто позабыла:
На следующий – Зина без затей
Семёна, брата Вити, пригласила,

Весь вечер танцевала только с ним,
И рядом за столом они сидели...
Опять Виталий девушкой гоним,
И он с собой справлялся еле-еле.

Но вот уж ночь, они ложатся спать —
В одежде, на разобранном диване
Уставших поместилось ровно пять:
Две пары и Виталий... Как в дурмане...

Себе он пару так и не нашёл —
Он отойти не смог от потрясений,
И на весь мир поэтому был зол...
А рядом с ним лежали Зина с Сеней.

Заснуть не мог Виталий... В темноте
Была возня под одеялом тонким...
Он забывался в лёгкой дремоте,
Но был разбужен поцелуем звонким.

А может, это был не поцелуй,
И это всё во сне ему приснилось?..
Не всё ль равно? Виталий – обалдуй,
Что б там, под одеялом, ни случилось!

Кошмаром обернулась эта ночь,
Воображенье тешило обиду,
И быть на месте Сени он не прочь...
Но утром всё пришло к другому виду.

Он рано брату приписал успех:
Возня под одеялом – символична,
И ночью в доме на диванах всех
По-комсомольски было всё прилично.

Пока неспешно накрывали стол,
Взглянул Виталий в зеркало и ахнул —
Таким красивым он себя нашёл!
Он думал, что от потрясений чахнул,

Но было всё как раз наоборот.
Кто ж знал, что так страдание поможет?
Прекрасны волосы, глаза и рот,
И оторваться от лица не может.

Но почему при этой красоте
Не он, а брат всю ночь в обнимку с Зиной?
Подвергся он жестокой клевете?..
Или другой унижен он причиной?..

Но времени искать причину нет —
Ведь завтра продолжается учёба.
Хоть не сложился с Зиной дуэт,
Он сожалел об этом не особо:

«Здесь девушек достойных нет совсем...»

И парень я отнюдь не из плаксивых...» —
И он себя легко утешил тем,
Что Зина – королева некрасивых.

Глава 11. Вечеринка

*Возможно ль? Чуть лишь из пелёнок,
Кокетка, ветреный ребёнок!*

*Уж хитрость ведаёт она,
Уж изменять научена!*

А. Пушкин. Евгений Онегин

Отпраздновала Дату вся страна,
Алина от родителей вернулась,
С ней встретился Виталий, и она
Ему на приглашенье намекнула.

Удобный случай: Сеня здесь ещё,
И есть обида лёгкая на Зинку...
Взяв эти обстоятельства в расчёт,
Виталий всех созвал на вечеринку.

Играет «Срасе»... Винцо и полумрак...
И рады все приятному досугу...
Народу тьма у троицы в гостях:
Алина привела свою подругу,

Которая была ей не чета;

Макс пригласил свою подругу Валу,
Которая (святая простота!)
Скрыть не могла симпатию к Виталью

(И взгляд её, признаться, душу грел!);
Семён пришёл с своим соседом Славой;
И только Ваня «тёлки» не имел —
Ни толстой, ни худой и ни прыщавой.

А вскоре увеличила толпу
Пришедшая сестра Максима Люда.
Но знал Виталий, что сестра – табу:
Избави бог от разных пересудов!

Стараясь взглядов Вали избегать,
Виталий танцевал только с Алиной,
Чтобы малейший повод не давать
Для ревности подруги – беспричинной.

Алину новый запах окружал.
«Что за духи?» – спросил. – «Пани Валеvска».
Виталий благородно промолчал:
Приятный запах, но... не королевский.

Алина расспросила обо всех
Виталия знакомых и о братце,

И он, для устранения помех
В общении, сказал о каждом вкратце.

Алина же, когда он завершил,
Расспрашивала более подробно
О Сене и о Славе... Он решил,
Что это неуместно и нескромно.

Он вышел на минутку... В туалет...
И, возвратившись, видит вдруг картину:
Семён танцует, расстегнув жилет,
И в танце обнимает он Алину!

Она беседой с ним увлечена,
И дело явно движется к разврату:
В её глазах симпатия видна,
Но вовсе не к Виталию, а к брату!

Виталий не забыл ночной кошмар,
Ещё жива в глазах его картина:
В груди и в голове позора жар...
С Семёном обнимавшаяся Зина!

Уже вторая девушка подряд
Его неотразимость отвергает!

Он бросил на Алину гневный взгляд —
Такой, который все мосты сжигает.

Он пригласил Людмилу танцевать,
Потом Надежду, что пришла с Алиной,
Алину же решил не замечать -
Бала настолько вспышка гнева сильной.

И только с Валею он не танцевал,
Хотя она вела себя нервозно:
Виталий даже в гневе понимал,
Что ею увлечён Максим серьёзно.

Кошмар, что был 7 Ноября,
Чуть отличаясь, снова повторился.
Чтоб вечер для других прошёл не зря,
Он снова из последних сил крепился,

Когда, танцуя с Людой, наблюдал,
Смущённый, ничего не понимая,
Как брат «с его Алиной» танцевал -
С её согласия! – нежно обнимая.

Закончен – то ли праздник... То ли сон...
И с ревностью Виталий наблюдает,
Как девушка, пришёл с которой он,

С другим под руку дом их покидает.

Он ждёт, что и его она возьмёт
Под руку... Нет, нарочно убегает!
Теперь Виталий знает наперёд,
Что он знакомство с Алей расторгает.

Семёна он виновным не считал
И на него не злился без причины —
Из книг простую истину он знал:
«Во всём ищите женщину, мужчины!»

Она должна иметь ориентир,
Чтоб не порочить облик свой моральный
(Похвастался однажды бригадир,
Что запретил супруге секс оральнЫй).

Алина, безусловно, неправа:
«Какое неудачное знакомство!
Друг к другу привыкать едва-едва
Мы стали – проявляет вероломство!

Ведь я учусь, не надо мне проблем!..
Её беда – общительный характер,
Она предрасположена ко всем,

А для меня же верность – главный фактор.

Когда, дай бог, закончу институт,
Найду другую – никуда не денусь...
Когда зарплату больше мне дадут...
Итак, всё решено!.. А как же теннис?

Ведь я продолжу каждый день играть,
Она мелькать начнёт перед глазами,
Во мне пытаюсь жалость вызывать...
И может не побрезговать слезами...

Иметь я буду неприступный вид,
Слезой меня разжалобишь едва ли,
Хотя душа немножечко болит...
Но сослуживцы?.. Чтоб не догадались,

Пожалуй, ссору лучше прекратить...
И выводов не делать, столь поспешных...
А стоит ли одну её винить?
В любом конфликте нет сторон безгрешных.

Возможно, что-то сделал я не так...
Она в отместку сделала мне больно...
Всегда обратный можно сделать шаг,
Чтоб устранить свершённое невольно.

С чего решил я, что она моя
И что нельзя ей танцевать с другими?
Ведь были до сих пор мы лишь друзья,
Друг другу мы не стали дорогими.

Я на неё имею столько ж прав,
Как остальные гости... и не гости,
Кому ж суждён её весёлый нрав —
Сама Судьба меж нами бросит кости.

Надеюсь, что она меня простит —
Науку эту познаю впервые...
А если уж презрением отомстит,
Я погружусь в проблемы половые...

Но интересно, как себя вести,
Когда с другой такое приключится?
Сдаётся, должен я её блюсти,
Но очень незаметно волочиться».

С утра, в отделе часик посидев,
Виталий в типографию явился,
Алину вызвал. Вышла та, зардев,
И он за собой субботный извинился.

И девушка мгновенно ожила:
Надменности её как не бывало,
Смотрела на него без тени зла,
С сияющей улыбкою болтала.

А ей, похоже, было что сказать.
Она хвалила музыку Максима,
Виталию стараясь показать,
Что к музыке любовью одержима.

А после – стала Славу вдруг хвалить:
«Какой хороший парень! Ты согласен?»
Такой психологический кульбит
Давал ему понять: брат не опасен!

И вскоре он уехал... Каждый день
Виталий с ней на теннисе встречался,
Переходить на новую ступень
Их отношений сложных не решался.

Ему вопрос покоя не давал:
«Кто ж в самом деле нравится Алине?»
Я не случайно потерпел провал,
Не знавший поражения донныне.

Я в собственной уверен красоте,
Она влечёт ко мне красивых, стройных,
И до сих пор я был на высоте,
И не было соперников достойных».

Виталий был от мыслей напряжён,
И напряженье это раздражало,
Плюс от учёбы негативный фон:
Грядёт последней сессии начало.

И как бы ни храбрился человек,
Изматывает душу неизвестность,
В круг замыкая трудных мыслей бег,
Усугубляя нашей жизни пресность.

И он в кино решился пригласить
Алину, что была пока лишь другом.
Она смогла ему наговорить —
Такого!.. Голова от слов тех кругом:

«Боялась, что я больше не приду —
При этом на меня глядит пытливо,
А я всё это слушал, как в бреде —
Что без меня ей было так тоскливо...

Теперь сомнений нет: она моя!

А я глупец, коль в этом сомневался.
Ты проигравший, Сеня, а не я,
Ведь ты уехал, я же с ней остался.

И всё-таки загадочна она:
Ведь если лестных слов наговорила,
Была со мной покорна и нежна,
То почему она так поступила?

Сдаётся мне, Алина, как и я,
Намереньям моим не доверяет,
По-своему – насколько мы друзья? —
По-женски, нелогично проверяет.

Она не может до конца принять,
Что погружён я по уши в учёбу.
Что толку в невниманьи обвинять?
Нет времени... и денег на зазнобу...

Но ведь грешно сластёну истязать
Виденьем торта малого кусочка!
Я должен непременно показать,
Что у меня она одна – и точка!

Зачем Алине знать про мой успех
У женщин? В этом есть закономерность:

Перед парнями хвастаться – не грех,
А девушка оценит только верность.

Когда она болтала ерунду:
«Вино?.. Да мне и пять бутылок мало!..
Три года без мужчин – имей в виду!» —
Не понял я, что это означало.

Потом она спохватывалась вдруг,
Что в болтовне своей дошла до края,
Набрав себе сомнительных заслуг:
«Ты мне не верь, я вовсе не такая!»

Но почему мы противостоим?
И что влечёт Алину так стараться?
Я – видом благодетельным своим —
Вношу разлад в девичьи души часто.

Ах, этот мой благопристойный вид!
Сказала же Татьяна – та, что с танцев,
Как редко кто из женщин говорит,
И с завистью, что не имеет шансов:

«Ты говоришь, смущён?.. Тебя смутишь,
Парнишечку... хорошего такого!»
Не смог я подтвердить мужской престиж,

Зато был рад услышать это слово,

Которое о многом говорит:

Она слыла любовницей умелой,

И этот опыт очень трудно скрыть...

Со мной же почему-то оробела.

В моих глазах ей захотелось быть

Гораздо лучше, чем на самом деле,

Поверила, что можно полюбить,

А не менять партнёров и постели.

Не только на неё я повлиял —

Валере тоже счастье изменило:

Он думал, что путану обаял,

Но девственница планы осложнила.

Моя благопристойность – лишь обман,

Я выгляжу порой довольно странно:

То злобою бываю обуян,

То сам своей смущаюсь речи бранной,

Стараюсь злобу в шутку обернуть,

Чтобы не быть законченным мерзавцем...

Но очень трудно мне с пути свернуть...

Тем более, когда сльвёшь красавцем!

Да, у меня сомнительная роль:
Мне нравилось всегда шутить, кривляться,
У всех нарочно вызывая боль,
Выискивать пороки, издеваться.

Вчера пошёл с работы провожать
Алину и подругу... Было мило...
К Алине я решил перебежать
Поближе, но подруга вдруг спросила:

«Ты почему к Алине перешёл?» —
«А потому, что здесь намного лучше!» —
Слова я неожиданно нашёл,
Которые ласкают дамам уши.

Алина засмеялась – и весна
Явилась среди мрачных дней избытка:
Как будто солнце, светится она,
Когда смеётся, милая улыбка.

Я видел её радость от того,
Что уделяю ей своё вниманье,
И это мне не стоит ничего...
И тут я почему-то ляпнул: «Таня!»

Смех прекратился... Солнышко зашло...
Алина стала замкнутой и скучной...
И я корю язык мой-помело,
Алину с её мрачностью докучной.

Мне нравится, когда она нежна,
Когда я вижу глаз её горенье...
Но слишком уж капризная она!
И эта мрачность – как неодобренье».

Глава 12. Чёрная суббота

И много ль жертв мне нужно было?

Будь непорочна, я просил...

А. Дельвиг

В последнюю неделю ноября
Семён приехал вновь в командировку:
Чтоб аспирант не тратил время зря,
Направили его на стажировку.

Как принято, вернуть желая долг,
Виталия он в гости приглашает.
Алины нескрываемый восторг
Виталия, конечно же, смущает —

Как и одежда, что была на ней
(Он сроду не имел таких вещей!):
Красивый свитер, шерстяной индийский —
И джинсы, то уже товар английский.

И снова «Срасе», но только всё скромней:
Магнитофон играет, без колонок.
Семён, Виталий, Слава – из парней,

Алина и Надежда – из девчонок.

Чтоб прежние ошибки исключить
(В измене никого не уличить),
Все, в основном, танцуют быстрый танец —
Невинно, ни к кому не прижимаясь.

Открылась дверь, и девушка вошла.
«Соседка наша, – брат сказал, – Лариса».
В вечернем платье девушка была,
По внешности – уж точно не актриса.

Виталий оживился, пошутил:
«Тебя нам не хватало очень, Лара!
В твоём лице нас ангел посетил —
У каждого из нас теперь есть пара».

С Алиной что-то вдруг произошло —
Она на танец Сеню пригласила.
Виталий вздрогнул – снова ожило
Живущее в груди, но с новой силой:

«Опять Алина мной пренебрегла!
Со мной пришла, так пусть со мной танцует...
Меня позорить!.. Как она могла?
Она ведь нашей... дружбою рискует.

Не то обидно, что не я ей мил,
Обидно, что меня водила за нос:
Чтоб сам её я к брату приводил,
Со мной она, коварная, встречалась!

Противен мне обман... И разве я
Уж так хотел с Алиною встречаться?
Здесь инициатива не моя,
Пришлось на уговоры мне поддаться.

Страдать по ней?.. Она не идеал,
К которому хотел бы я стремиться!» —
Виталий возмущаться перестал,
Он тоже к ней решил перемениться.

Ларису стал на танец приглашать,
Потом Надежду пару раз приветил.
Алину он решил не замечать,
Как будто бы её и нет на свете.

Меж ними словно выросла стена:
Они шутили, как и все, смеялись,
Чтоб праздник не испортила война...
Друг к другу лишь они не приближались.

С вопросами никто не приставал,
Хотя дивились странною картиной:
С невзрачной Ларой Витя танцевал,
Хотя пришёл с красавицей Алиной.

И вот настал безумию конец...
И рады все намереню благому...
Но хватит ли у Провиденья средств,
Препятствовать безумию другому?

Решили все остаться ночевать,
Не подставляться зимнему ненастью,
Но каждому отдельную кровать
Не получалось выделить, к несчастью.

Семён Алине предложил лечь с ним
(Никто ж не виноват, так получилось!),
Не так уж тесно будет им двоим...
И – о, кошмар! – Алина согласилась!

Все улеглись... Но сон ещё не шёл..
И в темноте негромко речь звучала...
Молчал Виталий: он был слишком зол...
«Мне холодно!» – Алина вдруг вскричала.

Семён пытался было ей помочь...
Но не ему тот крик предназначался:
Виталий, гнев стараясь превозмочь,
Интуитивно сразу догадался —

Ему предназначался этот зов,
Она с ним рядом хочет очутиться,
К нему прижаться, чтоб без лишних слов
За все свои ошибки извиниться.

«Быть может, у неё заведено
Скакать в кровать от одного к другому,
Но мне теперь, похоже, всё равно:
Я не готов к такому перелому.

Мне говорит страдание моё,
Что женщина ошибки совершает,
Но в них, чтоб сохранить лицо своё,
Она потом мужчину обвиняет.

Нет, этих женщин сроду не понять:
Спротивляться, видишь ли, не в силах,
Но любят на измену попенять —
После того, как та уже свершилась».

А утром он, проснувшись, рассудил,
Что способ есть проверить дамы чувство:
Начнёт хвалить другого что есть сил —
Брат ни при чём, тут женское искусство

Мужчин своим кокетством обольщать.
И он был прав – Алина тут же стала
Соседу комплименты расточать:
«Какой же ты красивый парень, Слава!»

Виталий рад: «Она дала понять,
Что к брату равнодушна совершенно...
Нельзя одну Алину обвинять —
И я виновен, если откровенно.

Помирился мы... Жаль, не навсегда,
И снова мне придётся унижаться...
Нужна ли мне такая ерунда?
И сколько это будет продолжаться?

А вдруг я ошибаюсь, что любим?
На похвалы другим транжирит силы —
И этот пыл её неистребим —
Но не сказала мне, что я красивый!

А я устал от этой чехарды,

В которой мы никак не разберёмся,
Устал от ощущения беды,
Когда мы после ссоры расстаёмся.

Нас обстоятельства сближают вновь,
Мы миримся, но это лишь формально —
Со страхом жду, когда нахмурит бровь...
Нет, я считаю: это ненормально!

Мне голова холодная нужна —
Её ж капризы не дают покоя,
И в мыслях у меня – она одна,
Когда от дев красивых нет отбоя.

С учёбой я справляюсь кое-как
И жду со страхом сессии начала,
Мои ж проблемы для неё – пустяк:
Я намекал – она не замечала.

А может, так сильна её любовь?...
Да, любит надо мною издеваться
И видеть столкновенье братских лбов...
Я должен поскорее с ней расстаться!»

Остаток дня провёл он, как в бреду:

Как мало дней до сессии осталось —
Последней!.. В наступающем году...
И вместо мыслей возникал лишь хаос.

И он уже подумывал всерьёз,
Что снова станет жертвой меланхолий...
Уж слишком мрачным выходил прогноз,
И он собрал в кулак остаток воли.

На следующий день, чуть рассвело,
Приехал в общежитие к Семёну,
Всё высказал, понуривши чело,
И слушал тот, немало удивлённый:

«Я вижу, что понравился ты ей...
С тобой она хотела бы встречаться...
Я возражать не стану... Будь смелей...» —
«А как же ты?» – «Я буду заниматься...»

И он уехал. Сене Вячеслав,
Свидетель непростого объяснения,
Уже семейной жизни вкус познав,
Сказал, причём без всякого стеснения:

«Я вижу, ты немного удивлён?
Прими совет женатого мужлана.

Я лучшим был из записных гулён —
И всё-таки женился очень рано...

Мне встретился хороший человек,
И понял я, что совершу ошибку,
Коль упущу, и не прощу вовек
Себя за то, что был разборчив шибко.

Алина, несомненно, хороша!
Виталию мешает самомнение
Увидеть, как чиста её душа...
Не оплошай хоть ты с Алиной, Сеня!»

Виталий, чтоб страданья прекратить,
Настроен был решительно – и сразу,
Чтоб и Алину долго не томить,
Поехал к ней... Искоренять заразу.

Он извинился – если что не так...
Хотя в своей вине он не уверен...
И неизвестно, кто попал впросак...
Но ссориться он с нею не намерен.

На том он завершил свои дела.
Хоть девушка смотрела виновато,

Для той, что с братом ночку провела,
Решил он, что и это многовато.

«Ну, вот и всё... Окончен наш роман...
Хотя его назвать романом сложно...
И голову покинет тот дурман,
Что я впустил весьма неосторожно».

Вздыхнул он облегчённо с этих пор,
В том помогли учёба и работа,
И он забыть старался свой позор,
Носивший имя «чёрная суббота».

Глава 13. Ошибка Алины

Не любишь, не хочешь смотреть?

О, как ты красив, проклятый!

А. Ахматова. Смятение

Алина из Ростова привезла
Индийский свитер, теплый и красивый,
Духи «Пани Валеуска», без числа —
Других подарков мамы бережливой.

Чтоб в Ленинграде это всё купить —
То ей, как рыбаку азартной ловле,
Всю жизнь свою пришлось бы посвятить...
Но мама ведь работает в торговле!

Надеялась Алина оживить
Виталия к ней интерес угасший.
А танцы... Танцы можно и простить:
Ведь человек он не совсем пропащий.

Свидание под музыку, вдвоём
Узнать друг друга очень помогает.
Он пригласит на танец... А потом?

Уж очень танец медленный сближает...

Её Виталий очень привлекал,
И не забыла то прикосновенье,
Когда он руку так галантно взял,
И повторить хотела то мгновенье.

И вот он, наконец-то, пригласил...
Её – и всех друзей! – на вечеринку.
Он, не стесняясь, музыкой форсил,
Сдувал с пластинок каждую пылинку.

Алина очень быстро поняла,
Что он вниманьем женщин избалован:
Девичий взгляд ему – как похвала,
И он своим успехом очарован.

Скрыть не могли симпатии своей
Людмила, Валя и подруга Надя:
Хоть вежливы к речам других парней,
Но на него направлены их взгляды.

Алину уязвил он глубоко:
«Себя он представляет Казановой,
И, как ребёнок, быстро и легко

Вдруг увлекается игрушкой новой!

Я сердце закрываю на замок!» —
Она едва смогла унять смятенье...
Виталий неожиданно помог:
Её он познакомил с братом Сеней.

Себя ненужной горько осознать...
И всё ж надежды Аля не теряла:
Чтобы у Сени больше разузнать,
Она его с пристрастием пытала.

Она старалась выпытать не зря
(Хотя не рада выпавшей удаче):
Узнала, что 7 Ноября
Виталий был с компанией на даче.

Давно уже Алина поняла,
Что трещина меж ними намечалась,
А трещина та с каждым днём росла
И постепенно в пропасть превращалась:

«Ах, лучше б на меня ты не смотрел,
И было бы моей душе спокойно!
Но ты увлѣк, а сам перегорел...
Себя ведѣшь по-детски, недостойно!

Зачем на вечеринку приглашал,
Как будто бы найти мне хочешь пару?
Двоим не нужен многолюдный бал,
Не разгореться там любви пожару.

Я о своей забыла красоте,
И начинает мне уже казаться,
Что губы и глаза мои – не те! —
Которыми ты мог бы любоваться!

Нет, женщину нельзя считать обузой,
Ведь каждая себя считает Музой,
И долг мужчины – верно ей служить.
Без этого нельзя на свете жить».

И вдруг Алину охватил задор,
Отчаяние сразу отпустило:
Когда Виталий вышел в коридор,
Она на танец Сеню пригласила.

Вернувшийся Виталий не был рад
Картине, что открылась его глазу.
Он бросил на Алину гневный взгляд,
И больше к ней не подошёл ни разу.

Похож был на Виталия Семён —
Не внешне, хоть был тоже симпатичным:
Семён и остроумен, и умён,
На жизнь их взгляды очень идентичны.

Есть у красавиц сложности с умом...
Но интуиция – их козырь главный,
И их ни в детстве раннем, ни потом
Не одолеет ум мужской глобальный.

Она ещё не знала, почему
Семён тогда привлёк её вниманье,
Доверилась наитью своему,
И в нём нашла Алина пониманье.

Семён с Алиной очень вежлив был.
Он не был так спортивен, как Виталий,
Амбиций в нём не чувствовался пыл,
Не создан для страстей он и баталий,

Но тоже интересно говорил,
Его характер ровный и спокойный,
Характеру под стать и голос был,
И разговор он вёл благопристойный.

Алина в нём спасение нашла
И проводить в тот вечер попросила,
Когда интуитивно поняла,
Что месть её Виталия взбесила.

Виталия под руку не взяла:
Ведь если он её не хочет видеть,
Считая, что не так себя вела,
То он её способен и обидеть.

На вечеринке Аля поняла,
Что страшную ошибку совершила:
Из-за какой-то кучи барахла
Виталия из виду упустила.

Она не сомневалась, что они
7 Ноября могли быть вместе:
«Вполне возможно, были бы одни,
И не было бы повода для мести.

А что теперь?.. Виталий очень зол...
И наш роман, похоже, завершился...»
И вдруг он неожиданно пришёл,
За свой поступок дерзкий извинился!

Как были ей приятны те слова:
«Прости меня!» – что говорит мужчина.
И закружилась сразу голова
От радости: какой он молодчина!

Виталия стараясь убедить,
Что Сеня, как соперник, не опасен,
Алина Славу начала хвалить:
«Какой хороший парень! Ты согласен?»

Он понял всё – не даром так умён! —
Алине снова солнце засияло:
Конечно, он во времени стеснён...
Но можно было всё начать сначала.

Виталия весьма неожиданный шаг
Дал пищу интуиции Алины:
Слова такие, как «Семён» и «враг»
В мозгу Виталия несовместимы.

Он никогда на ссору не пойдёт,
Он ни за что Семёна не осудит,
Он лучше сам в сторонку отойдёт,
Но брата он врагом считать не будет.

Её в кино Виталий пригласил.

Алина, чтоб продвинуть отношения,
В надежде, что Господь благословил,
Отважилась на жертвоприношенья:

Сказала, что скучала по нему;
Боялась, что закончились свиданья...
То подвиг для неё, и посему
Она ждала ответного признанья...

Но он себя повёл, как себялюб!
Как неприятно то воспоминанье:
«Ему почти призналась, что люблю...
Но принял он, как должное, признанье».

Она не ожидала от него,
Что в чувствах он готов на вероломность:
«В Виталии намешано всего,
Но портят душу эгоизм и чёрствость!

Он будто бы имеет две души:
Одна душа циничная и злая,
Она обиды девушкам вершит,
Того порою даже не желая.

Как трудно униженье пережить!

А он, напротив, весел без причины,
Не делает попыток ублажить...» —
И таяло доверие Алины.

Однажды, увлечённый похвальбой,
Виталий вдруг назвал её: Татьяна!
И ей уже не справиться с собой,
И у Алины вновь на сердце рана!

И снова вечеринка, но уже
Их пригласил Семён, что вновь явился
В командировку. И настороже
Алина, коль Виталий оживился.

Ох, эти вечеринки! Вновь толпа...
Уже Алина стала их бояться —
Уж очень переменчива Судьба...
Но нет другой возможности встречаться -

Она смирилась, коль приглашена...
А добираться к Сене – свет не близкий,
Алина, стилю тонкому верна,
Надела джинсы, свитер свой индийский.

С Ларисой в эту ночь пришла беда...

О, как глаза Виталия блестели!..
Опомнилась Алина лишь тогда,
Когда лежала с Сенею в постели.

Она боялась только одного:
Что он уйдёт с красоткой в платье длинном —
Тогда не будет больше ничего,
Конец любви! – так решено Алиной.

Он не ушёл, хоть Лара и звала,
Лежал один Виталий на кровати...
И лишь тогда Алина поняла,
Что с Сенею лежит... совсем некстати.

«Мне холодно!» – воскликнула она,
И в голосе отчаянье сквозило.
Ответом ей была лишь тишина...
И темнота... И холод... Как могила!

Молчанье слышать было выше сил:
«Мне холодно!» – опять она вскричала...
В ответ Виталий злобно пошутил:
«А ты возьми второе одеяло!»

Как тяжело было ночь ту пережить!
Но оставалась всё ещё надежда —

И снова Славу начала хвалить...
Но это не сработало, как прежде.

Опять он на работе к ней пришёл,
Чтоб извиниться, как уже бывало,
Признание же, что для неё нашёл,
Какую-то решимость выдавало.

Он извинился – если что не так...
Хотя в своей вине он не уверен...
И неизвестно, кто попал впросак...
Но ссориться он с нею не намерен.

Мужчина, говоря: «Прости меня!» —
Кладёт как будто голову на плаху,
Нет женских сил его не извинять...
То в шахматной игре подобно шаху.

Она его простила, как тогда...
И всё ж двойное чувство испытала:
И отступила вроде бы беда...
Но холодность его её пугала.

Глава 14. Проводы брата

*Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу.*

С. Есенин

Настало время Сене уезжать...

Виталий на зачёте быть обязан...

И всё ж решил он брата провожать,

Ему напомнить, что родством с ним связан,

Что женщина не может отменить

Родство по крови, что бы ни случилось,

Что брата не намерен он винить,

И в дружбе их ничто не изменилось.

Виталий едет с Сеней на вокзал...

Но брат сегодня непривычно скован

И прячет от Виталия глаза...

Виталий подозрением взволнован —

И верно: на вокзале ждёт сама

Алина и волненья не скрывает!

«Коварная!.. От Сени без ума,

А предо мною цену набивает!»

Как выяснилось много в этот день!
То не сравнить с пропущенным зачётом.
Домой он ехать вынужден был с ней,
Несдержан был, потребовал отчёта —

И получил Виталий всё сполна.
Алина неохотно отвечала,
Потом призналась, наконец, она:
Ей нравится Семён, причём, с начала!

«Её слова – как смертный приговор!
А я мечтал, что ждёт меня награда...
Впервые я узнал такой позор.
Смогу ли пережить его?... А надо.

Обидно всё ж: нектар любовный варишь
И ждёшь, когда в ней чувство расцветёт...
Нагрянет вдруг удачливый товарищ —
И счастье из-под носа уведёт!

Не буду врать: их счастьем я не рад...
Хотя и зла им тоже не желаю:
Ведь мой соперник – мой любимый брат,
Которого безмерно уважаю».

Пришла к концу безрадостная встреча,
И он ей на прощание сказал:
«Твои слова не ранят, не калечат,
А сразу убивают наповал!»

Виталий думал, что, расставшись с ней,
Он обретёт покой, такой желанный...
И вот удача: Сеня ей милей...
Но это не входило в его планы!

Он вспоминал, как это началось:
Его Алина в гости приглашала —
Настойчиво; но долгожданный гость
Никак не шёл; Алина искушала

И продолжала в гости звать его,
Уже не веря, больше наудачу;
И тут свершилось чудо, волшебство —
Его визит нельзя назвать иначе.

Случилось всё внезапно для неё,
Алина растерялась и смутилась,
Подсказывало женское чутьё:
Решит он, что Алина напросилась,

Теперь он плохо думает о ней.
Предположенье вызвало тревогу,
И вот уже Алина много дней
Пред ним изображает недотрогу.

Желанье слыть хорошим не ново,
И он готов был проявить терпенье...
Не понимал он только одного:
Как мог так быстро полюбиться Сеня?

Виталий был всегда его смелей,
И все знакомства – сплошь его заслуга:
Виталий, несомненно, красивей,
Забыта им в общении натуга.

Он в зеркало для верности взглянул —
И ахнул: «Боже мой, как я прекрасен!
Нет, всё-таки напрасно я взгрустнул:
С Алиной должен я быть, вывод ясен».

И всё же не Виталий фаворит...
Как сильно самолюбие задето!
Здесь о любви ничто не говорит...
Но как же больно чувствовать всё это!

Как начинался с девушкой разлад?
Он ревность испытал на вечеринке,
Увидев, что танцует с нею брат —
И разгорелось пламя из искринки!

«С ребятами я плохо поступил —
Я их обидел, Сеню и Алину:
Любовь демонстративно уступил,
Друг к другу их подталкивая в спину.

В расправе с чувством был я слишком лих,
Так поступают продавцы с Кавказа,
Когда ты сдачу требуешь у них:
«Ах, сдачу? На, возьми её... Зараза!»

Её слова: «Останемся друзьями...» —
В моей душе рождают только грусть...
Итак, я просто друг... Зачем? Не знаю...
Хотя б затем, что с нею остаюсь!

Хоть мал подарок – отвергать нельзя,
Держи его обеими руками:
Давно уж стали нормою друзья,
Которые становятся мужьями».

Виталий целиком ушёл в себя
И думал об Алине постоянно...
И вдруг, очнувшись, понял, что ребят
Не слышно – Макса с Ваней... Это странно.

В их комнате теперь не слышен смех,
И музыку давненько не включали,
Как будто горе посетило всех,
И оттого вся комната в печали.

И вдруг дошло: «Ведь в нашем доме я
Создателем являюсь настроенья,
Я размечтался и ушёл в себя —
И жизнь своё замедлила течение.

И на работе я грущу впервой.
Кирилл меня на свадьбу приглашает
В Архангельск, но я сам сейчас не свой...
И денег на поездку не хватает.

Все видят, что сейчас я – как больной...
Но от друзей с коллегами скрываться,
Прикрывшись горем, – мне урон двойной:
Нельзя над тем, что свято, издеваться».

И жизнь вернулась в свой привычный круг:

С Алиной он на теннисе встречался,
И хоть он был теперь старинный друг,
Но очень, очень сдержанно общался.

Виталий будто сделал шаг назад,
Покинув круг обид и разногласий,
И направлял извне пытливый взгляд,
Ища исток свалившихся несчастий.

Но старый год позиции сдаёт,
До нового осталась лишь неделя —
Себе вопрос Виталий задаёт,
Собой ещё не полностью владея:

«Пора уже отвлечься от невзгод
И мыслью отрезвляющей задаться:
С кем встретить собираюсь Новый год?..
С кем, как не с ней? – нетрудно догадаться...

Мне скучно веселиться без неё,
То будет не понять на что похоже,
Хоть Аля – достоянье не моё...
Мне почему-то кажется – ей тоже.

Но почему? Успел я полюбить?...

Да нет же! Просто есть одна проблема,
Которую так просто не решить,
Для этого нужна она – и время.

Я должен окончательно понять,
Кто нравится на самом деле Але,
И для того, кто может наблюдать,
Важней всего мельчайшие детали.

Я верю: наваждение пройдёт.
Меня одни девицы увлекали,
Но наступал потом других черёд,
Я их бросал, они меня бросали...

Ни об одной из них я не жалел,
Во всех я сильно разочаровался,
Огонь любви в груди тихонько тлел,
Но никогда всерьёз не разгорался.

О, как проблема спутницы трудна!
Не мудрено, что с каждой новой встречей
Я всё гадал: она иль не она,
Что суждена судьбою мне навечно?

Я вижу ситуации комизм,
Но есть тому простое объясненье:

Хочу найти подругу на всю жизнь,
Отсюда все тревоги и сомненья.

С Алиной было так же, как у всех:
При первой встрече внешность поразила,
Я был настойчив, развивал успех —
И вот она со мной заговорила.

Но с этих пор я начал замечать,
Что будто бы краса её поблекла.
Хоть с ней не приходилось мне скучать,
Я всё ж решил с мечтой расстаться светлой.

Но что-то мне покоя не даёт...
Я вижу цепь загадочных явлений:
Я с радостью встречаю Новый год
С Алиной – нынче девушкою Сени,

Которого здесь, рядом с нею, нет...
Она принадлежит ему по праву,
Но мне общаться с ней не надоест...
И мне другие девушки по нраву!

Как камень, я, покинувший прашу,
Лечу в погоне за своей судьбою...
Мне кажется – я что-то пропущу,

Когда решусь увлечься лишь одною.

Мелькнёт в толпе красивое лицо —
И я уже, как гончая, напрягся:
А нет ли рядом лучших образцов?
И если лучше есть, зачем теряться?

Да, мне нужна подруга навсегда,
И я хочу любить её без меры...
К несчастью, я встречаю иногда
Семейной жизни худшие примеры.

Глава 15. Броня и Соня

Они в своей жизни более руководятся расчётом, чем сердцем, потому что расчёт имеет в виду полезное, а сердце – добродетель. Аристотель. Риторика. Книга II. Глава XIII. Черты характера, свойственные старости

Мужчина, выбирая на века
Себе жену, подарок получает...
Красивый... Но в неведеньи пока,
Что от него подарок сей скрывает.

Лишь позже предстоит ему понять,
Насколько был подарок тот уместным,
И стоило ль ему его принять —
Проверится прожитием совместным.

Да, опасенья были – что ж скрывать:
Виталий на работе насмотрелся,
В замужестве какую может стать
Девушка, к коей страстью возгорелся.

В отделе среди женщин пожилых

Он Броню с Соней выделял особо —
За лиц отёчность, взоры глаз тупых,
За их тела с отвисшею утробой.

Виталий опасения свои,
Что может стать жена его такой же,
Как эти воплощения семьи,
Унять не мог: так низко пасть негоже!

По баночкам разложен их обед,
А по утрам они творог жевали,
После чего, забыв про этикет,
Отхаркивались долго и икали.

Их разговоры – редкостная нудь,
В них смысла нет, зато сплошные сплетни.
Любитель в книгах знания почерпнуть
Зверел, когда он слышал эти бредни:

«Ты погоди, сейчас верну я долг, —
Сказал он мне, на лестнице встречая.
И тут он открывает кошелек —
А у него там женщина... Нагая!»

Прикосновенье женских нежных рук
Желание в мужчине возбуждает...

От вида рук опухших двух подруг
Желание жениться пропадает.

Виталий ненавидел стариков
За немощь их, медлительность и глупость,
Он верил, что уж он-то не таков,
Что минует его такая участь.

Да что там старики! Среди молодых
В достатке было и дурных примеров
Семейной жизни, и одним из них
Был Савва, из ведущих инженеров.

На Савву глядя, недоумевал
Виталий: Как меняются во браке!
Он, как и все, наверное, мечтал
О девушке своей, как высшем благе...

И вот жена недавно родила,
Он должен бы спешить к жене, к ребёнку,
Коль дома неотложные дела...
А он сидит, читает газетёнку

На лавке в местном парке вечерком.
Виталий, это видя, удивился:

Как странен он в бездушии таком!
Но Савва же нисколько не смутился:

«Я на работе очень уж устал,
Из-за ребёнка ночью плохо спал,
И отдохнуть мне не удастся снова —
Домашняя работа уж готова».

На Савву глядя, Витя всё гадал:
Он был всегда таким?.. А может, стал
Таким одиноличником отпетым,
Когда был связан с женщиной обетом?

Когда в колхозе весь отдел бывал,
А после стол богатый накрывал,
То лучшие куски хватал он в спешке...
Сам привозил же чуть ли не объедки.

На базе Савва овощной всегда
Тяжёлою работою гнушался.
То у него вдруг заболит нога,
И раньше всех домой он собирался.

То говорил, что ждёт его жена,
И совесть его вовсе не зазрила,
Хоть ложь его прекрасно всем видна:

Ведь жил он у Олега и Кирилла,

Поссорившись с женой на тот момент.
Не чувствовал себя он виноватым,
Хоть попросился к ним в «аппартамент»,
В котором были только две кровати,

И этим сильно перенаселял
Их скромное жильё на самом деле.
Им Савва неудобства доставлял,
Они его присутствие терпели.

Другим примером, как не стоит жить,
Был инженер из смежного отдела:
Он вёл, чтобы расходы сократить,
Своё хозяйство от жены отдельно.

Добавил чёрных красок и Владлен
В картину ожидаемого счастья.
Как пьяница, он был уже растлен,
И в браке предрекал одно – несчастье.

В курилке часто сетовал Виталий
На очень уж чудной характер Али:
«Я не могу никак её понять!..

Ведь можно же эмоции сдержать,

Судить спокойно, твёрдо, беспристрастно...» —

«Прости, но твёрдость в женщине опасна,

И часто вместо ласковой жены

Мы получаем клона Сатаны, —

Владлен ответил. – Как наивен ты!

О женщинах я знаю не из книжек.

Для женщин ощущение высоты —

Это возможность пасть как можно ниже».

Бередил душу этот баламут...

То юную жену сравнил с туфлями,

Что поначалу непомерно жмут,

Но по ноге разносятся с годами;

То – женская природа такова:

Готова целый мир она разрушить,

Лишь только бы любовь была жива

(Ну, а на деле – власть иметь над мужем);

То утверждал: мужчины соблюдают

Закон – желанья женщин исполнять...

Одной бедой желанья те страдают —

В момент неподходящий возникать.

Хоть про любовь написаны тома,
Но в ней влюблённый мало понимает —
Дурной характер часто принимает
За признак утончённого ума.

Виталий, что от книг ожил, воскрес,
Считал, что похоть – низкие страстишки.
Владлен же утверждал: познаешь секс —
Поймёшь, что в жизни есть не только книжки.

Затрачено уже так много сил,
Чтоб не попасть в капкан судьбы печальной,
Поэтому Виталий и решил,
Что женщина должна быть идеальной.

Глава 16. Новый год с сослуживцами

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем её вернее губим
Средь обольстительных сетей.
А. Пушкин. Евгений Онегин*

Все сослуживцы дружно Новый год
Отпраздновать решили в ресторане
Гостиницы шикарной «Ленинград»
За пару дней до праздника, заранее.

Всё было необычно в этот раз:
Халдеи, дорогая обстановка
И сервировка радовали глаз,
Хоть было с непривычки чуть неловко.

Но с каждым тостом и глотком вина,
И с каждым блюдом, съеденным со вкусом,
Всё меньше скромность ложная видна,
И все гуляли шумно и с размахом.

Виталий, чья уверенность в себе

Алиной поколеблена серьёзно,
Разгорячившись в праздничной гульбе,
Как будто заболел болезнью звёздной.

Он всех красивых женщин приглашал
На танец, развлекал их разговором,
И редко кто из них не провожал
Его потом красноречивым взором.

В нём жил ещё немножечко дикарь,
Что вылезал наружу, но Ирина,
Начальника отдела секретарь,
Была потрясена: «Какой мужчина!»

Виталий эту смелость оценил:
В глазах её увидев восхищенье,
Потом уж от неё не отходил,
Душа же получала утешенье.

Красивой он Ирину не считал
И не отдал бы за неё полцарства,
Но взгляд её от счастья так блистал,
И это было лучшее лекарство.

Никто с ней не решался флиртовать —
Она считалась строгой, неприступной,

И он был рад себя осознавать
Охотником с добычей очень крупной.

Усталые от танцев и вина,
Они обратно ехали в трамвае.
Ирина им оставлена одна —
Заметив взгляд, он сел поближе к Рае.

Не потому, что был к ней интерес,
Она была Ирины симпатичней,
И чтоб во флирте закрепить прогресс,
Насытиться хотел победой лишней.

И тут Олег на ухо прошептал,
Что просит подойти его Ирина.
И только лишь Виталий с места встал,
К Раисе тот подсел... Вполне невинно.

Тогда себя Виталий обязал
Ирину проводить до дома лично,
Чтоб выглядело внешне всё прилично.
На следующий день Олег сказал:

«Ирина мне призналась по секрету,
Что не на шутку ты её увлёл.

Смотри, не упускай возможность эту!»
Но он от этой мысли был далёк.

Потом узнал Виталий от Кирилла,
Что, хоть у Раи маленькая дочь,
Олег на ней жениться был не прочь,
И та ему вполне благоволила.

Виталий быстро этих дам забыл.
На следующий день, поддавшись сплину,
Он в памяти успех свой ворошил,
С Ириной мрачно сравнивал Алину:

«Ирина чувству сразу отдалась —
Как женщина, покорно, без остатка,
Мою признала над собою власть,
И стать покорной было ей так сладко...

Ну как такую не зауважать?..
Но почему с Алиной всё так сложно?
Хоть нравлюсь ей, предельно осторожна,
Эмоции старается сдержать.

Сегодня так, а завтра по-другому:
«Не знаю я, чего хочу сама...»

Привычка к поведению такому
Является ли признаком ума?

Меж нами есть невидимая связь:
Счастливой стань – и я счастливым буду.
Но нет... И я прошу в который раз:
Забудь меня – и я тебя забуду.

Ты локон свой густой не тереби
И не смотри печальными глазами,
Коль хочется любить – так полюби,
Сними запрет – и чувства хлынут сами.

Творится что-то странное меж нами:
Не любит, но боится потерять,
Ревнует, но не может доверять,
Удобно ей, чтоб были мы друзьями.

И вертится на языке ответ...
Есть качества, что украшают личность,
Но есть и те, что причиняют вред.
Одно из них – чрезмерная практичность.

Её привычка к дорогим вещам
И страстная мечта иметь квартиру
Алину приведут к иным мужьям,

А я с сумой вот-вот пойду по миру.

Со мной хотела время скоротать,
Но слишком рьяно взялся я за дело,
И диалог наш стал перерастать
Совсем не в то, чего б она хотела.

Передо мною ей не устоять,
Она боится в том себе признаться
И стала, чтоб лицо не потерять,
Капризничать, меж братьями метаться.

В том странном чувстве, что её питает,
Не хватит места только одному —
Простой любви, что нежно вырастает,
Не причиняя боли никому...

А что же я? Когда она грустна,
Я радуюсь, хоть это неприлично,
И в сердце возвращается весна:
Страдает – значит, любит! Всё логично.

Но если вдруг весёлая она,
Моё веселье сразу пропадает.
О, как её весёлость мне вредна:

Видать, не любит, если не страдает!

Вот я каков... Но чувство здесь причём?
Ведь я над чувством просто издеваюсь,
Когда одним логическим путём
Свою любовь определить пытаюсь.

К Алине силой воли охладел —
Победу одержал... в каком-то смысле...
Казалось мне – я чувствами владел,
А оказалось – то всего лишь мысли!

Да, чувства – незнакомая среда...
Я б мыслями своими мог гордиться...
Легко в расчётах можно ошибиться,
Но чувства не обманешь никогда!

Позволил бы себе, когда б любил,
Чтобы моя любимая грустила?
И разве я тогда бы допустил,
Чтобы с другими под руку ходила?

Возможно ль, чтоб влюблённый не желал,
Чтобы его любимая смеялась?
Возможно ль, чтобы сам он не страдал,
Когда б она заплакать собиралась?

Наверное, когда бы я любил,
То в чувствах был гораздо откровенней,
Меня бы даже не остановил
Удачливый соперник... Вроде Сени.

А я смотрю на них со стороны,
До сессии в уме считаю числа,
Своей совсем не чувствую вины.
Откуда здесь любовь? Одни лишь мысли...

Которые меня лишают сна
И вызывают частые кошмары,
В которых возникают – то она,
То институт, зачёты, семинары...

Кто мне подскажет, как это – любить?
Мне не знакомо прежде это чувство.
Умею обсмеять и оскорбить...
Видать, любить – высокое искусство,

Которое не всем дано постичь...
Да и зачем? Со временем проходят
Эмоции, что нам мешают жить,
И здравый смысл всё больше верховодит.

Он и сейчас подсказывает мне,
Что надо от обиды отказаться,
Вернуться к той невинной болтовне,
Друзьями коль решили мы остаться.

Девиз мой: «Поддаваясь – побеждать».
Я уступлю, но выиграю всё же:
Всё впереди, и надо подождать —
Диплом сейчас красавиц всех дороже».

Глава 17. Новый год с Алиной

*Всё кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду –
Не для меня сотворена любовь.*

А. Пушкин

Пока Виталий думал, где встречать
Грядущий год, и мучился в сомненьях,
Кого на этот праздник приглашать,
Тридцатого числа приехал Сеня.

Своим приездом очень удивив,
Он пригласил их вместе в общежитье,
«Субботы чёрной» призрак где был жив...
Виталия спасло его наитье,

И он решил довериться судьбе,
Хотя возможно было потрясенье:
Ведь должен разобраться он в себе,
Увидев, как танцует Аля с Сеней!

Но в этот раз среди комнаты был стол,
Который Слава с Сеней раздобыли,
И был он как негласный протокол,
Чтоб гости о страданиях забыли.

Присутствовали те же, что в тот день,
Который окрестил Виталий «чёрным»,
Поскольку солнце омрачила тень,
А счастье оказалось иллюзорным.

Накрыв совместно новогодний стол,
Они за старый год сначала пили.
Себя Виталий очень скромно вёл,
Алина и Семён напротив были.

Виталий портить праздник не хотел.
Да, он шутил... Но очень осторожно,
И ей в глаза внимательно смотрел,
Но на душе пока ещё тревожно:

А вдруг ей не понравятся слова,
Что для него казались просто шуткой
(Как, между прочим, и для большинства),
И праздник обернётся драмой жуткой?

Но всё спокойно: девушка была

Любезна с ним, в глаза ему смотрела,
А в шутках даже более смела,
Чем он, и до других ей нету дела.

Как стало на душе его легко!
Он для Алины был дриопитеком,
Но время унижений далеко,
Он стал теперь нормальным человеком!

Он вёл беседу с нею в унисон,
Он счастлив был... И тут вошла Лариса.
Закончился его счастливый сон,
И буря уж спешит на место бриза.

Ларисе Слава стул свой уступил,
И их обеих видеть мог Виталий.
Ларисы взгляд Виталия дразнил,
И в нём горел успех её недавний:

Ведь в прошлый раз он танцевал лишь с ней,
И это говорило ей о многом,
И хочется Ларисе знать ясней
Причину в перерыве – слишком долгом!

Она ему вопросы задаёт,
Виталий на вопросы отвечает...

И неожиданно осознаёт:
Ему сейчас чего-то не хватает.

Виталий на Алину посмотрел —
Но глаз её весёлых не увидел,
И понял, что, хоть он и не хотел,
Её сейчас – нечаянно! – обидел.

Прервался их весёлый разговор,
В глаза смотреть Алина избегает,
Нахмурилась, её застывший взор
Среди посуды что-то изучает.

Но краем глаза видит всё она,
Особенно – куда Виталий смотрит,
И знает, что Лариса влюблена,
Виталия с ответами торопит.

Не отвечать Ларисе он не смел,
Поэтому меж ними разрывался
И головой отчаянно вертел...
Но только он, похоже, зря старался.

Как только на Ларису он смотрел —
Бросала Аля взгляд, быстрее стрел,
Её усмешка мысли выдавала:

«В Ларису он влюблён... Я так и знала!»

Виталий понял: даже взглядов тыщи,
Что он был рад Алине подарить,
Прощение не смогут заслужить
За взгляд один – из жалости к Ларисе.

Пришлось лицо от Лары отвернуть
(Приличия при этом пострадали),
Доверие спеша к себе вернуть
Алины, пожирать её глазами.

И вот награда – ловит первый взгляд,
Который сообщает о надежде:
Он враг пока, но вовсе не заклят,
И он способен всё вернуть, как прежде.

Виталий этим взглядом окрылён:
Его к Ларисе девушка ревнует!
Отныне может быть спокоен он:
Семён Алину вовсе не волнует.

Виталий понял: «Если ты влюблён,
Ты не один, и за любовь в ответе,
И женщин пусть вокруг хоть миллион —
Глаза держать ты должен на диете!»

И в центре быть вниманья твоего
Должна лишь та, которую ты любишь,
И ты увидеть сможешь волшебство,
Коль на носу ту истину зарубишь».

Виталий наслаждался до утра
Общением и взглядами Алины.
А в шесть часов сказали все: «Пора!» —
В родные общежитья путь был длинный.

Сначала он отвёз домой подруг,
Надежду отпустив, остался с Алей:
Он разорвать хотел порочный круг,
Хоть та была и сонной, и усталой.

Уверенный в себе, заговорил
О том, что он к Ларисе безразличен:
Тот интерес, что он изобразил,
Алиной был... слегка преувеличен...

И вдруг Алина прервала его
С таким трудом свершённое признание —
Она не хочет слышать ничего,
В глазах усталых разочарованье,

В карманы руки спрятаны, в пальто,
И что произойдёт, уже не знаешь:
«Не то ты говоришь!.. Совсем не то,
Что я хочу услышать... Понимаешь?..» —

«Но что опять я не могу понять?..» —
Обида на неё в груди кольнула.
Алину попытался он обнять —
Она его сердито оттолкнула!

Виталий разозлился... Навсегда!
Ума понять Алину не хватало:
Он был красноречив, как никогда;
Оправдывался он... А ей всё мало!

Уже начался очень трудный год,
А он никак не мог определиться:
Красивый он мужчина иль урод?
И может ли умом своим гордиться?

Мужчине, верно, женщина дана,
Чтобы понять, кто он на самом деле,
Как в зеркале, чтоб суть была видна...
С Алиной он всё время на пределе!

Опять его пытаются учить,
Как будто он мальчишка из детсада.
Прекрасно знает он, как надо жить,
И этому учить его не надо!

«Всё, я сдаюсь!.. Так невозможно жить!..
Я представлял себе любовь иначе...
Мой ум не в состоянии решить
Алины сумасшедшие задачи!»

Он все свои резервы исчерпал
И испытал огромную усталость:
«Ну, что ж, прощай...» – чуть слышно прошептал,
И слов иных Алине не досталось.

Книга 2

Глава 18. Лекарство от красоты

*Не так ли ты поёшь для холодной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь – она цветёт; взываешь – нет ответа.
А. Пушкин. Соловей и роза*

И вот момент важнейший настает:
Уходит он сперва в учебный отпуск,
С трудом огромным сессию сдаёт,
И наступает срок писать свой опус,

Что гордо именуется Диплом...
И лишь тогда Виталий понимает:
В учёбе наступает перелом,
И он теперь душою отдыхает.

Ведь спозаранку нет нужды вставать,
Невыспавшимся целый день трудиться,
От суеты рабочей уставать

И в институте вечером учиться.

Виталий начинает отвыкать
Всё делать в суете, забыл про спешку,
И перестали перед ним мелькать
События и люди вперемешку.

Он на работе перестал бывать
И в теннис с сослуживцами играть,
Поэтому не виделся с Алиной.
А для разлуки срок в полгода – длинный.

Не нужно на вопрос давать ответ,
Скрывая ссору, деланно бодриться,
А коль ни перед кем отчёта нет,
То нет нужды с Алиною мириться.

Он был Алиной сильно уязвлён,
Болезненно обида ощущалась...
И был одновременно удивлён,
Что меланхолия не возвращалась.

Устал он жить в неряшливой среде,
Где люди куролесили в подпитьи,
Решил вступить Виталий в ДНД,
Чтоб навести порядок в общежитьи.

Не потому он жертвовал собой,
Что пьянка приносила вред здоровью, —
Она перерастала в мордобой,
И на полу блестели лужи крови.

Там были записные «короли»,
Они искали жертвы среди слабых...
Но вот пошли по зданию патрули —
И стало уменьшаться зло в масштабах.

Никто не запрещал народу пить,
И «короли» порою объявлялись,
Но им вольготно не давали жить,
И драки неуклонно сокращались.

Чему дивиться? Ведь, как мир, старо
Явленье это: даже дети знают,
Что с кулаками может быть добро,
Что в чистоте микробы умирают.

Проходят дни безрадостно, уныло,
Похожие, как братья-близнецы.
И даже время, кажется, застыло...
Не так ли появлялись мудрецы?

Алины нет, и больше нет помехи
Учёбой заниматься целый день...
Но вот беда: ему не то что лень...
Но воли нет, чтоб закрепить успехи.

Алина не идёт из головы...
Берёт учебник он, ведомый долгом, —
Осилить не способен и главы,
Вдруг застывает в размышленьи долгом.

Друзья, уже привыкшие к тому,
Что он у дам всегда имеет милость,
Всё пристают с вопросами к нему:
«Виталий, что с тобою приключилось?»»

И в самом деле, нужно ли скучать?
Ведь можно так и бобылём остаться.
И вскорости решает он начать
С девицами – хоть изредка! – встречаться,

Чтобы в душе заполнить пустоту
И на Алину заглушить обиду.
К диплому он прикован, как к кресту,
И волочился больше так, для виду.

В любви так много значит красота —
Блестит среди грошей империалом...
Когда-нибудь исполнится мечта,
И встретишь ту, что мнится идеалом.

Виталию безумно повезло —
Он с девушкой знакомится красивой:
На флирт его ответила тепло
И оказалась вовсе не спесивой.

Звать Катя. И фигуры, и лица
Всех женщин затмевала красотой,
Достойною прислуги и дворца,
И скромной вместе с тем была, простою.

Теперь Виталий знал: мечта сбылась,
Он девушку нашёл – предел мечтаний,
Она им тоже сразу увлеклась,
Прошла пора сомнений и шатаний.

Ничто не может Кате помешать
Быть девушкой Виталия по праву.
Он сможет отношения улучшать,
Благодаря её красе и нраву.

Но красота имеет свой секрет...
Его постигло странное несчастье:
На девушек не может он смотреть —
Их прелести поблекли в одночасье,

Хотя недавно многих он ценил
И в девушке невзрачной находил
Возможность привлекательной казаться,
И с нею был готов во флирт ввязаться!

Он выдержал всего лишь пару дней —
Что б он ни делал, было всё некстати,
И вот уже Виталий мчится к ней —
Так хочется ему увидеть Катю

И снова насладиться красотой
И прелестью... А то ведь как бывает:
«Не раз видал, с какою быстротой,
Красы очарованье исчезает.

И если это с ней произойдёт,
То для меня нет ничего святого!
И буду я уверен наперед,
Что стать придётся Донжуаном снова!»

Виталий Катю без труда узнал,

Она была по-прежнему прекрасна;
Как в первый раз, её он привлекал;
И волновался он два дня напрасно,

Заранее о горестях скорбя.

Лицом он просит Катю повернуться:
«Хочу я насмотреться на тебя!» —
Он будто бы во сне, и не проснуться.

Та повернулась плавно, не спеша,
В глаза ему спокойно посмотрела...
Какая у красавицы душа?..
Достойна ли она лица и тела?..

Минуты не прошло – уж он не рад:
И кто кого тут зорко изучает?..
В смущении отвёл Виталий взгляд —
Он усики на губках замечает...

И на ногах волосиков не счесть...
И стала Катя вдруг обыкновенной!
Виталия убила эта весть,
Что идеал разрушила мгновенно:

«Все женщины вдали гораздо краше,
Помощник их – воображенье наше,

Что украшает недозревший плод
И нас порой на подвиги зовёт.

Любое незнакомое лицо
Загадкою мужчину привлекает,
Но пророни она хотя б словцо —
И сразу ум в свои права вступает.

Всё портит мой пытливый ум-злодей...
Но я могу своим умом гордиться,
И даже с самым умным из людей
Могу, когда я прав, не согласиться!»

Решил оставить он всё так, как есть,
Хоть Катя и лишилась пьедестала:
С красавицей дружить – большая честь,
Она встречаться с ним не возражала.

В один из выходных ближайших дней
Он в общежитье Катю приглашает,
Знакомит с нею всех своих друзей...
И вдруг Виталий странность замечает.

Сначала удивил его Халдей
Капризным поведением беспримерным,

Хотя пришёл он с девушкой своей
И мог бы быть своей подруге верным.

Всегда общаться было тяжело
С Халдеем, но теперь он расшалился
И делал всё Виталию назло.
Виталий на Халдея разозлился.

Сергей, его сосед по этажу,
Пришёл с вопросом вскоре, был растерян:
Где повстречал он эту госпожу?
И долго ли встречаться с ней намерен?

Виталия допрос тот удивил:
Ведь у Сергея девушка Наташа!
И хоть Сергей простецким парнем был,
Не опускался он до эпатажа.

«Как изменились вдруг мои друзья!
Они меня как будто не узнали...
По-новому взглянули на меня
И более серьёзным посчитали?»

Как разобраться нам в своих друзьях?
Ты с девушкой красивой познакомься —
Узнаешь всё быстрее, чем в новостях...

На всякий случай к худшему готовься».

И к Кате интерес его утих,
Исчезло вдруг её очарованье,
И вот уже на девушек других
Он обращает вновь своё вниманье.

Не привлекало больше ничего
В той девушке, что показалась милой,
Теперь уже он злился оттого,
Что заставлял себя любить он силой,

И осуждал разборчивость свою.
Его пугало разочарованье:
Ведь без любви нельзя создать семью,
И в результате – вечное скитанье.

Он пробовал её «расшевелить»...
Но Катя, как и Нина, молчалива,
И даже не пытается шутить...
И толку никакого, что красива.

Она могла ответить «нет» иль «да»,
Добавив пару-тройку междометий,
Не выражала чувства никогда...
Как будто был меж ними кто-то третий.

Шутить умел он тонко и умно —
Она при нём ни разу не смеялась,
И очень, очень редко улыбалась.
Ему казалось – Кате всё равно:

«Мои природой данные таланты
Она не в состоянии оценить,
На подвиги меня воспламенить,
Которым позавидуют Атланты.

Играть в молчанку – небольшая честь,
Уж лучше бы болтала... Как Алина...
И в болтовне, выходит, прелесть есть,
Коль эта болтовня мила, невинна.

Казалось мне всегда, что красота —
Важнейшее из качеств человеческих...
Мной явно перепутаны места —
Есть нечто поважней в делах сердечных!

Красавиц лица – как картины в ряд:
Ты долго на одну смотреть не будешь —
Другая вскоре привлечёт твой взгляд,
И прежнюю картину позабудешь.

Ты подойдёшь – материя холста
Вдруг плоскостью своей обескуражит.
Так что тебе важнее: холст? иль та,
Что дерзкий ум мужчины будоражит?

В лице красивом нету одного:
Нет живости, черты его – как маска,
Его настрой зависит от того,
Как утром на него ложится краска.

Влиянье красоты так велико,
Что безграничностью пугает жуткой:
Красотке одинаково легко
И королевой стать, и проституткой.

Красивый человек – как инвалид,
Он требует достойного вниманья.
Красивым быть мне совесть не велит,
Поскольку мне дороже ум и знанья.

Она красива... Но не для меня —
С картиной мне общаться несподручно...» —
Он не успел понять, умна ль она,
Ему внезапно стало просто скучно.

Её он сделать женщиной хотел...

Да, в голову такое приходило...
Но перед красотой он оробел,
Да и нечестным быть противно было.

Не сожалел он... Но, расставшись с ней,
Смотрел на женщин безразличным взглядом...
Пока в один из беспросветных дней
Та девушка не оказалась рядом.

Глава 19. Свежее дыхание юности

*Счастья нет. Но горевать не буду –
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.
С. Есенин*

«Ах, Света, Света! Чудные дела
Вдруг оживляют мир унылый, блеклый.
Как молода ты, Света, как мила!
Ты воскресил меня, мой ангел светлый.

Когда Сергей в субботу пригласил
С девицами меня повеселиться,
Я был тогда лишён моральных сил,
Не ожидал, что может так случиться.

Мир изменила Кати красота:
Все девушки дурнушками казались,
Недостижима им та высота,
Я вряд ли на кого теперь позарюсь.

И я ни с кем встречаться не хотел,

Коль у меня нет шансов насладиться;
К тому же накопилась масса дел,
И за диплом пора уже садиться —

Поэтому Сергею отказал...
Но тот всё приставал ко мне с услугой,
Для верности таинственно сказал:
«Наташа к нам придёт с другой подругой...»

А мне какое дело до подруг?
Я и Наташу не считал красивой...
А девушек и так полно вокруг,
Но к ним я отношусь теперь брезгливо...

И всё же он меня уговорил.
Наташину подругу звали Света,
И сразу я вниманье обратил,
Что очень скромно девушка одета.

И больше ничего. Её лицо
Мне было, хоть убей, неинтересно.
Хоть пили мы какое-то вино,
Всё было очень скучно, вяло, пресно...

Со временем я начал замечать
Тот интерес, что Света проявляла

Ко мне: не позволяла мне молчать,
Вина мне постоянно подливала.

Мне интерес её, признаться, льстил.
Потом она немного осмелела:
«Давай... на брудершафт... чтоб не грустил...» —
И мне в глаза внимательно смотрела.

Ну, как такое – да не замечать?
От этих слов я будто бы очнулся
И начал незаметно изучать
Явление, с которым вдруг столкнулся.

Её лица приятные черты
Ласкали взгляд, да стан миниатюрный,
И я спросил себя: «Неужто ты
Отдашь другим такой подарок чудный?»

И вдруг мелькнула мысль, что, как всегда,
Придётся мне расстаться и со Светой,
Продлится расставаний череда,
Что сросся я уже с привычкой этой...

Но я решился. Грусть моя прошла,
Я девушкой увлёкся постепенно
И удивлялся, как она мила.

Я стал таким, как был обыкновенно.

Сначала были общие слова...

О, как слова мне эти надоели!

Но постепенно сила естества

Возобладала в этом хрупком теле —

Я откровенья Светы услышал.

Едва она закончила учиться,

Родители ей прочат жениха,

И Света в Ленинград, к подруге, мчится,

К Наташе – та с работой помогла.

Но мамы ей, конечно, не хватает,

Ей жаль, что из-под мамина крыла

Так рано улетела, и скучает.

И я от этой речи оживал:

Казалось, после Кати молчаливой,

В её словах... как ручеёк журчал,

Что наделял меня могучей силой.

Её лицо – не холст и не портрет,

В её глаза смотрел я без стеснения,

И мог бы бесконечно так смотреть...

Понравилась мне Света, без сомненья!

Весь день мы были вместе. Вот и ночь,
И расставаться с ней мне не хотелось.
Остаться предложил – она не прочь.
И вновь я поражён: какая смелость!

Приятно было мне её обнять,
Прижать к груди, теперь уже в постели,
И взглядом её прелесть изучать,
Теперь уже при обнажённом теле.

Но снова промелькнула мысль о том,
Что с нею расставаться мне придётся...
Я отмахнулся: это всё потом!
Сейчас удача в руки мне даётся.

Была покорна и нежна девчонка...
Но в миг последний за руку взяла
И прошептала: «Пожалей ребёнка!..
Ведь мне семнадцать лет...» Ну и дела!

Я возбуждён, препятствий больше нет,
И мне уже её подвластно тело...
Лишь только возраст: ей семнадцать лет...
Циничным быть мне очень не хотелось

И жизнь приятной девушке ломать —
Меня потом она же и осудит.
Не хочется расстраивать и мать,
Которую девчушка эта любит.

К тому же я не очень был готов
Страдать за совращенье малолетних,
И после этих откровенных слов
Себя сдержал от новых ласк запретных.

И с этой мне придётся лишь дружить...
Мне кажется, я был всегда уверен:
Иначе просто не могло и быть...
Я удивлён, но вовсе не потерян...»

«Мне хочется со Светой быть всегда —
По нраву мне покладистый характер,
Мы ладим без особого труда,
Ведь он в любви немаловажный фактор.

Хочу любить – и больше ничего.
Не так, как угораздило с Алиной,
А просто ощущая душ родство,
И хворью не страдать неисцелимой.

Не мучить ни её и ни себя:
Ей повод не давать судить сурово,
Ни самому, от ревности кипя,
Карать за то, что предпочла другого.

Мне нравится она, я нравлюсь ей —
Она сама об этом мне сказала,
Когда звонил я девочке моей,
Что к телефону со всех ног бежала.

Я у неё недавно был в гостях,
Она опять в симпатии призналась:
Сказала, что не может дрожь в кистях
Никак унять – так сильно волновалась.

Желанье с ней встречаться не унять,
Как много дней до встречи с ней осталось!
И хочется стихи мне сочинять...
Но только не диплом... Какая жалость!

И всё-таки я странный человек...
Я мучаюсь, тоскую – и желаю,
Чтоб сердце успокоило свой бег,
Когда после разлук её встречаю.

Но стоит успокоиться, как мне

Вдруг кажется, что нет любви в помине,
И хочется любить её вдвойне
И у мучений сладких быть в пучине...»

«Но что это? Вдруг говорит она,
Что без ума от доктора зубного:
О, как рука у доктора нежна!.. —
Я сразу превратился в запасного...

Потом ещё какие-то друзья,
Со слов её, внезапно появились,
Вокруг неё создалась толчея,
Все, как один, они в неё влюбились.

Но я решил, что это не всерьёз,
Порой себе так набивают цену...
Но тут произошёл один курьёз —
Устроила мне малолетка сцену.

Я с ней хотел побыть наедине —
Она везёт меня встречать Наташу
После работы... Очень странна мне
Её любовь к такому променажу.

Наташа к нам выходит, но она

Сказав, что больше нам нельзя встречаться,
Вдруг убегает, гневом вся полна,
Да так, что мне за нею не угнаться,

Оставив нас с Наташею вдвоём...
И вдруг я вспомнил, как «спихнул» Алину
Семёну, в поведении своём
Уверен был, считал его невинным.

Теперь же избавлялись от меня,
И я уже увидел всё иначе:
Скрывается в любые времена
Великий грех в подобной передаче.

Не ожидал от девочки своей!..
Но от меня зачем ей избавляться?
А если это ревность, то и ей
Учиться надо с ревностью справляться.

Быть может, это даже хорошо,
Что Светы вдруг характер проявился...
Но не даёт покоя мой грешок —
Как будто призрак Али объявился...

Простил я Свете ревности каприз,
И через день я снова к ней приехал...

И снова ожидал меня сюрприз —
Для встречи в выходные есть помеха.

Какая?.. Объяснений не даёт,
В её глазах уныние... и скука...
Я почему-то знаю наперёд,
Что непременно ждёт меня разлука.

Я мог бы побороться за любовь...
Но кто же за меня диплом напишет?
Придётся за учёбу браться вновь,
И мне уж всё равно, что Светой движет!

Осталось лишь формальность соблюсти,
Для этого поехал к ней в субботу,
Чтоб дать возможность ей произнести
Слова, что станут поводом к разводу:

«Я думала, – она произнесла, —
И долго, я должна тебе признаться...
Так долго, что вконец я поняла,
Что больше нету смысла нам встречаться...»

Я мог бы побороться за любовь...
Я мог бы попытаться образумить...
Я выслушал её, и даже бровь

Не дрогнула моя: пусть бог рассудит!

В ответ я ей ни слова не сказал...

Через минуту молча встал и вышел...

Нет, я себя виною не терзал:

Я всё-таки безмозглых куриц выше!»

«Ну, вот и Света бросила меня...

Как быстротечны все мои романы!

Кидаюсь я в полымя из огня,

И на душе уже сплошные раны.

Я не могу никак пройти урок:

Меня чуть ли не каждая бросает,

Довлеет надо мной какой-то рок,

И красота нисколько не спасает.

Прошла неделя... Только для меня

Неделя оказалась слишком длинной...

Воображенье дразнит, к ней маня...

Но мне идти не хочется с повинной.

Пусть время всё расставит на места,

Ведь расставанье – лучшая проверка,

Что распахнулось для любви – врата

Или всего лишь маленькая дверка.

Но что поделать – слишком молода
Девчужка эта, слишком непорочна...
Быть может, здесь она не навсегда...
Не к спеху ей влюбляться так уж срочно.

Недавно, как в волшебных зеркалах,
Увидел маму с дочкой средь прохожих,
На Свету эта девушка была
И обликом, и возрастом похожа.

Она прижалась к мамину плечу,
Как будто никого нет в этом мире,
Глядит в глаза, как пациент врачу,
Души не чаёт в ласковом кумире.

Всё как у Светы – мамой решено,
Кто будет для её дочурки мужем,
И замуж она выйдет всё равно,
Силок забот затянется всё ту же.

Но хочется на мир ей посмотреть —
Когда ещё представится возможность?
Муж птичку может в клетке запереть —
Знакома ей семейной жизни сложность.

Она гуляет... Юность – как броня,
И может это долго продолжаться...
Когда же Света встретила меня,
То поняла, что ей не удержаться,

Что год свободной не прожить никак,
И всё сильнее в её душе смятение...
Она решилась на серьёзный шаг,
Пока в любовь не выросло влечение.

Кто чувством научился дорожить,
Любовь не заменяет дисциплиной...
Любовь нельзя на время отложить...
А я не так ли поступил с Алиной?...»

Виталий не жалел, что он ушёл,
И не был угнетён любовью странной,
Как не дано почувствовать укол
Тому, кто поражён смертельной раной.

Не всколыхнул души его глубин
Простой характер, мягкая натура...
Штиль вызывает скуку у мужчин,
Мужчину возбуждает только буря.

И с каждой новой женщиной уходит
Агрессии мужской густая кровь,
И путь к его душе уже находит
Немыслимая прежде в ней любовь.

Забыл про книгу, новых встреч зарок.
В его душе – лишь облачко эмоций,
Которое сдул лёгкий ветерок
От мыслей тех, что породил Конфуций.

Глава 20. Замужняя женщина

Попова. Постойте...

Смирнов (останавливается). Ну?

Попова. Ничего, уходите... Впрочем, постойте...

Нет, уходите, уходите! Я вас ненавижу! Или нет...

*Не уходите! Ах, если бы вы знали, как я зла,
как я зла!*

А. Чехов. Медведь

Виталия диплом не вдохновлял,
Он был заброшен им недопустимо,
А сам же он с тоскою наблюдал
За парами, что проходили мимо.

Похоже, не получит он диплом...
Тогда придётся снова стать рабочим...
И он смиренно размышлял о том,
Что там зарплата больше, между прочим:

«Тогда я позабуду о нужде —
Известно: любят женщины богатых,
Они счастливой молятся звезде,
Живя в любви и счастья суррогатах.

Фарцовщики, бармены, продавцы
Считаются хозяевами жизни,
Для женщин эти парни – как живцы,
Они живут уже при коммунизме.

И мне влюбляться будет ни к чему,
Хоть каждый день веди к себе другую...
Я буду безразличен ко всему...
А нужно ли иметь судьбу такую?

Всё каждый день сначала начинать —
И в тот же день заканчивать, бросая,
И отношения не развивать...
Уж слишком примитивна жизнь такая.

А может быть, жениться поскорей,
Чтобы закончить все мои мученья?
Ведь в институте много дочерей
Отцов богатых – без ограничения.

Нет, это трусость! До конца терпи,
Пока любовь тобой не овладела!
Но я ещё не чувствовал любви.
Жениться по любви – благое дело!»

С трудом огромным взялся за диплом...
Но плоть терзает мыслью неотступной...
Что делать в состоянии таком?
Решил связаться с женщиной доступной.

Одну такую женщину он знал,
Что замужем была... Но намекала,
Как только муж куда-то уезжал,
Что скучно ей, и в гости приглашала.

Казалось бы, всё ясно наперёд...
И Макс склонял принять то приглашенье...
Но кто ж их, этих женщин, разберёт,
Когда у них какое настроенье!

Она его с улыбкой приняла,
И радость на лице её светилась.
Чай заварила, в чашки налила,
При этом Зоя очень суетилась.

Он был словоохотлив и смешил,
В беседе время быстро пролетело.
Виталий окончательно решил,
Что взяться бы неплохо и за дело,

И, глядя ей в глаза, он намекнул,
Что он не прочь и на ночь здесь остаться.
В глазах у Зои ужас промелькнул,
И перестала женщина смеяться.

Она вскочила и открыла дверь,
Сказала: «Уходи!» – глаза горели,
И стали недоступными теперь.
А ведь недавно так любви хотели!

Виталий встал, направился к двери,
Но, мимо проходя, остановился,
Прощаясь, чмокнул – что ни говори,
Он от души сейчас повеселился.

Она схватила за руки его,
В глаза его с мольбою посмотрела,
От гнева не осталось ничего —
Лишь только зов её души и тела.

И снова повторила: «Уходи!» —
А руки держат, держат очень цепко,
И блузка расстегнулась на груди...
Но так ли уж явление это редко,

Когда рознятся слово и дела?

С трудом разнял её Виталий руку,
Хоть знал: она в смятении была...
Но ей он благодарен за науку.

Виталий облегченье испытал,
Хотя ушёл, не солоно хлебавши:
Брезгливость верх взяла – он не желал
Идти на поводу у женщин падших:

«Остаться с нею – воля не моя,
Мной управляют те, кому я нравлюсь,
А мне нужна привязанность своя...
И, видит бог, когда-нибудь исправлюсь.

Любить я должен ту, что захочу,
Чураться той, что кажется доступной.
Мне, кажется, гордиться по плечу
Победой над вершиной неприступной,

Где воздух чище, дышится вольней...
Такой вершиной стать могла Алина,
Но гордость оказалась нас сильнее...
А может быть, она причина сплина?

Я слишком доверял её словам —
Обманчивым защитным покровам...

А доверять бы надо было взглядам!
Тогда б она была со мною рядом.

Слова?.. Пустяк! Ведь каждый на свой лад
Трактует то, что слово означает.
Красноречивей слов бывает взгляд,
Один лишь взгляд, который уличает.

Как женщины неженское мышление
Достаточно нелепо и смешно,
Мужчины немужское поведенье
Настолько же опасно и грешно.

Всё тщетно! Как душою ни криви,
Когда-нибудь ей станет всё понятно,
Когда слова ты мямлишь о любви,
Но говорят поступки об обратном.

Я делал вид, что ею увлечён,
Но прелестей её мне было мало:
На самом деле был я огорчён,
Что женщиной моей она не стала.

Да, красота достойна восхищенья...
Но стоит ей не дать мне наслажденья —
И я, подозревая в ней обман,

Разыскиваю с радостью изъясн!

И красота уже не так важна
(Хотя она – источник всех желаний)
Мне близость этой женщины нужна —
Вершина всех мужских завоеваний!

Зов плоти нас дурманит, словно хмель,
Ты тянешься к звезде, в ночи манящей,
И узнаёшь, что призрачная цель
Уводит нас от цели настоящей.

Глава 21. День рождения Аллы

У самого порога он вдруг остро ощутил, какая она соблазнительная. «Вот это да! – подумал Коршунов. – Хоть оставайся... А то ведь кому сказать...» Но с эмоциями у него был явный разлад.

Г. Щербакова. Подробности мелких чувств

Виталий снова стал в диплом вникать
И в институте чаще появляться,
Студенток лица начали мелькать,
И незаметно с Аллой стал сближаться.

Привыкли мы свои дела бросать,
И здесь не лишним будет вдохновитель.
Чтобы студент диплом смог написать,
Ему положен был руководитель.

У Аллы это женщина была,
Но заболела вдруг она внезапно,
И эта незадача привела
К замене, и притом весьма приятной:

Руководитель (кто о том мечтал?)
У Аллы и Виталия единый,
И их контакт теперь приобретал
Оттенок, скажем... более интимный.

Всего лишь пару месяцев назад
Виталию она понять давала,
Что он чужой (хотя ловила взгляд!),
И тесного сближенья избегала.

Теперь вдруг оказалось, что она
Весьма в его нуждается подмоге,
Как воздух стала вдруг она нужна
Ещё совсем недавней недотроге.

А что Виталий? Он не возражал:
Как не помочь коллеге по несчастью?
Он всячески поддержку выразал
И рад был столь приятному участию.

Она его просила позвонить,
Когда к нему вопросы возникали,
И крепла их связующая нить,
Они друг к другу быстро привыкали.

Не стал он опускаться до конфет,

Уж лучше напустить слегка туману:
Стал угощать мороженым в кафе,
Хоть это очень било по карману.

Виталий удивлялся и гадал:
Какая сила Аллу изменила?
Но главное чуть позже он узнал —
Она на день рожденья пригласила.

«Какой чудесный мне приснился сон:
Средь комнаты навтыяжку стояли
Три женщины, из этих трёх персон
Одна была знакома – это Аля.

Обрадовавшись, к ней я поспешил.
Алина тоже мне заулыбалась,
Как будто я пред ней не согрешил,
И телом всем она ко мне прижалась.

Алину я на руки подхватил,
Вдруг вижу стол, старинный и громадный,
И очень осторожно посадил,
Сам рядом стал и обнял стан желанный.

Внимательно в лицо ей посмотрел,

Вливалось в грудь тепло от благодати...
И в этот миг я будто бы прозрел:
Она прекрасна – красивее Кати!

Я с нежностью её поцеловал
В дразнящие своим желаньем губы,
Сейчас я совершенно точно знал:
Не оттолкнёт меня, как прежде, грубо.

Она взглянула мне через плечо,
Сказала: «Вон на нас мужчина смотрит...»
Своим я поцелую горячо
Прервал её слова – любовь не портит.

Я знал, что в зале множество людей,
И все на нас глазают, не стесняясь,
Но я теперь уж не прелюбодей,
Живу я, от любви воспламеняясь.

Она была особенно мила.
Я ей сказал: «Ты чудная девчонка!»
Она меня нежнее обняла
И засмеялась – весело и звонко.

Всё поняла, на слове не лоя,
Сама меня поцеловала страстно:

Ведь я сказал, душою не кривя,
И это было внове и прекрасно.

Как девушку приятно обнимать,
Что сердцу моему во всём по нраву!
Не надо изворачиваться, врать —
Тем подсыпать душе своей отраву.

Любовь в умах способна заронить
Сравненье с механизмом очень сложным...
Но может лишь любовь соединить
Всё то, что так желаемо, с возможным.

Тут сон растаял: Али больше нет,
И стол, и люди тоже испарились,
Но разные вопросы появились,
И я хотел бы знать на них ответ:

«Признайся, раньше ты была скромнее —
Ни разу не тревожила мне сна.
Но почему? Тогда я был умнее?
А может быть, виной всему весна?»

Как жаль, что ты меня уже не любишь,
И о другом уже твоя печаль,
Моею никогда уже не будешь...

И вдруг во сне твой голос зазвучал...

Царит разброд в моей душе пропащей,
Я счастья не обрёл от красоты,
И ночью всё настойчивей, всё чаще
Мне почему-то снишься только ты...»

И тут я окончательно проснулся
И ощутил, что я осиротел,
Как будто ангел светлый улетел,
И я на землю грешную вернулся».

Виталий ничего не мог понять...
Воспрянув от ночного наважденья,
Едва сумев волнение унять,
Поехал к Алле он на день рожденья.

Он ожидал увидеть там гостей
И взял с собой шампанского бутылку...
Но никого... И он в квартире с ней
Наедине... Он еле скрыл ухмылку,

Без лишних слов шампанское открыл.
Шампанское – напиток для влюблённых,
Что помогает нам взлететь без крыл

И открывает взгляды глаз голодных.

Поздравив с днём рождения её,
Он выпил с ней на брудершафт и в губы,
Как требовало это питие,
Поцеловал – по-дружески сугубо.

Они не целовались до сих пор,
Шампанское их сблизило неволью,
И Алла завела вдруг разговор
О женихе, которым недовольна.

Известно ей теперь, что он подлец,
Обходится он с нею очень плохо,
И что она решила, наконец,
Расстаться с ним – и не сдержала вздоха.

Виталий обратился весь во слух,
Неволью оговорки отмечая:
«Однажды он проснулся...» – Алла вдруг,
Поняв свою оплошность, замолчала.

Виталий уличил её не раз,
Когда она вдруг речи обрывала,
И понял из обрывков этих фраз,
Что близость с женихом она скрывала:

«Мужчины все сначала хороши,
Когда себя мы в строгости содержим.
Галантны, хоть картины с них пиши,
Прекрасны и душою, и одеждой.

Потом... когда добьются своего,
Нам бесполезно ждать от них отдачи, —
И Алла посмотрела на него:
– Они уже относятся иначе».

И Алла потянулась вся к нему:
«Не будь хоть ты таким, как эти парни,
Сводящие всё только к одному
И судящие нас высокопарно!» —

И волосы погладила его.
Потом взяла Виталия за руку
И не сказала больше ничего,
В её глазах Виталий видел муку.

Он встал и сзади к стулу подошёл...
Её обнял... Она поцеловала,
Волос его пошевелила шёлк...
Он тронул грудь... Она не возражала...

Он краем глаза увидал постель,
И понял вдруг, что ждёт его награда...
Но слишком мелкой показалась цель,
Ему уже другое что-то надо...

Он вспомнил вдруг чужое хвастовство —
Стул, на котором женщина решилась
Отдаться другу пьяному того,
В которого она почти влюбилась.

«Соблазн велик, коль женщина нежна...
Но стал я целью, ей необходимой...
Мне женщина любая не нужна,
Я жить мечтаю с женщиной любимой».

Виталий попрощался и ушёл,
Сказав, что очень надо заниматься.
Других он объяснений не нашёл
Для той, что собралась ему отдаться.

Он вспомнил всё на следующий день
И пожалел о том, что так всё вышло:
«От женщины сбежал... Я просто пень!..
Моя принципиальность никудышна,

И для тоски серьёзный повод есть:
Я – человек, что в облаках витает,
Упущенных возможностей не счесть -
Ведь мне всегда чего-то не хватает!

О, так открыто предлагать себя
Ещё никто из женщин не пытался!
Зачем же обижать, с плеча рубя?..
Но я, признаться честно,.. испугался».

Сдержав порыв немедля к ней бежать,
Виталий горевал примерно сутки...
Но надо бы учёбу продолжать...
Он вынужден был вспомнить о рассудке,

Который выручал его не раз:
«Мне кажется, что я судьбу разрушил...
А всё ли так безоблачно у нас?
Ведь я вчера невольно обнаружил,

Но понял это только лишь теперь:
Как женщина она мне не постыла...
Но неприятно, что её постель
От прежнего мужчины не остыла.

Я не боюсь, что Аллу прогневил:

Ведь в том, на что она мне намекала,
Расчёта всё же больше, чем любви,
Любовью наша связь пока не стала.

Она меня просила позвонить,
Когда я уходил... К себе на дачу
Давно меня мечтает пригласить...
Так о какой потере я всё плачу?

Не век же буду одиноким я,
Хочу обжиться прочно в Ленинграде,
А у неё приличная семья...
И дача есть... Родня живёт в Канаде...

Мне крупно повезло: на мой крючок
Попалась эта рыбка золотая,
И замаячил выгодный брачок:
Свободна Алла, обо мне мечтаю,

Ей нужно лишь желание моё —
И я заполучу квартиру, дачу
(Забыв «общагу», где хулиганье),
И женщину красивую в придачу!..

Но всё решит, конечно же, любовь...
Она одна хозяйка в этом мире.

Нет, я пока жениться не готов
На первой подвернувшейся квартире!»»

Как обещал, Виталий позвонил...
Но ведь они с дипломами сражались —
Он Аллу никуда не пригласил.
Их встречи в институте продолжались.

А дачу он оставил на потом,
Поближе к тем условиям погодным,
Когда получит, наконец, диплом
И станет в полном смысле он свободным!

Глава 22. Отчаяние Алины

*Страшно быть несобранной,
Запутанной в траве,
Ягодой несорванной
На глухой тропе.
Р. Казакова. Осень*

Когда Виталий к Але охладел —
Как только попросил её прощенья! —
И маску безразличия надел,
Ухаживать за нею стал вдруг Сеня!

Алина очень быстро поняла,
Зачем пришёл Виталий извиняться:
Не потому, что совесть верх взяла, —
Чтоб без проблем на теннисе встречаться!

И новые духи не оценил...
И хоть Виталий попросил прощенья,
Но сам Алину, видно, не простил...
Такая наглость требовала мщенья!

Сбылось её предчувствие, что брат

Большую роль в романе их играет,
И, несмотря на боль своих утрат,
Виталий кровь родную выбирает.

Он никогда на ссору не пойдёт,
Он ни за что Семёна не осудит,
Он лучше сам в сторонку отойдёт,
Но брата он врагом считать не будет.

И этим он Алину разозлил,
И жажда мести в сердце закипала!
Семён приятным кавалером был —
Алину это очень подкупало.

Он каждый день Алину приглашал
В музей, в кино и просто на прогулку,
И никуда, как Витя, не бежал.
Алина разрешала брать под руку —

И с ним приятно время провела...
Тем более, что пробыл он недолго.
Когда Семён закончил здесь дела,
То провожать пришла его в дорогу —

И поняла, что час её настал,
Когда Виталий на вокзал приехал,

К Алине вдруг с вопросами пристал,
Едва Семён на поезде уехал.

И высказала всё ему в глаза:
Что Сеня ей приятней и милее!
Пусть знает он, что делать так – нельзя!
Уж лучше б бросил, было б так честнее.

Теперь осталось сердце запереть.
Когда она на теннисе встречалась,
То на него старалась не смотреть...
Но это очень плохо получалось.

Ларису не могла она забыть,
И от предчувствий голова шла кругом:
«Из-за неё он бросил?.. Может быть...
Как быстро согласился он стать другом!»

Семён приехал, как и обещал, —
Тридцатого (через три дня – обратно),
И прежнюю компанию собрал,
Чтоб встретить Новый год и с ней, и с братом.

Алина согласилась, у неё
Возникла страсть заняться экспертизой —

Проверить подозрение своё:
Виталий увлечён сейчас Ларисой.

Она была готова всё стерпеть,
Чтоб только убедиться в этом лично,
И даже знала несколько примет...
Она не дура, всё поймёт отлично!

И вот Лариса, наконец, пришла,
Виталия глазами пожирала!..
Вся напряглась Алина, замерла:
«А ты другого разве ожидала?»

Осталось дотерпеть ей до утра...
Но что это? Лариса донимает
Вопросами его, но он не рад...
И он её с трудом воспринимает,

Лишь отвечает вежливым кивком
(Не отвечать совсем – не позволяет),
С Ларисой будто он едва знаком,
Алине всё вниманье уделяет,

В глаза Виталий смотрит только ей...
Она забыла все свои приметы,
Уже не верит ревности своей...

О, как редко подобные моменты!

И время пролетело до утра...

О, нет! Таким Виталий не был прежде!

И чувства, бесполезные вчера,

Вдруг оживились в призрачной надежде.

Да, да, Виталий чудо сотворил!

Алина, не желая компромисса,

Хотела, чтоб о ней он говорил...

Но на его устах опять Лариса!

За что меня наотмашь бьёшь, за что?

Зачем мои ты чувства унижаешь?..

«Не то ты говоришь!.. Совсем не то,

Что я хочу услышать... Понимаешь?..»

В его глазах, застывших лишь на миг,

Она недоумение читает...

И вот несостоявшийся жених

Её, махнув рукою, покидает.

Глава 23. Признание ошибок

*Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?
С. Есенин*

Его учёба, наконец, пошла -
Виталий смог отвлечься от соблазнов.
Теперь уже диплом – не кабала,
И время есть поразмышлять... О разном...

«Пора признаться: я зашёл в тупик!
Умён, красив, но – есть чему удивиться! —
Я ничего, по сути, не достиг...
Мне кажется, пора остановиться.

Мелькают, как на ярмарке товар,
Красивых женщин жаждущие лица,
От пышных тел меня бросает в жар...
Как в этой суете не ошибиться?

И в самом деле – ярмарка и есть,
Коль выбираю спутницу для жизни,
Условий и претензий к ним не счесть,

Ведь нам придётся жить при коммунизме!

Товар мы выбираем по деньгам,
И выбор сделать хочется наверно,
Мы знаем: курс, проложенный неверно,
Приводит нас к скалистым берегам.

Как много женщин за короткий срок!
Я ими словно запасался впрок,
Как будто бы мне жить чуть-чуть осталось,
А результат – в душе родился хаос.

Я чувствую, что в чём-то был неправ:
Не с женщинами надо разбираться —
Меня подводит собственный мой нрав,
Что не позволит душам притираться.

Чтоб выбраться скорей из тупика,
Я должен разложить – себя! – по полкам...
Придётся начинать издалека,
Мозаику составив по осколкам.

Правдивость – это лучшая среда,
В которой прорастают зёрна знаний,
И честным я обязан быть всегда
Перед самым собою в час метаний.

Со мною регулярно происходит
Типичная история одна,
Которая меня в тупик заводит,
А значит, в этом есть моя вина.

Я с девушкой знакомлюсь, и она
Ко мне всегда вначале благосклонна,
Была она красива иль умна —
Ведёт себя со мной довольно скромно.

Но надо отношенья развивать —
И с ней метаморфоза происходит:
Девицу совершенно не узнать —
Капризничает и меня изводит!

Расценивал я это как каприз,
Чтоб показать ко мне неуваженье,
Дешёвый фарс непризнанных актрис...
Но больше всех Алины достиженья!..

Я недоумевал: что здесь не так?
Я соблюдал приличия обряда
И никогда не делал первый шаг
К знакомству с ней, её не видя взгляда,

Который, без сомненья, говорил,
Что девушка со мной знакомству рада,
Что ей я, как мужчина, очень мил —
И для меня тот взгляд был как награда.

Чтоб эти парадоксы объяснить,
Решил я, что, в своё не веря счастье,
Решает вдруг она себя винить
За взгляд, что выдаёт её пристрастье:

А вдруг я плохо думаю о ней,
Её считаю слишком уж доступной? —
И хочется казаться ей скромней,
Считает взгляд свой выходкой преступной.

Так я считал... Был слишком увлечён,
На них свои дозируя затраты,
И был я здесь как будто ни при чём,
А девушки всё время виноваты.

Уверен был, что девушка – моя,
Уж если так меня цепляет взглядом...
Мне не хватало тонкости, чутья,
Я был отравлен самомненья ядом».

«А чувствует ли девушка вину
За взгляды, что вонзаются в мужчину,
Как стрелы? Коль пропустит он одну,
Что пущена в глаза, – получит в спину!

Неужто и с Алиной было так?
Ведь я, один из теннисных «рубак»,
Ей тоже приписал вину за взгляды.
Я помню её взгляд, её наряды:

Изяществом наполнен стройный стан,
Взгляд синих глаз – открытый, безмятежный,
Каштановых волос густых Сессон,
Рисунок губ затейливый и нежный.

К причёске – туфли, дорогой текстиль,
Подобрана одежда безупречно...
Отметил я, что у неё есть стиль.
Всё это уважал я бесконечно.

Невольно восхитился: «Какова!
Красива и изящна – совокупно.
Но это, к сожалению, лишь слова:
Мне с ней не быть – уж слишком недоступна!»

Я сразу вынес смертный приговор
Любым возможным нашим отношениям:
Они – как несмываемый позор,
Как для потомства – грех кровосмешенья.

Я так решил, чтоб силы поберечь:
Уж начались занятия в институте,
И надо дать событиям плавно течь,
Не отвлекать себя от главной сути.

И вдруг меня как будто спутал бес:
Пренебрегая собственным запретом,
К Алине я знакомиться полез,
И был весьма назойливым при этом.

Знакомился от скуки, просто так,
Чтоб не терять свой навык обрётённый:
Знакомиться я был уже мастак,
И времени запас был неучтённый.

Казалось мне, что я, ей вопреки,
В знакомые насильно навязался
И сделал это ловко, мастерски...
Но, видит Бог, я сильно ошибался!

Запрет меня надёжно защищал

От всех возможных с курса отклонений,
А гордый вид Алины запрещал
Саму возможность к ней поползновений.

Она ходила мимо по делам —
Каким-то недоступным пониманью,
Даря своим явленьем повод нам
К нескромному, вульгарному вниманью.

И вдруг я вижу откровенный взгляд!
Он для меня как мостик через пропасть,
На дне которой бурный водопад,
И я мгновенно забываю робость!

Какой девице в голову придёт
Корить себя за взгляд, судьбу решивший?
Известен мне теперь древнейший код:
Был первым женский взгляд! – хоть я и «бывший»...

Всегда он будет первым – женский взгляд,
Уж так распорядилась Мать Природа:
Ведь женщине мужчину выбирать,
Пригодного для продолженья рода.

Алина взглядом выбрала меня
И шанс дала на мир взглянуть иначе,

Себя ничуть при этом не вина,
Тащила из болота неудачи.

Итак, Алины взгляд меня позвал —
И начал я её завоеванье:
Я ею любовался, развлекал...
Потом настало разочарованье...

Когда-то мне вдруг в голову пришло,
Что если сильно женщину полюбишь,
То ты (подумать так – уже грешно!)
Считать её красивой вряд ли будешь.

Я эту мысль старался позабыть —
Она казалась явною крамолой...
Но стоило мне ум употребить —
Она во мне возникла с силой новой.

Я видел: внешность Али для меня
Поблекла, как при освещеньи слабом,
И я ей потихоньку изменял,
Уже считая пройденным этапом,

Общался с ней почтительно, как друг,
Свою тем самым проявляя милость.

Всё так и продолжалось бы... Как вдруг
Алины поведение изменилось.

Настойчиво и глядя мне в глаза,
Меня Алина в гости приглашала.
Я говорил: учёба, мол, нельзя...
Её же это вовсе не смущало.

С ней было интересно говорить,
И мы болтали с ней о чём угодно,
Мне нравилось Алину веселить,
И это было мне совсем несложно.

Она была открыта и проста
И шутки с полуслова понимала,
А личность, в коей эта есть черта,
Всегда меня безмерно привлекала.

Ещё Алина искренна была...
Насколько – мне судить об этом сложно,
Коль есть у женщин тайны ремесла...
Но откровенность спрятать невозможно.

Алина излучала естество,
А это знак достоинства, породы...
В общении увидеть душ родство

Довольно сложно в молодые годы.

Она имела утончённый вкус,
Он ви́ден был – особенно в одежде,
И, как ценитель всех прекрасных муз,
Подобных модниц не встречал я прежде.

Но сам я одеваться так не мог,
И это стало пропастью меж нами:
«Она в вещах красивых знает толк...
Но явно избалована деньгами».

Изда́лека все женщины красивы,
Но я ведь изучал её вблизи —
И потому не видел перспективы,
С подобным обстоятельством в связи!

Все женщины имеют два лица —
Так создано, как видно, для удобства
В природе нашей волею Творца.
Одно лицо – для первого знакомства,

Оно всегда приковывает взгляд
И заставляет нас застыть на месте
(Значение имеет и наряд —
И это всё срабатывает вместе).

Его, как знак, запечатлеет глаз,
Как приглашение для дальнейших действий...
Но той же красоты, как в первый раз,
Ты больше не увидишь, не надейся!

Сработала приманка (не одна!) —
И к женщине приблизился мужчина...
Но красота вблизи не так видна,
Зато узнать характер есть причина.

И я тайком Алину изучал —
Как я умею: строго и серьёзно.
Знать, внешний вид препятствием не стал...
Обидно лишь, что понял это поздно!

Лицо второе ярко уж не так,
Зато оно и ближе, и... роднее,
Душа в нём и понятней, и виднее,
И с ним не попадёшь уже впросак.

Я ошибался: красота Алины
Поблекла лишь в сознании моём:
Меня влекли душевные целины,
И было интересно нам вдвоём.

Но я тогда был жадный до расправ:
Я «дал развод» Светлане, Кате, Нине —
И их, выходит, изучал я нрав...
Но сожалею только об Алине,

И сожаленье спать мне не даёт,
Из-за него дела мои в упадке.
Чего в Алине мне недостаёт?
Лишь близости, другого в ней в достатке.

Что я подумал, глядя на неё?
Что откровенность – это есть доступность?..
Коль приглашает – тело уж моё?..
И упустить возможность эту – глупость?..

Настойчивость её меня влекла,
И я законы все свои нарушил —
К ней полетел, забывшись, как стрела...
Я ошибался – вот что обнаружил!

Доступные ведут себя не так:
Хоть жаждут неожиданных атак,
Они всегда готовы для защиты —
Как окна, плотно ставнями закрыты.

Помогут утолить мужчине страсть,
Но многому, конечно, не научат:
Коль ты настойчив – можешь внутрь попастьь,
Но свет – уж извини! – тебе не включат.

К Алине в гости торопился зря...
Но согласился, видно, не случайно:
Теперь я вижу, в прошлое смотря, —
Она меня влекла необычайно!

Препятствием не стала на пути
Краса, подобно грамоте охранной,
И если в гости я решил идти,
То стала для меня она желанной.

А Катю пожелать я не созрел,
Хотя вначале счёл её наградой:
Унизить красоту я не посмел,
И стала для меня она преградой.

И Таня, что на танцах «закадрил»,
Желанной не была, слывя доступной,
И я её в душе благодарил,
Что роль сыграла девы неприступной.

А стоит ли уж так себя винить,

Что захотел залезть в постель к Алине?
Лишь Женщина способна разбудить
В Мужчине чувства, что сродни лавине.

Замужних я частенько наблюдал
(Мне это было очень интересно) —
Тех, что красивыми когда-то знал...
И странная деталь имела место:

Я видел только бледные следы
Былой красоты, что мужа покорила,
Но в этом вовсе не было беды —
Напротив, к ним меня сильнее манило!

Я всё гадал: что в них меня влечёт?
Теперь я знаю: это сексуальность!
Её на танцах явный недочёт,
Хоть очевидна секса актуальность.

Теперь о страсти тело говорит
Той, что женой для мужа стала нежной,
Себе позволить может внешний вид
С усталостью, с причёской чуть небрежной:

«Ах, что же вы хотите от меня?
Всю ночь была у милого в объятьях!..

Не пропускаем и начало дня —
Мы преуспеть стараемся в зачатьях».

Необходима броская краса
Лишь самочке для выбора партнёра,
Но если выбор сделан – прячь глаза,
Не привлекай зазря чужого взора!

Они и в самом деле таковы —
Супруги, что вполне довольны браком,
Покой и превосходство в них новы,
Но стали отличительным их знаком.

Теперь я понимаю, почему
Так больно ранил танец Али с Сеней:
Ею владеть хотелось самому —
И танец был приравнен мной к измене.

Когда же Сеня с Зиной танцевал,
Потом под одеялом целовал,
Всё это болью в сердце отзывалось,
Но чувство по-другому называлось.

Я был обижен: почему не я?
Ведь я красивей – этого ей мало?
Она по праву девушка моя...

Но ревность у меня не возникала.

И если б Сеня нежность проявлял
К другим знакомым – Нине, Кате, Свете,
Спокойно бы его благословлял,
Не ревновал бы ни за что на свете!»

Глава 24. Вагина

*Если у мужчины нет мозгов, он дурак,
если нет сердца – злодей, если нет
желчи – тряпка. Если же мужчина не
способен взорваться, как туго закрученная
пружина, мы говорим – в нем нет мужского
естества. Это не мужчина, а пай-мальчик.
Д. Лоуренс. Любовник леди Чаттерли*

Сестра, чей опыт более весом,
Увидев, что Алина вся в расстройстве
И потеряла аппетит и сон,
Поведала ей о мужском устройстве.

Она по мужу Вагина была,
Родители её назвали Ниной,
Большой семейный опыт обрела,
И грех не поделиться им с Алиной.

«Я в личной жизни потерпела крах! —
Сестра с вниманьем слушала Алину. —
Он всё спешит куда-то, весь в делах...
Мне кажется, я вижу только спину». —

«Твой парень хочет получить диплом,
Он целеустремлён, как все мужчины,
Идёт он к этой цели напролом,
Не вижу для тревоги я причину». —

«Но не заглянешь в душу в беготне...
А знать друг друга лучше – не мешает:
Я с ним хочу побыть наедине —
А он на вечеринки приглашает!» —

«Тщеславие мужчин тому виной,
Что выражается порой занятно:
Им девушки любимой красотой
Перед друзьями хвастаться приятно.

Нет, не познать мужчину нам молчком —
Уже известно: любим мы ушами,
А размышляем всё же языком.
Такие вот различья между нами...

А вечеринки чем не хороши?» —
«Там девушки другие, и Виталий
На вечеринках этих тем грешил,
Что на других глаза бесстыдно пялил!

И девушки другие на него,
Своих парней забыв, смотрели дружно.
В его глазах читая торжество,
Я чувствую себя совсем ненужной.

Раз у мужчины выбор столь богат,
То я себя считаю некрасивой,
И мне любви не нужен суррогат,
Хотя мне неприятно быть строптивой.

Достоинств у него, я знаю, тьма.
Мне кажется: как Солнце, он огромен!
А мой же вид посредственен весьма —
Как пятнышко на этом Солнце, скромн». —

«Со временем пройдёт в коленях дрожь
Перед лицом, божественно прекрасным,
И ты, сестра, – уж мне поверь! – найдёшь
В своём мужчине недостатков массу». —

«Я ничего поделаться не могу,
Когда в его глазах высокомерье
И смотрит на меня, как на слугу,
И тает на глазах к нему доверье». —

«Не нравится, что он красив, умён?

Так выбери кого-нибудь попроще.
Ты говорила, есть ещё Семён...
Уж он-то, как Виталий, не заносчив?» —

«Да, очень схож с Виталием Семён —
Не внешне, хотя тоже симпатичен:
Семён и остроумен, и умён,
И взгляд на жизнь у братьев идентичен.

Он словно у Виталия в тени,
На фоне брата кажется чуть пресным,
На девушек не пялится — они,
Мне кажется, ему не интересны.

Он начал вдруг ухаживать за мной —
С Виталием когда возникла ссора,
И увлечён он мною лишь одной,
И, как Виталий, не болтает вздора». —

«Ну, если орден нам не присуждён,
То радоваться надо и медали...» —
«Приятно мне, что предан так Семён...
И злит меня, что охладел Виталий!

Мне вообще мужчины не нужны!
Мне кажется, от них одно расстройство...» —

«Похоже на проделки Сатаны
Для женщины подобное геройство.

Ведь женщина приходит в этот мир,
Чтоб дать ему здоровое потомство,
Поэтому ей нужен не кумир,
А тот, кто не пойдёт на вероломство.

К свободе от мужчин стремится та,
Что внешности своей стыдится жутко.
А женщина, что мужа не нашла,
Становится бесплатной проституткой.

Семён – хороший выбор, уж поверь!
С Виталием они весьма похожи,
И в жизни не бывает без потерь.
Его ты меньше любишь? Ну и что же!

Ты не умрёшь от жалости к себе,
Как умерли Ромео и Джульетта,
Ты любишь жизнь, она кипит в тебе,
Не для тебя пустая сказка эта.

Родить ты сможешь, даже не любя,
И будет брак детьми весьма упрочен,
И будет дочь похожа на тебя,

На Сеню будет сын похожим очень».

Пыталась Нина Алю убедить,
Что трудно будет только лишь сначала...
Но перспектива без любви родить
Её сестру не очень-то прельщала:

«Но ты же вышла замуж по любви?
Ведь для меня любовь твоя не новость!» —
«Так знай же: чтобы не продешевить,
Я за любовь свою, сестра, боролась!

Мужчинам очень нравится смотреть
На женщин: ведь мужчины ценят внешность,
Им при себе красавицу иметь —
Всем в мире показать свою успешность...» —

«Да, водится за ними этот грех...» —
«...И сколько бы они ни притворялись,
От жён скрывая этот свой огрех,
Обычно это плохо получалось». —

«Виталий не пытался ни унять,
Ни даже скрыть подобные повадки!» —
«Тебе, Алина, не мешало б знать,
Что есть и польза в этом недостатке.

Теряется мужчина в красоте,
При выборе его сомнение гложет,
Изнемогая в этой маете,
Мужчина сделать выбор сам не может!

И женщина должна ему помочь
(А не поможет – точно проиграет!),
Она – послушная Природы дочь,
Что детям своим гены выбирает.

И твой Виталий именно таков...
Представь, Алина, будут твои дети
Таковыми же красивыми, как он,
И умными... За это ты в ответе!

И можешь ты Виталию помочь
Не ошибиться в выборе подруги.
Ты связь свою с Виталием упрочь —
А там получишь статус и супруги». —

«Я не пойму, о чём ты говоришь?
Меня Виталий бросил! Понимаешь?» —
«Напрасно ты, сестра, меня коришь,
Ведь ты ещё не всё, Алина, знаешь...

Не стоит внешность так превозносить:
Кроме лица, у женщины есть тело,
Лишь только сможет он его вкусить —
И ты получишь всё, что ты хотела!

Влечёт мужчину первым делом в нас
Та тёплая и влажная пещера...
Не опускай, сестра, смущённых глаз!
Смертельна для него её потеря.

Виталий видит женщину в тебе,
Он хочет обладать тобой, Алина». —
«Да, у мужчин лишь это в голове...
А я до свадьбы быть должна невинна». —

«Но этой свадьбы может и не быть,
Ведь у мужчин любовь совсем иная,
И можно отношения погубить,
Об этом ничего, сестра, не зная.

Мы все познать стремимся этот мир,
Чтобы расширить знания границы,
Эмоции – вот наш ориентир,
К нему стремится жизни колесница.

Мир через секс мужчина познает,
Без секса яркий мир всегда бледнее,
И хоть не каждый это признаёт,
Нет для него эмоции сильнее!

Согласна близость женщина дарить,
Когда её любовью одурманят,
Мужчине ж нужен секс, чтоб полюбить,
Счастливый секс любовью быстро станет.

Ведь та, что своё тело отдаёт,
Мужчине беспредельно доверяет,
Даёт понять, что очень его ждёт,
И к его сердцу доступ открывает.

И тот, кто был к эмоциям глухим,
Когда он тело женщины ласкает,
Вдруг познаёт себя совсем другим:
Он собственную нежность ощущает.

Беспомощность держа в своих руках,
Он эту слабость на себя примерит,
Хоть на мгновенье позабудет страх,
И в мощь свою, и в мужество поверит.

Она его избрала среди всех —

Заметила его в толпе ничтожеств,
Он с нею ощутил и свой успех,
И на других большую непохожесть.

И в ту он будет женщину влюблён,
Что сексуальность удовлетворяет:
Он на вершине славы, чемпион,
Когда желанной цели достигает!

Хороший секс – лекарство от всего,
Без секса отношений нет нормальных:
Малейшие обиды без него
Вмиг обретают статус аномальных.

Здоровому мужчине должен секс
Доступным быть в любое время суток,
Чтоб был в любви устойчивый прогресс.
И пользы мало здесь от проституток.

А к женщине, что отвергает секс,
(Тем паче, если набивает цену!),
Мужчина вмиг теряет интерес,
Апатия идёт ему на смену». —

«Ну да, ко мне Виталий охладел...
Теперь я понимаю – безвозвратно...» —

«Давно бы бросил, если бы хотел:
То ссорится, то мирится обратно...

Он постоянно около тебя,
Хотя и ты во многом виновата...
Так поступают, только лишь любя». —
«Я думала, что это из-за брата...» —

«Да, он к тебе теряет интерес —
Ведь ты не подаёшь ему сигнала,
Узрев который, он бы вмиг воскрес:
Ты женственность никак не излучала.

Ведь ты владеешь тем (пора понять!),
Что для мужчины всех богатств дороже,
Оно его способно подчинять,
И без него мужчина жить не может.

А ты, как будто бы богатства нет,
Ведёшь себя, как нищенка простая.
Когда на сексуальности запрет,
Затея покорять мужчин – пустая.

Для тех, кто сексуальность осознал,
Весь мир уже предстал иначе зримым,
Мужчина видит в их глазах сигнал,

Что даст ему надежду быть любимым.

Таких девиц мой отмечает взгляд,
Их и в большой толпе узнать несложно:
Они ведь знают, что имеют клад —
Привязывает он мужчин надёжно.

У многих внешность – не сравнить с твоей...
Она невзрачна, но отнюдь не дура,
Сама Природа подсказала ей:
Мужчина – очень робкая натура!

И красота здесь вовсе ни при чём.
И пусть лицо её не украшает,
Но женщине известно, что каблук,
С короткой юбкой вкупе, всё решает». —

«Что ж, каблукам обязаны мы многим...» —
«Да, каблукам обязан род людской:
Ведь шпильки, удлиняя женщин ноги,
Укоротить способны ум мужской.

Знай: привлекательность важней, чем внешность!
При обольщеньи всё идёт в зачёт,
Неважно, что мужчину привлечёт:
Хоть красота, хоть глупость, хоть беспечность».

«Ты говоришь, сестрёнка, про каблук...
Но я уж не однажды замечала:
Со временем (не сразу и не вдруг)
За внешностью следить ты меньше стала...» —

«Ты знаешь ведь, что женщины полнеют,
А после родов на лицо дурнеют...
Ну, разве это повод их бросать,
Коль могут мужу наслажденье дать?»

И постепенно для мужчины внешность
Становится как малая погрешность,
Легко которой можно пренебречь,
Лишь только бы в постель скорее лечь». —

«Так значит, секс зависит от мужчины?..
И только от желания его?..» —
«Не чувствуем порой мы ничего,
Но похоть в нас, как огонёк лучины,

Невидимо мерцает... До тех пор,
Когда мужчина нежными руками
Ласкает – и тебе наперекор
Вдруг ярко вспыхнет от лучинки пламя!

Когда решил знакомиться с тобой,
Уже Виталий знал, что ты красива,
И для него настал этап второй:
Влечёт его к тебе другая сила.

Виталий видит женщину в тебе,
Он хочет обладать тобой, Алина.
Ведь это так естественно, поверь,
Когда встречает Женщину Мужчина!

Как важно дать ему тебя вкусить!
Он должен ощутить себя в Эдеме.
Чтоб на других не смел глаза косить —
Свяжи мужчину... органами всеми!» —

«Хоть я совет твой, Нина, и ценю,
Мне нравится красиво одеваться,
И превращаться не хочу в квашню,
Которой лень собою заниматься!» —

«Виталия могла ты отпугнуть
Нарядами своими дорогими:
Он беден, и ему не потянуть
Погони за вещами щегольскими.

Мужчины нас привыкли раздевать
Глазами, удовольствия желая,
Им платье – это то, что надо снять,
Чтобы открылась взору плоть живая». —

«Считая, что в одежде вкуса нет,
Его учила я, ждала отдачу...» —
«Мужчине дать непрошенный совет —
Скорей обречь себя на неудачу!

Наделали ошибок – ты и он...
Но шансы есть у вас для продолженья:
Накал эмоций очень уж силён!
Эмоции – свидетельство сближенья

И душ родства... Не каждому дано
Испытывать такие потрясения.
Влиять вам друг на друга суждено,
И это знак взаимного влеченья.

Хоть ваших судеб сблизились пути,
Но вы пока стоите на пороге:
Как сами не решаетесь войти,
Так и на вход другого слишком строги.

Как краски вы торопитесь сгущать!

Вы оба одинаково ревнивы,
А научиться надо бы прощать.
Вы слишком недоверчивы, пугливы». —

«Мне очень неприятно сознавать,
Что мой мужчина многим интересен...» —
«Виталия ты будешь ревновать,
Но этот опыт для тебя полезен.

Опасно гнев и ревность подавлять:
Любовь при этом тоже пострадает,
Когда перестаёшь ты ревновать,
И тихо, незаметно умирает.

Эмоции для нас важней всего.
О, как приятно после ссор мириться!
И нету в этом мире ничего,
Что может с этой радостью сравниться!

Пускай он вредный, но такой родной,
И на него похожи наши дети.
Пусть нравится другим, зато он – мой!
И не сравнится с ним никто на свете!» —

«Казалось беспросветным всё вчера...
А нынче ночь сменяется рассветом...» —

«А может быть, ты выбрала, сестра, —
Уже давно?.. Себе признайся в этом.

Власть над мужчиной женщине нужна.
Не сомневаюсь в этом я... Однако,
Когда мужчины нету, то она
Жалка, как без хозяина собака».

Глава 25. Весы любви

*Мы выбираем, нас выбирают,
Как это часто не совпадает!
Я за тобою следую тенью,
Я привыкаю к несовпаденью.
М. Танич. Чёрное и белое*

Виталий верно двигался вперёд,
Он не спешил и ждал, что боль утихнет.
Известно, что спешит к финалу тот,
Кто не уверен, что его достигнет.

В тот год настала ранняя весна,
В начале марта дождь сменил метели,
Сугробов почернела белизна,
Которые за зиму надоели.

Ещё хранит земля природы дар,
Ещё лежит, набухшая от влаги,
Но под лучами солнца первый пар
Уж заполняет бурые овраги.

Частенько невесёлым приезжал

Виталий в институт для консультаций
И в туалете надписи читал —
Образчики «заборных публикаций»:

«И вот уже приходит к нам весна,
И солнышко нас радует по-прежнему...
Спасибо же любимому ЦК
И персонально – Леониду Брежневу!»

Там были и другие письма,
Всё больше из разряда нецензурных...
Легко лишь тем в любые времена,
Кто видит мир в тонах карикатурных.

И отступала от него хандра,
Мгновенно настроенье улучшалось...
Мы наливаем слёз на полведра,
Когда от счастья отделяет малость!

В субботу, посвящая службе день,
Виталий проходил по коридору,
По этажам в повязке ДНД,
Всё подвергая строгому надзору.

Услышав голосов нетрезвый гул

И звон бутылки, что была разбита,
В ту комнату Виталий заглянул,
Коль дверь была немного приоткрыта.

Компанию парней он увидал
(Таких, как Вася Маркин и Могильщик) —
Примерно то, что он и ожидал,
Таких Беда всегда сама разыщет.

Но буйства нет, и он решил уйти...
И вдруг из комнаты выходит Света!
Её лицо успело отцвести,
Она всё так же простенько одета.

«Глядит спокойно, даже свысока...
Так смотрит только женщина... со стажем!
Добилась своего наверняка...
А как же мама?... Маме мы не скажем!

Нашёлся тот, кто жалости не знал,
Кто не услышал слова о пощаде,
Чей скуден был духовный арсенал —
И это привело его к награде!

Да, глупости моей пределов нет:
Со мной пила и в гости напросилась...

Пора запомнить: к чёрту этикет,
Коль женщина раздеться согласилась!

О, этот шаг о многом говорит!
Не замечай протест её безвольный,
И действуй, как Природа Мать велит,
И ты уходишь – сытый и довольный!

У женщин свой, таинственный язык,
И не понять, что хорошо, что плохо.
А я в язык загадочный не вник,
Словам поверил, что скрывают похоть.

Она была обязана сказать
Слова, что нынче кажутся мне шуткой:
Насилие верша, я должен знать
О том, что спать ложусь не с проституткой.

Но каждый выбирает свой удел...
И взгляд, что был ко мне когда-то нежен,
Теперь уже спокоен, безмятежен,
Как лёгкий бриз, скользящий по воде».

Её не стал он беспокоить всеу:
У Светы направление своё,
И он её нисколько не ревнует

К тому, кто сделал женщиной её.

«Компания, в которой я нашёл
Светлану, мою бывшую подругу,
Мне говорит: как выбор ни тяжёл,
Стремимся мы к привычному нам кругу.

Светлана б и хотела быть со мной,
Чтоб близостью совместно наслаждаться...
Но поняла, что слишком я простой:
Стал совершеннолетья дожидаться.

Чувствительность моя – не для неё,
Ей нужен был мужчина поглубже,
И получила девочка своё,
Неважно, кто умнее, кто глупее.

Любовь предполагает, что должны
Достойными друг друга быть партнёры,
Чтоб чувства не испытывать вины
И не дарить чужим любимым взоры.

Татьяна (с танцев) сразу поняла,
Что до меня ей век не дотянуться,
Закрылась и себя уберегла

От чувств, что в ней могли бы вдруг проснуться.

Что думала Алина обо мне,
Смотря на наше теннисное братство:
Что беден я, зато других умней,
А красота заменит мне богатство?

Возможно, что вначале было так,
Когда друг друга мерили мы взглядом,
Боясь: эх, не попасть бы мне впросак! —
И мысленно другого ставя рядом.

Мы взвешиваем, словно на весах,
Ум, красоту, одежду и богатство...
Неравенство, уж коли мы в плюсах,
Рождает в наших душах панибратство.

Я тоже был похож на торгаша,
Когда глазел на Алины одежды,
Я только лишь вздохнул: «Да-а, хороша!» —
И понял: на знакомство нет надежды,

Различия меж нами всем видны.
Когда ж Алина одарила взглядом,
Она дала понять, что мы равны,
И для меня есть место с нею рядом.

Я познакомился – уж в этом я мастак!
Потом она назначила свиданье,
Но что-то с этих пор пошло не так...
Для равенства исчезло основанье?

Я сам себя возвёл на пьедестал,
Расхваливая мнимые таланты,
Но я ещё пока никем не стал,
И это всё – без выигрыша фанты.

Я научиться обольщать хочу,
На это я могу потратить годы,
А в результате что я получу?
Талант весьма сомнительной природы.

Любя к себе вниманье привлекать,
Как маленький ребёнок, я резвился
И научился пыль в глаза пускать:
Ведь ни один талант мой не развился.

Зато Алину сильно напугал —
Подумала, что мне она не ровня.
Я девушек других не избегал,
И стала наша связь весьма условна.

В любом, коль с ним такое вытворять,
Откуда здесь уверенности взяться?
Похоже, чтоб лицо не потерять,
Решила Аля «спрятаться» за братца.

Когда я понял, что ей чужд разврат,
Мы с ней вокруг да около ходили...
Вот, наконец, ко мне приехал брат —
И тут Алину словно подменили!

Как только я ошибку совершал,
Малейшую, заметную едва ли —
Алину на измену искушал.
Со мной так никогда не поступали!

Я всякий раз пытался с ней порвать,
Но вдруг, увидев тусклый луч надежды,
Себя переставая узнавать,
Мирился с нею... Не было так прежде!

Она была загадкой для меня,
Я ревности пил горькую отраву,
И, странно, до сегодняшнего дня
Я не решил, кто больше ей по нраву.

Мой ум не в состоянии понять,
Как вместе уживается такое:
Меня настырно в гости приглашать —
И вскоре с братом оказаться в койке!

А может, мне ответ в себе искать?
Не торопился я в любви признаться.
Что девушке осталось? С братом спать,
Мужчинами другими восхищаться.

Я с самого начала дал понять,
Что женщины доступной мне довольно...
И девушка неожиданно для меня
Ведёт себя раскованно и вольно —

Но только не со мною! Мой удел —
Лишь наблюдать, как выглядит распутство,
Но будто бы я на себя глядел,
Как в зеркало – такое было чувство.

Но зеркалу такому я не рад,
Казалось мне, что зеркало кривое,
Коль отражаюсь в нём не я, а брат.
Оно меня задело за живое.

И я решил: ей нравится мой брат! —

И в тот же день, почти демонстративно
Алину «сдав» ему, был очень рад...
Сейчас, как вспомню, самому противно.

Но дни идут – Алины рядом нет,
И нет попыток что-либо исправить...
И сам собой рождается ответ:
Семён по нраву ей, что ж тут лукавить!

Но что поделать: женский практицизм!
И замыслы Алины шли далече —
Ведь ими управлял её вещизм,
Он бросился в глаза при первой встрече.

А что? Семён – достойный человек:
Он аспирант, он человек науки,
Играет на гитаре, любит смех —
Сама Удача просится ей в руки.

Да, счастлива Алина будет с ним,
И это мне доподлинно известно,
Поскольку деликатен он, учтив,
И мне всегда с ним было интересно.

Алина, видно, сразу поняла,
Что мы почти как близнецы похожи,

Игру двойную сразу повела,
Всё выбирала, кто же ей дороже.

Все женщины гадают: как им быть?
У них соблазнов к выбору немало:
Стремится в конкуренцию вступить
С великою душой огромный фаллос.

Хоть я могу её подозревать,
Что трудно меж двух братьев выбирала,
Алину я не смею осуждать,
Что так сильно в ней женское начало.

С моральной точки зренья если взять —
Такое поведенье аморально...
Для женщины ж, что призвана рожать
И сохранять потомство – идеально.

Не мне её винить в расчёте злом —
Мы просто «не совпали», как нарочно:
Мне очень нужно получить диплом,
А ей, как видно, замуж нужно срочно.

Глава 26. Раскаяние

Не знаячи любви, «люблю» сказать не смеет.

А. Сумароков. Дориза

Виталий в институт поехал вновь,
Вошёл и сел в полупустой автобус.
Диплом в своей основе был готов,
Виталий сохранял высокий тонус,

Учёба для него – не кабала,
Диплом уже не представлялся адом.
На остановке девушка вошла,
Остановилась, обвела всех взглядом.

На девушку Виталий посмотрел,
Быть может, дольше, чем велят приличья...
Да, с ней он познакомиться б хотел —
Она была довольно симпатична.

В автобусе полно свободных мест,
Но девушка (на вид довольно скромна!)
Вдруг делает красноречивый жест —
К нему садится... Видно, так удобно.

Пока в себя Виталий приходил,
Открыла, сохраняя молчаливость,
Журнал «Кино», что очень он любил, —
Прямой намёк на интересов близость.

Он мог бы бесконечно обсуждать
Кино, артистов, разные сюжеты,
Работу режиссёров, их талант,
Свой личный взгляд на все вопросы эти.

И девушка (он был уверен в том!)
Охотно бы беседу поддержала,
Он с ней бы познакомился... Потом...
Потом, как Света, от него б сбежала,

Не объясняя толком ничего?
Или, как Катя, будет молчалива,
Тогда уже возникнет у него
Реальная для бегства перспектива?

Виталий видел: девушка ждала,
Что он произнесёт хотя бы слово...
Но вдруг утратил свойство помела
Его язык... И это было ново.

Он так и просидел, глаза скосив
На тот журнал, что девушка листала,
А девушка, не видя перспектив,
На остановке вышла – и пропала.

«Как странно... Я себя не узнаю!
Со мною невозможное случилось...
Я растерял уверенность свою,
И солнце моей славы закатилось?»

На разум мой сейчас опоры нет,
И подсознание вновь взялось за дело:
Меня ведёт, но не даёт ответ,
И повинуется безвольно тело.

Я внешность слишком высоко ценю,
Какое платье девушка наденет —
И угодил в глухую западню...
Моя ж душа совсем другое ценит!

Мне надоело быть на кураже:
Завязывая вновь и вновь знакомства
И отвергая то, что есть уже,
Я совершаю вроде вероломства.

До той поры, как с Алей я порвал,
Куда-то я отчаянно стремился,
Чего-то добивался... Вдруг – провал,
И мир вокруг меня остановился.

Вот девушку сейчас я упустил...
Как и со Светой, всё я знал заранее,
И стало жалко времени и сил
На то, что превратится в расставанье.

Пройти ты можешь очень длинный путь,
Когда ориентиром станут лица,
Но женщины ты не познаешь суть,
И не узнаешь, где остановиться.

Мужчины носят славу простецов,
Что сладость по обёртке выбирают:
Нас привлекает в женщине лицо,
Но только лишь характер покоряет.

Я лица, как журнал «Кино», листал,
Казалось мне, что я найду получше,
Об этом постоянно я мечтал...
Но, чтоб узнать характер, нужен Случай.

И этот Случай нас с Алиной свёл.

Период наблюдения был долгий,
Хоть сразу впечатление произвёл
Её прекрасный вид на вкус мой строгий.

Общение друг с другом помогло
Узнать характер, вкусы, предпочтения,
А в душах обозначилось тепло,
И мы друг к другу начали движенье.

Казалось, нет препятствий на пути:
Нас многое могло друг с другом сблизить,
А там, глядишь, и к свадьбе привести...
О, если бы не Алины капризы!

Её капризам не было конца,
И ей, казалось, до меня нет дела...
Так разделил я участь беглеца,
Достигшего последнего предела.

Я так привык – ведь я почти плейбой,
Ну, а поскольку я такой красивый, —
Наказывал разлукою с собой
Тех, у кого характер был спесивый.

Стараясь от капризов убежать,
С тех пор я с очень многими встречался,

Но никого не смог я удержать...
И вот я наконец-то догадался:

Капризы – это женская черта,
Им женская подвержена натура
(И им мужчины в этом не чета),
И ни при чём здесь ум или культура.

Эмоциями женщина живёт,
Они её судьбою управляют:
Куда её желание ведёт,
Она порой сама не понимает.

Мужчине сложно женщину понять,
Что представляет тонкую систему:
Попробуй только ласки недодать —
Получишь ты огромную проблему!

И девушка в автобусе, и та,
Которую я, может, завтра встречу, —
Никто из них спокойно жить не даст!
Ища покой – судьбе противоречу.

Бросая девушек, не горевал:
Капризы – это женское искусство...

Хотя уже давно подозревал,
Что выдают они серьёзность чувства:

Всем хочется, чтоб я любезней был,
Чтоб проявлял сочувствие и жалость...
Но я с Алиной это всё забыл —
Так яростно она сопротивлялась.

Не узнавал я девушку свою:
Характер независимый и гордый,
Она самоуверенность мою,
Как крепость, превратила в камня груды.

Не мог понять, красив я или нет,
Борясь с её характером спесивым,
И на вопрос крамольный ждал ответ:
А должен ли мужчина быть красивым?

И ум меня – коварный! – подводил:
Казалось, любит! Вот он, путь к спасенью!..
Но новый день на смену приходил —
Боялся, что Алина любит Сеню.

Но вот что странно: каждый наш разлад
Мне позволял другим себя увидеть.
Я делал вывод: сам же виноват,

И не за что Алину ненавидеть.

Явленье непонятное ценя,
В нём надо нам искать благополучье:
Капризами, что бесят так меня,
Даёт мне знать, что я могу быть лучше.

Утрачивая собственное «я»
После очередной подобной встряски,
Трезвел я, словно пьяный от битья,
И жизнь являла мне иные краски.

Всё то, чему я противостоял,
Теперь во мне рождает ностальгию:
Эффект утраты собственного «я»
Не вызывали девушки другие.

Алина рядом, мог бы я пойти
И объяснить с ней, хоть это сложно.
Но я ведь сам отрезал к ней пути,
И примиренье наше невозможно.

Как грубо к Сене я её толкнул!
Так отношения не прекращают.
Я мнимым бескорыстием блеснул...
Подобные обиды не прощают.

Я знаю точно: ждёт меня отказ,
Когда я с извиненьями прибуду
(Я это проходил уже не раз!),
И помирить нас может только чудо.

Кто обижал любовь хоть раз – от тех
Она уйдёт и больше не вернётся.
Вот так красивый, но апрельский, снег
Нам новогодних не вернёт эмоций».

О новых же знакомствах он решил:
«Нельзя серьёзным делом заниматься,
Не тратя на него в достатке сил,
Поэтому – от женщин отказаться!

До лета мне придётся потерпеть,
А стану полноправным инженером —
Зарплату увеличат мне на треть,
И буду вновь желанным кавалером.

Ошибок прежних буду избегать,
Не буду сам себе чинить препоны,
И не спеша я буду постигать
Любви, пока неведомой, законы.

Чтоб не платить ценою дорогой,
Придётся начинать мне всё сначала —
С другим настроем, с девушкой другой,
Чтобы любовь тот путь мой увенчала.

Я буду с ней учтив, как никогда,
Вести себя не буду эпатажно,
Я знаю: красота – моя беда,
Характер человека – вот что важно!

Я буду – настоящий ангелок,
Не дать чтоб повод девушке стесняться,
И между нами может диалог
В ключе – таком примерно – состояться:

«Скажи, Виталий, как твои дела?
Чем в выходные будешь заниматься?» —
«Придётся не вставать из-за стола:
Пора мне за английский приниматься». —

«Но ведь суббота – это выходной!
Ты будешь вместо отдыха учиться?» —
«Уж очень напряжён мой ритм дневной,
Лишь в выходной могу уединиться». —

«Но можно отдохнуть, сходить в кино,
Ведь интересней будет с кем-то вместе». —
«Да, можно и в кино... Но всё равно
Мне не удастся: ведь идти мне не с кем». —

«Не может быть!» – «Мне нет резона врать...
Но если бы со мной ты согласилась
Субботу провести, тогда тетрадь
Я б с радостью забыл: что б с ней случилось?»

Мы б осторожно двигались вперёд,
И я купил бы ей духи «Быть может...»,
Хотя, признаться честно, страх берёт:
Практически купить их невозможно».

Духи те стали вроде божества:
Он обожал их запах и названье,
Но их в продаже нет, и лишь молва
Поддерживает их существованье.

Глава 27. Примирение

*И если женщина приходит,
Чтоб оторвать тебя от дел,
Она тебя к тебе приводит.
О, как ты этого хотел!*

Р. Казакова. Быть женщиной – что это значит?

Разложены дипломные листы,
Далёкий от любви и вождельня,
Виталий погрузился в вычисления,
На время отодвинув все мечты...

И вдруг заходит брат... Совсем неожиданно:
«Я с девушкой... Мы с нею мимо шли —
И вдруг она сказала мне... спонтанно:
«Как я хочу послушать «10сс»!»»

Виталий вниз спустился попросить
Вахтёршу, чтоб Алину пропустила.
Алины взгляд успел его пронзить,
Потом глаза смущённо опустила.

«К Вам девушку пустить? Да нет проблем!» —

И услужить вахтёрша даже рада
(Хоть привёдет с собою он гарем!),
Поскольку он наводит здесь порядок.

На коменданта даже повлиял
Виталия авторитет огромный,
Он доверял ему, поскольку знал:
Гарем не приведёт – он парень скромный.

Оставив пропуск (он ведь сам – закон!),
Он в комнату с Алиною поднялся
(Сам – вежливость, как требовал бонтон),
Где их смиренно Сеня дожидался.

Алина села на его кровать.
На ней костюмчик был обыкновенный,
Но даже в этом (надо здесь признать!),
Прослеживался вкус её отменный.

Пока Виталий музыку включал,
Скрестила руки и прижалась к стенке.
Виталий всё невольно примечал,
В особенности – голые коленки.

Её лицо – загадочней всех лиц,
В нём грех искать хоть маленький изъянец:

Украсил бы любую из девиц
На смуглой коже розовый румянец.

«Зачем она пришла ко мне, сюда,
Мою печаль красой преумножая?..
А рад ли я её увидеть?.. Да!...
Хотя она теперь уже чужая.

Я честно сам признал свою вину,
И если бы мы встретились случайно,
То, у досады будучи в плену,
Прошёл бы мимо – гордо и печально!

Алина же сама ко мне пришла...
Неужто хочет исключить случайность?..
А может быть, она настолько зла,
Что жаждет увидеть мою печальность?..»

Но просьба есть, и он без лишних слов
Поставил «10сс» – «I'm Not in Love».
Она под эту музыку когда-то
Здесь танцевала – с ним ещё, не с братом.

Но стоило лишь музыки волнам
Начать из двух динамиков сочиться —

Семён сказал, что должен по делам
Каким-то ненадолго отлучиться.

Виталий удивился, глядя вслед:
«Что это вдруг с Семёном приключилось?
Вдруг появился от меня секрет...»
Алина же совсем не удивилась.

И это странно: случай ведь сугубый,
И он в её лице ответ искал...
О, как знакомы были эти губы,
Которые во сне он целовал!

И тут он наконец-то ощутил,
Что – нет, не пахнет, а благоухает! —
Она духами – теми, что любил,
Что у него блаженство вызывают!

Духи «Быть может...» нравились ему,
Как ни одни духи на целом свете:
В них власть была, неясная уму,
И просыпалась жизнь в былом аскете.

Родным стал холостяцкий сей приют,
Помимо воли чувствовал Виталий,
Что вместе с нею в дом пришёл уют,

Которого здесь сроду не видали.

Казалось, что Алина весь флакон,
Духов продлить стараясь эфемерность,
Разбрызгала... Виталий удивлён:
Не для неё подобная чрезмерность!

Вкус никогда её не подводил,
В духах, в одежде точно знала меру,
Всегда тончайший запах исходил
Её духов – в пример и парфюмеру!

Из головы не шёл Хемингуэй...
Он вспомнил, как несчастный Джейк в «Фиесте»,
Сведя Ромеро с девушкой своей,
Уходит сам, их оставляя вместе:

«И брат ушёл... А девушку «забыл»...
Он будто мою глупость повторяет,
Когда ему я Алю «уступил»...
Но дважды только глупые теряют!

Казалось мне, что я довольно смелый...
Но вот ты посмотрела мне в глаза...
Ты больше так, пожалуйста, не делай,
Мне жить теперь без глаз твоих нельзя!

Они неумолимо возникают,
Лишь стоит мне свои глаза закрыть —
Твои глаза прекрасные сияют,
Зовут и манят вечно их любить.

И знаю я, что это наважденье
Я не смогу никак преодолеть,
Пока ты не доставишь наслажденье
В твои глаза без робости смотреть.

И я твой взгляд с надеждою ловлю,
Не понимая, что со мной такое,
В отчаяньи шепчу: «Я не люблю...
Я не люблю, оставь меня в покое!»

Но ум уже сдавал свои права:
Ещё жива в душе его обида,
Но сердцу уступала голова;
Ещё он хмур... Но только лишь для вида.

Гнев на Алину вдруг перегорел.
Она была красива... и в печали.
И он в глаза Алине посмотрел...
Они не говорили, а кричали!

«О чём же говорят твои глаза?
Ведь так смотреть открыто – неприлично...
Но если уж застыла в них слеза,
То, значит... ты ко мне небезразлична?»

О том ли, что готова ты – на всё! —
Что наши отношения спасёт?..
Лишь соблюсти приличия осталось?..
Не может быть! Мне это показалось...»

Холодный ум внезапно отступил,
Исчезли вмиг тоска и безнадежность,
Грудь затопила хлынувшая нежность,
И удержаться не хватило сил.

Он с ней заговорил – пока о вечном:
Была разлука слишком велика,
И надо начинать издалека,
Мечтая о сближении сердечном.

И шаг за шагом надо укреплять
Возникшее – вот тут, сейчас – доверье;
Тем, чтобы лишнее не позволять,
Распахивать сильнее друг к другу двери.

Всё оживлённей был их разговор...

И свою лепту музыка вносила...

Но вот повеселел Алины взор,

И, наконец, она его спросила:

«Скажи, Виталий, как твои дела?

Чем в выходные будешь заниматься?» —

«Вот посмотри: бумаг на полстола,

Нельзя мне от диплома отрываться». —

«Но ведь суббота – это выходной!

Ты будешь вместо отдыха учиться?» —

«Диплом моей стал болью головной,

Я жду, когда всё это прекратится». —

«Но можно отдохнуть, сходить в кино...

Ведь интересней будет с кем-то вместе

Побыть в субботу?» – «Да... Но всё равно

Мне не удастся: ведь идти мне не с кем». —

«Не может быть!» – «Мне нет резона врать...

Но если б ты со мною согласилась

Субботу провести, я был бы рад

Диплом на день забыть: что б с ним случилось?» —

«Да, я согласна...» – И в её глазах

Уже почти признание сияет...

Но торопиться им пока нельзя:
«А Сеня?» – «Послезавтра уезжает».

Пришла надежда, головы пьяня...
Но брат вернулся, и они расстались.
Им потерпеть осталось те два дня,
Что до его отъезда оставались.

Глава 28. Воскрешение

*Мы все под властью юбки с юных лет,
К чему искать иллюзии свободы!
Из-под неё приходим мы на свет
Для радости и для мирской невзгоды.
Д. Байрон. Дон Жуан*

От радости Виталий ошалел:
Великое настало облегченье,
Как будто бы он до сих пор болел,
И вдруг совсем неожиданно – исцеленье!

«Спасибо, Боже, что, желая драться,
Не смог я сильных рук своих поднять,
Когда мне захотелось издеваться,
Не смог я даже пару слов связать!

Когда же меня нежность посетила,
То сердце у меня в груди нашлось.
Какое счастье, что такая сила
Живёт во мне с рожденья, а не злость!

Я думал, что любовь уже мертва —

Так глупо я над нею издевался...
И вдруг из пепла проросла трава —
Там, где огонь недавно бесновался.

Что только я к Алине не питал:
Злорадство, зависть, ненависть в придачу...
Не очень-то надёжный капитал,
Который можно обратить в удачу.

Я сильную обиду испытал
И думал: обижать – её искусство,
Поэтому разлуки час настал...
Но это лишь усилило к ней чувство.

Я позабыть старался к ней пути
И права не давал любой надежде...
Но стоило лишь ей ко мне прийти —
И всё вернулось... И сильнее, чем прежде!

Без сильных чувств, эмоций – ты бедняк.
Но испытай трагедии большие —
И всё твоё!.. Изменится лишь знак:
Был в пропасти – теперь ты на вершине!

Так что же это за напасть – любовь?
Мне кажется теперь, что это вирус,

Который, попадая в нашу кровь,
Нас изменяет так, что и не снилось.

Казалось мне, что в Свету я влюблен...
Но так легко при этом с ней расстался
И равнодушен был, нисколько не смущён,
Когда недавно с нею повстречался.

Но как – и это хочет знать любой! —
В своей не ошибиться половине?
Надежней нет прививки, чем любовь,
От женщин, не доросших до богини.

Но ждать любви – не значит ожидать
(При этом опасаясь ошибиться)
Того, кто, как волшебник, может дать
Всё то, чего хотел бы ты добиться.

Любовь уже находится в тебе,
Ты ощутил уже её дыханье...
Но это первый раз в твоей судьбе,
И ты не можешь дать ему названье.

Ты стал таким, как суждено судьбой,
Но видеть это ты пока не в силах,
И всё произошедшее с тобой

Ты в преданных глазах увидишь милых.

Ты был один и сам себе служил,
И этого тебе вполне хватало...
Ты стал другим – и вдвое больше сил,
И самого себя любить уж мало.

В тебе растёт потребность отдавать
И чувствовать, что ты кому-то нужен.
Лишь сможешь о себе ты забывать —
И вмиг поймёшь, что стал ты взрослым мужем.

Любовь нам помогает отдавать,
Чтоб жизнь увидеть взором ясным, чистым...
И на себя оковы надевать,
Что не под силу ярым эгоистам.

Ведь в Новый год, на ссору несмотря,
Я всё-таки чему-то научился:
Впервые ни за кем не волочился,
Чтоб видеть, как её глаза горят.

Влияние страстей преодолимо,
И лишь тогда мужчина созревает,
Когда во имя женщины любимой
Он про себя, родного, забывает.

Ведь брак без обязательств не живёт,
И мне свои придётся прятать взоры,
Не в стороны смотреть чтоб, а вперёд, —
Как лошади, понадобятся шоры.

Пример мой – дрессированный терьер,
Что преисполнен качеств благородных:
Не терпит он таких дурных манер,
Как тьяканье всех шавок беспородных.

Когда ты даришь женщине одной
Свою любовь и все свои таланты —
Своею преумножит новизной
И всё вернёт она тебе обратно.

Когда ж ты даришь все свои блага
Всем женщинам, что на тебя глазели,
Ты растеряешь всё, как жемчуга,
Когда случайно рвётся ожерелье.

И ярмарка мне больше не нужна —
Уже я сделал выбор наилучший:
Алина мне нужна – и лишь она!
Счастливым для меня был день минувший.

Теперь Алина – девушка моя...
Но мне уже не стоит торопиться
И клянчить секса, на своём стоя:
Ведь близость душ важнее тел сойтъя.

И если я готов был подождать,
Как станет совершеннолетней Света,
То уж любимой грех не угождать —
Не уважать Алины право вето.

Я знаю больше: вот за этот день
Мне здорово придётся поплатиться —
На наши отношенья ляжет тень,
И будет моя девушка сердиться,

Капризничать, порой по пустякам,
Что в нас недоуменье вызывают,
И следовать затейливым виткам,
Что тонко прихоть женщин направляют.

Но я готов лишения терпеть
И признаю, что это справедливо:
Всё это будет делаться в ответ
На то, что вёл себя я горделиво;

Что я заставил сделать первый шаг;
Её принудил выдать свои чувства,
Когда она могла попасть впросак;
Что допустил подобное кощунство.

И я уж знаю, как себя вести,
Её уроки не прошли бесследно:
Всё постараюсь до нуля свести,
Что нашим отношениям будет вредно.

Я должен декорации сменить,
Чтоб окруженье не напоминало
Ту боль, что я успел ей причинить...
А боли причинил я ей немало.

Компании нужны нам для знакомств,
А повезло с любовью повстречаться —
То выбор твой необычайно прост:
Мечтай, наедине чтоб с ней остаться;

Чтоб ревность без причин не разбудить,
Старайся избегать больших компаний...
Пришла пора, чтоб нас соединить,
Моих в любви и верности признаний.

Сейчас я счастлив... Но немой укор
В моей душе, как ком, образовался:
Ну почему я, глупый, до сих пор
В любви моей Алине не признался?

Меж нами был какой-то интервал,
Мы оба были очень осторожны,
Нам чудился обман или провал...
В такой среде признанья невозможны.

И всё же мне Алина шанс дала,
Когда однажды искренне призналась,
Что нашего свидания ждала
И в ожиданьи очень волновалась.

Но я был лишь собою увлечён,
Её слова как должное воспринял,
Своею красотой был ослеплён,
Ответных действий так и не предпринял.

И отчужденье стало всё сильнее...
А я лишь бесконечно извинялся —
Зачем, не понимая – перед ней,
Её капризам странным удивлялся.

Как много неосознанного в нас!

И мы порой совсем не понимаем,
Что нас ещё зовёт из детства глас,
Когда свои решенья принимаем.

Хоть в юности, хоть в зрелые года —
Родителей копируем мы с детства,
До смерти нам не деться никуда
От этого духовного наследства.

Родители не стали для меня
Примером, образцом для подражания:
Так принято у них: тот размазня,
Кто выражал открыто обожанье.

Они меня любили, спору нет,
Любовь при этом тщательно скрывали
(Как будто бы любовь – большой секрет!),
На расстояньи от себя держали.

Но я не ставлю это им в вину,
Их судьбы так трагически сложились:
Ведь люди, пережившие войну,
Как заново на белый свет родились.

Но мир вокруг меня не так жесток...
Чтоб жизнь моя серьёзно изменилась,

Я должен научиться делать то,
Что раньше никогда не приходилось.

И чувства научиться выражать —
Вот первое, что мне необходимо:
Алине на свидании сказать,
Что мною с первых встреч она любима.

И мне приятно будет наблюдать
Глаз любящих прекрасное сиянье.
Я знаю: не придётся долго ждать —
Исчезнет между нами расстоянье.

Я уберу колючки и шипы;
Коль мягче стать есть веская причина —
Я извлеку себя из скорлупы...
Насколько ж мягким должен быть мужчина?

Настолько, чтобы женщина могла
Мужчины безбоязненно касаться...
Но вовсе не таким, как шоколад,
Что быстро тает в тёплых женских пальцах!»

Глава 29. Сближение

В какой-то миг неуловимый,

Неумолимый на года,

Я поняла, что нелюбимой

Уже не буду никогда.

Р. Казакова. В какой-то миг неуловимый

Любой из нас ошибки совершал...

И выпадет тому большое счастье,

Кому – чтоб больше Бес не искушал —

Исправить в этой жизни их удастся.

Они встречались часто – каждый день! —

Чтоб воли не давать воображенью,

Чтоб даже незначительная тень,

Не омрачала их пути к сближенью.

И им диплом нисколько не мешал...

Любовь лишь неизвестностью пугает,

Виталий, окрылённый, точно знал:

Любовь учёбе только помогает.

Свои он чувства больше не скрывал —

И словно оседлал волну удачи:
Он с лёгкостью теперь овладевал
Всем тем, что непосильно было раньше.

Успех свой научился он ценить,
Его считал бесценным капиталом,
Нанизывал, как бусинки на нить,
И находил его в деяньи малом.

Он чувствовал, что стал совсем другим,
Боялся крылья обломать, как прежде,
Раздутым самомнением своим
Алиною подаренной надежде.

Он будто бы забыл её визит,
Почти произнесённое признание,
Пришёл к ней на работу, деловит,
И пригласил на «первое» свиданье.

Зашёл, конечно, он и в свой отдел —
В его простор из тесной комнатухи.
Теперь уже по-новому глядел
На Броню с Соней: милые толстушки!

Да, он нарочно пригласил в кино
(Они ведь «недостаточно знакомы»),

И звать домой не очень-то умно) —
Ей дал понять, что человек он новый.

В кино её рукою завладел,
И в темноте её глаза блестели.
Он делал то, что раньше не имел
Возможности осуществить на деле.

После работы провожал домой,
И это было частью ритуала,
Что говорил: всё для тебя одной,
И я намерен всё начать сначала.

Когда увидел, что Алины страх
И скованность исчезли без остатка,
То предложил ей побывать в гостях
И музыку послушать... с шоколадкой.

Алину этим он не удивил:
Ведь знала чуть не с первого знакомства —
В душе совсем другим Виталий был,
В нём есть и доброта, и благородство.

Казалось бы, он должен был порвать
Все отношенья с «ветреной» Алиной,

Когда она решилась с Сеней «спать»...
А он, наоборот, пришёл с повинной.

Алину он гордыней донимал
И вёл себя порою, как проказник,
Но в глубине души всё понимал
И не хотел Алине портить праздник.

И каждый раз, когда он приходил
И извинялся за свою гордыню,
Он душу ей невольно бередил:
Покорность красит сильного мужчину.

Виталий это делал для неё —
Алина это чувствовала, знала! —
Смирив самомнение своё,
Не раз пытался всё начать сначала.

Виной всему была лишь красота,
Что заставляла каждое мгновенье
Произносить красивые уста
Слова с разящим женщину презреньем...

И вот Алина словно ожила —
Всё изменилось после примиренья:
С словами не расходятся дела,

И нет уже в его глазах презренья.

Уже не говорит он о себе,
Не хвалит сам себя, самовлюблённый,
Он перемене рад в своей судьбе,
Их примиреньем воодушевлённый.

Он начал свои чувства выражать
И говорить Алине комплименты,
Объятъем нежным их перемежать...
Как сладостны подобные моменты!

Он отмечал Алины красоту
И вкус её изысканный в одежде —
Мужчина, излучавший доброту,
Урок давал красивому невежде.

И на других он больше не глядел,
Хоть взоров женщин привлекал немало,
К красавицам Виталий охладел,
Его Алина только занимала.

Все планы он с Алиною сверял,
Был уважителен – не меньше Сени.
Алину он всё больше покорял,
Всё меньше было прежних опасений.

Он теми же глазами видит мир,
Что и Алина... Есть ли что важнее?
Сближенье душ – вот тот ориентир,
Что может сделать женщину нежнее.

Теперь её Виталий так любил,
Как именно она того хотела:
Он всю её теперь боготворил —
Не только красоту лица и тела.

И девочка, что в глубине души
Жила до сей поры, боясь открыться,
Боясь обид, что человек вершит, —
Решила с этим миром подружиться.

Она любима – значит, красоту
Сомнению уже не подвергали!
И чувства заполняли пустоту —
Они Алину больше не пугали.

Они её накрыли, как волна,
Что, в глубине морской толчком рождаясь
И двигаясь на берег, как стена,
Всё заполняет без конца и края.

Чем больше ей Виталий угождал,
Чем больше он самим собой являлся,
Тем он сильнее Алину возбуждал,
Тем более желанным ей казался.

Он бережно Алину обнимал,
Не позволял на похоть дерзновенья...
Но лишь Виталий руку отнимал —
Она ждала его прикосновенья.

Приятен ей и тот авторитет,
Что в общежитье возымел Виталий:
Коль есть таланты, то препятствий нет —
С ним можно покорять любые дали.

И пусть таланты – только векселя,
Но чаянья её он оправдает...
Для женщины мужчина – как земля:
На ней она растёт и расцветает.

Взращённая мужчиной красота
Его же самого и возвышает.
И дамам незамужним не чета
Та женщина, что в браке расцветает:

В своём мужчине полностью, до дна

Она всегда готова раствориться,
И должен он к чему-нибудь стремиться,
Чтоб вместе с ним стремилась и она.

Не всё определяется породой:
Мол, кем родился – будешь тем вовек...
Да, качества заложены природой —
Но ими управляет человек!

Глава 30. Первый раз

В ту короткую летнюю ночь Конни столько узнала. Испытав такое, женщине полагалось бы умереть со стыда. На самом деле умер стыд, органический стыд – обратная сторона физического страха.

Д. Лоуренс. Любовник леди Чаттерли

С Виталием Алина расцвела:
Эмоции – суть женщин, их начало.
Она, конечно, счастлива была...
И всё же ей чего-то не хватало.

В учёбе стал Виталий отставать,
Но о разлуке мысль её пугала:
Она ему готова помогать,
Чтоб не пришлось всё начинать сначала,

Не разрушать гармонию сердец,
Что вместе вновь после разлуки длинной.
Теперь они «совпали», наконец —
Он увлечён дипломом и Алиной!

Но наши страхи – что же мы без них?
И, вопреки Виталия стараньям
Не пялиться на девушек других,
Алине показалось это странным.

Ей вдруг приснился очень страшный сон:
Виталию другая отдаётся,
В её груди звучит счастливый стон,
И сквозь него над Алею смеётся!

Природное влечение, без прикрас,
Мы похотью брезгливо называем...
Когда ж проснётся эта похоть в нас —
Куда деваться от неё, не знаем.

Алина не могла забыть про сон...
И начала в любимом сомневаться:
Сейчас Виталий ею увлечён...
Но долго ль это будет продолжаться?

Он ей признался, что в неё влюблён,
О свадьбе говорил... Но та далече:
Пока он не получит свой диплом,
О свадьбе той не может быть и речи.

Диплом в июне... Очень долгий срок!

В минуту страшных мук и угрызений,
Ломающих устои недотрог,
Алина вдруг подумала про Сеню.

Виталия он мог бы заменить,
Когда бы всё сложилось неудачно...
Но смог бы он её воспламенить?
Вдруг для Алины стало всё прозрачно:

«Я с радостью схватилась за него,
Когда узнала, что он – брат любимый:
Ждала я от Виталия всего,
А Сеня был гарант необходимый,

С Виталием всегда чтоб рядом быть,
Когда он вдруг решит со мной расстаться,
И продолжать по-прежнему любить,
И ждать, когда вернётся, может статься...

И он вернулся! Что ж ещё желать?
Нужны ли доказательства вернее?
Да, я имею над любимым власть...
Но нужно укрепить её скорее!»

В субботу, погуляв, сходяв в кино,

Виталий в гости пригласил Алину.
Нет Вани с Максом, и немудрено,
Что он обнять Алину не преминул.

Он завязал привычный разговор...
Но живости былой не получилось:
Алина молчалива... странный взор...
Он недоумевал: что с ней случилось?

Но взгляд был необычнее всего:
Глаза её загадочно блестели
И пристально смотрели на него...
Увидеть что-то важное хотели?

Пока гадал он, в чём его вина,
Шепнула интуиция Алине,
Что у него она сейчас одна,
Что у неё соперниц нет в помине.

Виталий весь дипломом поглощён,
О женщинах других не помышляет,
Самой Судьбой Алине послан он...
И Вагина её благословляет...

Нельзя же без конца не замечать,
Как смотрит милый на её колени...

Нет, видит Бог, пора уже начать
Ей отвечать на знаки вождлений —

Она его сегодня ублажит!
И пусть её слегка сомненье гложет,
Но то, что ей уже принадлежит,
Она, Алина, упустить не может!

Так стоит ли намеренья скрывать?
Алину совесть больше не терзала:
«Я остаюсь сегодня ночевать...» —
Едва уняв волнение, сказала.

В груди забилося сердце горячо,
Что помыслы её вдруг стало видно,
И голову склонила на плечо
Виталию, чтоб не было так стыдно.

Виталий понял: это означало -
Произошло всё то, что он хотел,
Но было душ сближение сначала,
Что привело к сближению их тел.

Как просто и неожиданно для него
Настал момент желанный, вождленный —
Живою плотью стало божество,

И ласки стали слишком откровенны.

Алина от его горячих рук
Забыла страхи и переживанья,
Всё это для неё исчезло вдруг,
Их заменило страстное желанье.

Она в смятении: влажно между ног...
Как будто похоть из неё сочится...
Как внове это всё для недотрог!
Она спросила: «Где бы мне помыться?..»

Был поздний час. В такие времена
Кого-то встретить можно не бояться:
Безлюдно, в коридорах тишина...
Виталий предложил ей в душ пробраться.

В подвале был их знаменитый душ,
Воспетый всеми в острых прибаутках,
Куда пройти – попробуй обнаружь! —
По лестнице, сокрытой в закоулках.

В подвале том полутемно всегда,
И редко в этом душе кто бывает,
А если кто придёт, то не беда:

Там пар, и вряд ли кто её узнает.

Алину не смутило ничего.

И, не боясь чужим подставить взорам,

Виталий, ощущая торжество,

Её повёл по гулким коридорам.

Такой момент любого упоит:

Алина перестала быть ничейной,

И то, что им сегодня предстоит, —

Фрагмент из жизни будущей... семейной.

Им предстоит расстаться со стыдом:

Они сегодня будто поженились,

И будто бы у них уже есть дом,

И, как супруги, перед сном помылись.

Душ предоставлен только им одним.

И в полумраке, паром разогретом,

Впервые обнажила перед ним

Алина то, что было под запретом.

Всевластна ощущений новизна...

Как сильно зов природы нас меняет!

Тел наших сокровенные места

Чужому прежде взору доверяет —

Преодолев родителей запрет;
И он же сладко нас увещевает:
У душ родных ни в чём препятствий нет,
В любви стыдливость только лишь мешает.

Их нежное совместное мытьё
И ддящееся долго предвкушенье,
Обоих ввергнув в полузабытьё,
Усиливало только возбужденье.

Когда вернулись в комнату они,
Стыда у них гораздо меньше стало —
Как будто в душе смыли часть брони...
И вот минута близости настала.

Они неузнаваемо нежны,
Им можно всё – любовь тому порука,
Любовью их глаза замутнены,
В сердцах стучащих сладостная мука.

Преодолён в сознании порог —
Теперь лишь удовольствие им нужно...
Алина издаёт протяжный вздох:
Впустила внутрь любимого радушно —

И тело перестала узнавать!
Стонать Алина вовсе не хотела —
Ей стыдно было звуки издавать...
Но этого желало её тело!

Явила страсть влияние своё,
И ей пришлось признать её господство.
А то, что было в жизни до неё,
Алина расценила как... уродство.

Теперь уже нельзя счастливой быть
Без стонов... затемнённого сознания...
Без ласк, что заставляют сердце ныть...
Проникновенья... тела содроганья...

Как сладко быть желанной, вожаделенной,
Внутри себя мужчину ощущать,
Взлетая на вершину, понимать:
Так в звёздах происходит взрыв Вселенной!

О нём, когда закончится полёт,
Напомнит тела нежная усталость.
К тому, кто это чувствовать даёт,
В её душе любовь – и благодарность...

Когда рассвет в окошке засерел,
Алина, измождённая, уснула.
Виталий на лицо её смотрел...
И мысль неожиданно важная мелькнула:

«Сказала Света: пожалей меня —
Её мольба меня остановила...
Сказала – не препятствия чиня:
Девчушка мне проверку учинила —

Готов ли я ради неё на всё,
Что б ни случилось (как-никак – растленье!):
Доказывая чувство к ней своё,
На риск любой идти... на преступленье.

Я не решился... Света поняла:
С ней связывать судьбу я не намерен —
Поскольку осторожность верх взяла,
То, значит, я в любви к ней не уверен.

С Алиною иначе всё у нас:
Хоть я её волненье ясно видел,
Ни в чём не сомневался в этот раз —
И с радостью её «подарок» принял.

Я весь во власти бёдер... губ... колен...

Мне кажется, я в плен Алине сдался...
Но, Боже мой, как сладок этот плен!
Зачем я, глупый, так сопротивлялся?»

Эпилог

Я останусь с тобой, даже если не хочешь.

Я останусь с тобой в сладком запахе влажных волос.

Разобью твой покой и в бессонные ночи

*В твои вены вольюсь той рекой, что течёт в царство
слез.*

О. Газманов. Я останусь с тобой

Мы не довольны жизнью никогда...

И нас, услышав наши ожидания,

Покинул век советский навсегда...

Но есть в нём образцы для подражания.

Отбушевал, как горная река,

Накал эмоций молодости нашей,

Река теперь спокойна, широка,

И выглядит немножечко уставшей.

Прошло всего каких-то тридцать лет...

Но как же мир вокруг переменялся!

Анафеме был предан партбилет...

Союз, когда-то крепкий, развалился...

Те, с кем дружили, взрослые давно,
И обветшали двери общежитий...
Но в памяти, как старое кино,
Мелькают кадры дорогих событий.

Убогий стиль столовых прошлых лет
Сменил гламур «Макдональдсов» богатых...
И нет уже на свете тех котлет —
Удела всех красавцев неженатых.

Нет в колбасе животного белка,
Из ГМО там соевая масса.
Нет в нашем сыре нынче молока —
Всё заменило пальмовое масло.

Поскольку все у денег в кабале,
Нас убеждают: это нам полезней.
Чтоб меньше ртов осталось на земле,
Придумывают новые болезни.

Духи «Быть может...» в магазинах есть,
Но если мы устроим им проверку,
В сравнении с тем, что было, — не бог весть:
Похожи на дешёвую подделку.

Когда-то джинсы — страшный дефицит,

Мы без икры испытывали сытость,
Теперь на полках это всё лежит,
А в дефиците – искренность, открытость.

Свой капитал желающим иметь -
Налоговые льготы, упрощённость...
Но каждый должен о себе радеть
Без государства – в прошлом защищённость.

Меняет мир столетий череда,
Но нас они не поражают новью:
Любовь всегда останется любовью,
И ревность не исчезнет никогда...

Хотя... и здесь налёт порядков новых:
Любовь мужчины с женщиной – позор,
Молчит Природа, ей наперекор
Настало время браков однополых.

Алины и Виталия мечта
Сбылась – они построили квартиру,
В сравнении с ней, похожа на сатиру
В семейном общежитии теснота.

Здоровыми детьми мы род свой множим...

Двоих детей Алина родила,
И копией Алины дочь была,
А сын был на Виталия похожим.

Алины ожиданья оправдал
И стал большим начальником Виталий,
О том, как он безденежьем страдал,
Они порой с Алиной вспоминали.

Своей жене Виталий предан был,
Не забывал о данном ей обете:
Чтоб не разжечь к другим любовный пыл,
Свои глаза держал он на диете.

Семён не очень сильно пострадал:
В симпатиях к Алине не лукавил,
Но воли своим чувствам он не дал,
Пути для отступления оставил.

Он видел действо, словно волшебство:
И как Виталий мучился, тщеславный,
И девушки капризы, баловство...
И понимал Семён: не он здесь главный.

Его могло бы чувство расцвести
К Алине.. Но Виталий не позволил,

И с лёгкостью Семён его простил:
То результат его труда и воли.

Скончался вдруг Халдей... Как?.. Почему?..
Узнал Виталий об уходе раннем
И очень благодарен был ему,
За вкус, что тот развил своим стараньем.
Пиляев Савва вскоре перешёл
В Райком КПСС, стал важной птицей,
И вёл себя, как на престол взошёл...
Пока СССР не развалился.

Уже начался двадцать первый век...
Виталий шёл по Невскому проспекту...
Вдруг молодой красивый человек,
Курящий раздражённо сигарету,
Стал девушке, стоявшей рядом с ним,
Курившей тоже (внешне – безразлично),
Кричать слова, понятные лишь им,
Что выглядело не совсем прилично:

«Отстань, прошу! Ты вот где у меня! —
С красивыми ногтями пятерня
Коснулась горла, будто нож калёный. —

Я не люблю тебя, пойми, Алёна!»

Когда умён ты, молод и красив,
Куда деваться от высокомерья?
В душе копятя залежи неверья
В любовь, и ты становишься спесив.

Своё ты ощущаешь превосходство,
И кажется, что все тебе должны,
В твоих деяньях мало благородства,
Ни перед кем не чувствуешь вины.

И он ушёл... Он думал, навсегда...
Но разве это он один решает?
Он думал: не полюбит никогда...
Но разве он об этом что-то знает?

Есть у красавиц сложности с умом...
Но интуиция – их козырь главный,
И их ни в детстве раннем, ни потом
Не одолеет ум мужской глобальный.

Известно ей, что это нервный срыв:
Непросто ощущать себя ведомым —
И, от эмоций медленно остыв,
Он возвратится к ней путем знакомым.

Она в своём спокойствии права:
Уходят молча, если всё в разладе...
Когда ж кричишь ты гневные слова —
Они звучат как просьба о пощаде.

Он думал, будто с ней всё решено...
Она к нему придёт в часы бессонниц,
И не заменят тысячи поклонниц
Её прикосновение одно.

Он заберёт свой бритвенный прибор,
Когда он от неё уйти решится...
Но возвратится, испытав позор,
Когда весь мир вокруг начнёт крушиться.

Она ему дала вкусить себя,
С собой связала – органами всеми:
«Всё для тебя, любимый, для тебя!
Со мной ты, милый, будешь, как в Эдеме!»

Уйдешь ты снова... Но не навсегда,
И слёзы, как всегда, врасплох застанут...
Но у влюблённых воля не тверда,
И все обиды в нежности растают.

Любовь мужчины к женщине легко
Сравнить с мечтою жить в прекрасном замке:
К нему стремится, внешностью влеком,
И внутрь открылась дверь в высокой арке.

Вид башен, стен пришла пора сменить
На изученье комнат, их устройство,
И начинает больше он ценить
Уют, покой и... разные удобства.

Когда бежишь по снежной колее,
Она порой бывает очень скользкой,
Ты недоволен узенькой полоской —
Твоим спасеньем в снежном киселе,

И кажется тебе, что та, другая,
Удобнее на свете всех колей,
И ты, свою опору отвергая,
Бежишь по той, что кажется милей...

Но что с тобой? Опять ты недоволен?
И кажется, что ты продешевил?
Ты показал, что ты в решеньях волен...
Но разницы совсем не уловил!

Не так ли у мужчины происходит?
Ты вроде счастлив с женщиной своей...
Но кажется тебе, что за нос водят,
Что женщина другая красивей.

Мужчину привлекает новизна,
Когда он ищет нового кумира...
И встряска – до нутра! – ему нужна,
Что расширяет горизонты мира.

До встречи с ней он был всегда один —
Желаний и поступков господин,
В его Вселенной женщине нет места,
Женитьба для него – страшной ареста.

Ты внешним видом восхищаешь всех
И, зная, что красив, собой доволен...
Но, размышляя о своей красе,
Становишься ты умным поневоле.

Без женщины мужчина – как барон,
Мюнхгаузен: он в облаках витает,
Себя сам тащит из болота вон
И на ядре летящем восседает.

А женщины устройство какво?

Пусть тревога вас, мужчины, гложет:
Всю жизнь любить способна одного...
Но брошенной, ненужной быть не может.

Благословенны будут те мужчины,
Что женщину способны восхвалять,
Что видят в ней всегда любви причину,
А не свою озлобленную мать.

Пусть каждый повстречает ту, одну,
Что делает из мальчика Мужчину,
И испытает чувства глубину...
Коль разгадает женскую личину:

Она смеётся, тайною маня,
Ты спрашиваешь: «Кто тебе дороже?
Кого ты любишь? Может быть, меня?» —
Она ответит... искренне: «Быть может...»

Примечания

1. Скотовоз – сленговое название городского высокопольного автобуса ЛиАЗ-677 производства Ликинского автобусного завода.
2. Тираннозавр – род плотоядных динозавров.
3. Фарцовка – сленговое название запрещенной в СССР подпольной покупки/перепродажи (спекуляции) практически недоступных рядовому советскому обывателю дефицитных импортных товаров. Подавляющим большинством предметами предложения и спроса фарцовки выступали одежда, аксессуары, звуконосители (виниловые пластинки, аудиокассеты, бобины), косметика, предметы быта, книги и т. д. Лица, занимающиеся фарцовкой, назывались «фарцовщиками» (самоназвания: «утюг», «бомбила/о», «фарца́», «фарец», «маклак», «деловар», «штальман»). Фарцовщиками были, в основном, молодые люди (студенты), а также лица по роду своей деятельности имеющие возможность тесно общаться с иностранцами: гиды, переводчики, официанты, таксисты, проститутки и т. д. Предметы фарцовки, или само явление вообще называлось «фарца́».
4. «Прибалтийская» – гостиница.
5. «Винил» – виниловые пластинки.
6. «Попса» – поп-музыка, популярная музыка.
7. «Yes» – британская рок-группа.

8. Фрэнк Заппа – американский композитор, певец, мультиинструменталист, продюсер, автор песен, музыкант-экспериментатор.

9. «Сосиска» – сосисочная закусочная.

10. Роба – грубая рабочая одежда.

11. «Бригаденфюрер» – бригадир (сленговое название).

12. «Повесть о разуме» – книга Михаила Зощенко.

13. Исаакий – Исаакиевский собор.

14. Столп – Александровская колонна на Дворцовой площади (Александрийский столп – по стихотворению А. С. Пушкина «Памятник»).

15. Ангел с верхотуры – ангел на шпиле Петропавловского собора.

16. Сленг – а). Речь социально или профессионально обособленной группы; жаргон. б). Элементы речи, не совпадающие с нормой литературного языка (обычно экспрессивно окрашенные).

17. «Звонарь» – болтливый человек, сплетник.

18. Ломаться – упрямиться, не соглашаться на что-либо, не имея на то основательных причин.

19. Гимен – вагинальная корона (девственная плева).

20. Крыша мира – горная система Памир.

21. Сессон – женская причёска.

22. Лимит – лимитная прописка.

23. «Быть может...» – польские духи.

24. Богема – слой творческой интеллигенции, не имеющей

устойчивого дохода, ведущей беспорядочную жизнь (о музыкантах, художниках, актёрах, литераторах).

25. Дата – 61-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

26. «Space» – французская группа, исполняющая музыку в жанре «космической» электроники и диско.

27. «Тёлка» – сленговое название девушки среди молодёжи.

28. Табу – у первобытных народов: запрет, налагаемый на какое-либо действие, слово, предмет, нарушение которого, по суеверным представлениям, карается сверхъестественными силами.

28. «Пани Валевска» – польские духи.

29. Ищите женщину – *cherchez la femme*, цитата из криминального романа Дюма-отца «Могикане Парижа». Ещё раньше древнеримский поэт Ювенал в одном из своих сатирических произведений заявил: «Едва ли найдется тяжба, в которой причиной ссоры не была бы женщина».

30. Волочиться – ухаживать за женщиной.

31. Пугана – женщина лёгкого поведения.

32. Флирт – любовная игра, кокетство.

33. Сплин – уныние, хандра.

34. Дриопитек – род вымерших человекообразных обезьян.

35. Опус – сочинение, произведение.

36. ДНД – добровольная народная дружина.

37. Променаж – прогулка.

38. Силок – приспособление в виде затягивающейся петли для ловли птиц и мелких животных.

39. Живец – мелкая живая рыбка, насаживаемая на крючок при ловле крупной рыбы.

40. Брудершафт – застольный обряд, при котором оба его участника, скрестив руки с бокалами, одновременно выпивают спиртное и целуются в знак взаимной дружбы и перехода в обращении на "ты".

41. Муза – в древнегреческой мифологии: каждая из девяти богинь, покровительниц наук и искусств.

42. Эпатаж – скандальная выходка; поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила.

43. Плейбой – богатый молодой человек, вращающийся в высшем свете, спортивный, сексуальный; праздный повеса.

44. 10cc – британская музыкальная группа.

45. Бонтон – светская учтивость, изысканность в обращении.

46. I'm Not in Love – Я не люблю (англ.).

47. Эдем – в Библии: земной рай; место, где жили Адам и Ева до их грехопадения.